

ISSN 2713-1165

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

UNIVERSUM HUMANITARIUM

2025 | № 2

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Universum Humanitarium

2025

№ 2

Научный журнал
Периодичность – 2 раза в год

Главный редактор – Т. И. МОРОЗОВА

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования

Электронная версия журнала размещена на платформе
Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru

Адрес редакции:
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, Россия, 630090
Телефон: + 7 (383) 363-42-26
E-mail: unihuman.nsu@gmail.com

Перевод на англ. яз. – А. А. РЕЧКАЛОВА
Корректура – М. В. БОЕВА, Н. В. САЛЬЦЕВА
Вёрстка – А. В. УЛЬВЕРТ

<https://www.universum-humanitarium.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство ЭЛ № ФС 77-81801 от 27.08.2021)
© Новосибирский государственный университет, 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МОРОЗОВА ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА — канд. ист. наук, заместитель директора Гуманитарного института по научной работе, Новосибирский государственный университет; старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЕГОРОВ СТАНИСЛАВ ОЛЕГОВИЧ — канд. ист. наук, доцент, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

КОЖАЕВА АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА — ассистент, специалист, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АКИМОВА АННА СЕРГЕЕВНА — канд. филол. наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН; доцент, Московский государственный педагогический университет (Москва, Россия)

БОБРОВ ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ — канд. ист. наук, заместитель директора Института истории и международных отношений по научной и инновационной работе, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

БОБРОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ — д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

ДАМПИЛОВА ЛЮДМИЛА САНЖИБОВЕВНА — д-р филол. наук, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

ДУТЧАК ЕЛЕНА ЕРОФЕЕВНА — д-р ист. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

КИМ ИГОРЬ ЕФИМОВИЧ — д-р филол. наук, профессор, Новосибирский государственный университет; главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

КОШКАРЕВА НАТАЛЬЯ

БОРИСОВНА — д-р филол. наук, зав. кафедрой, Новосибирский государственный университет; зав. сектором, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

МЕТЕЛЬ ОЛЬГА ВАДИМОВНА — канд. ист. наук, научный сотрудник, Высшая школа экономики; доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

ОЙНОТКИНОВА НАДЕЖДА

РОМАНОВНА — д-р филол. наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ПЛЕХ ОЛЕСЯ АНАТОЛЬЕВНА — канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

РУДАЯ НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА — д-р геогр. наук, канд. биол. наук, доцент, Новосибирский государственный университет; ведущий научный сотрудник, зав. лабораторией, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ТАВАРЕВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — д-р ист. наук, доцент, директор научно-исследовательского центра «Новая археология», Новосибирский государственный университет; главный научный сотрудник, зав. сектором, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ШЕРЕМЕТЬЕВА ДАРЬЯ ЛЕОНИДОВНА — канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия)

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА**

ФЕДОРУК МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ —
акад. РАН, д-р физ.-мат. наук, ректор,
Новосибирский государственный уни-
верситет (Новосибирск, Россия)

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА**

**КРИВОШАПКИН АНДРЕЙ
ИННОКЕНТЬЕВИЧ** — чл.-корр. РАН,
д-р ист. наук, директор, Институт
археологии и этнографии СО РАН; и. о.
зав. кафедрой, Новосибирский государ-
ственный университет (Новосибирск,
Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АЙТАЧ АХМЕД — PhD (История), доцент,
Университет Айдын Аднан Мендерес
(Айдын, Турция)

ВОЙТИШЕК ЕЛЕНА ЭДМУНДОВНА —
д-р ист. наук, зав. кафедрой, главный
научный сотрудник, Новосибирский
государственный университет
(Новосибирск, Россия); ведущий науч-
ный сотрудник, Институт востоковеде-
ния РАН (Москва, Россия)

**ГОЛОВНЕВ АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ** — акад. РАН, д-р ист.
наук, директор, Музей антропологии
и этнографии им. Петра Великого РАН;
профессор, Институт истории Санкт-
Петербургского государственного уни-
верситета (Санкт-Петербург, Россия)

**ДЕМИДЧИК АРКАДИЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ** — д-р ист. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)

ЕНДОЛЬЦЕВА ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА —
д-р искусствоведения, ведущий научный
сотрудник, Институт востоковедения
РАН (Москва, Россия)

ЗУЕВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ — д-р ист.
наук, директор Гуманитарного инсти-
тута, профессор, Новосибирский
государственный университет
(Новосибирск, Россия)

КАН ИН УК — PhD (История), профессор,
Университет Кёнхи (Сеул, Республика
Корея)

КУЗЬМИНА ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВНА —
д-р филол. наук, зав. сектором, Институт
филологии СО РАН (Новосибирск,
Россия)

**КУШКУМБАЕВ АЙБОЛАТ
КАЙРСЛЯМОВИЧ** — д-р ист. наук, глав-
ный научный сотрудник, Евразийский
национальный университет
им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

МОЛОДИН ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ —
акад. РАН, д-р ист. наук, профессор,
Новосибирский государственный уни-
верситет; зав. отделом, главный науч-
ный сотрудник, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск,
Россия)

ОЛСЕН ДЖОН — PhD (История), профес-
сор, Аризонский университет (Тусон,
Аризона, США)

ПИКОВ ГЕННАДИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ —
д-р ист. наук, д-р культурологии, зав.
кафедрой, Новосибирский государственный
университет (Новосибирск, Россия)

СИЛАНТЬЕВ ИГОРЬ ВИТАЛЬЕВИЧ —
чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, зав. кафе-
дрой, Новосибирский государственный
университет; директор, Институт фило-
логии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ТАБАЛДИЕВ КУБАТБЕК ШАКИЕВИЧ —
д-р ист. наук, профессор, Кыргызско-
Турецкий университет «Манас»
(Бишкек, Киргизия)

УРТЕГЕШЕВ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ —
д-р филол. наук, ведущий научный
сотрудник, Институт филологии СО РАН
(Новосибирск, Россия)

ХИСИКАВА КУНИТОСИ — PhD
(Литературоведение), зав. кафедрой,
Киотский университет иностранных
языков (Киото, Япония)

ШАМИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА —
д-р филол. наук, главный научный
сотрудник, Институт филологии СО РАН
(Новосибирск, Россия)

ШИШКИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ —
д-р ист. наук, главный научный сотруд-
ник, Институт истории СО РАН; профес-
сор, Новосибирский государственный
университет (Новосибирск, Россия)

EDITOR-IN-CHIEF

TATIANA I. MOROZOVA – Candidate of Sciences (History), Deputy Director for Research of the Institute for the Humanities, Novosibirsk State University; Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

STANISLAV O. EGOROV – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY

ALBINA A. KOZHAEVA – Assistant, Specialist, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

ANDREY V. TABAREV – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Director of the Research and Education Center “New Archaeology”, Novosibirsk State University; Chief Researcher, Head of the Department, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

ANNA S. AKIMOVA – Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

DARIA L. SHEREMETEVA – Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

DENIS S. BOBROV – Candidate of Sciences (History), Deputy Director for Research and Innovation of the Institute of History and International Affairs, Associate Professor, Altai State University (Barnaul, Russia)

ELENA E. DUTCHAK – Doctor of Sciences (History), Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

IGOR E. KIM – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Novosibirsk State University; Chief Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

LEONID A. BOBROV – Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

LYUDMILA S. DAMPILOVA – Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia)

NADEZHDA R. OINOTKINOVA – Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

NATALIA A. RUDAYA – Doctor of Sciences (Geography), Candidate of Sciences (Biology), Associate Professor, Novosibirsk State University; Leading Researcher, Head of the Laboratory, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

NATALYA B. KOSHKAREVA – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Section, Novosibirsk State University; Head of the Sector, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

OLESYA A. PLEKH – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

OLGA V. METEL – Candidate of Sciences (History), Researcher, National Research University Higher School of Economics; Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

EDITORIAL COUNCIL CHAIRMAN

MIKHAIL P. FEDORUK – Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Rector of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL DEPUTY CHAIRMAN

ANDREY I. KRIVOSHAPKIN – Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Director of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS; Acting Head of the Section, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

AHMET AYTAÇ – PhD (History), Associate Professor, Adnan Menderes University (Aydın, Turkey)

ANDREY S. ZUEV – Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for the Humanities, Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

ANDREY V. GOLOVNEV – Academician of the RAS, Doctor of Sciences (History), Director, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS; Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

ARKADY E. DEMIDCHIK – Doctor of Sciences (History), Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

AYBOLAT K. KUSHKUMBAEV – Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

EKATERINA Y. ENDOLTSEVA – Doctor of Sciences (Art History), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS (Moscow, Russia)

ELENA E. VOITISHEK – Doctor of Sciences (History), Head of the Section, Chief Researcher, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS (Moscow, Russia)

EVGENIYA N. KUZMINA – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

GENNADY G. PIKOV – Doctor of Sciences (History, Cultural Studies), Head of the Section, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

HISHIKAWA KUNITOSHI – PhD (Literature Studies), Professor, Head of the Department, Kyoto University of Foreign Studies (Kyoto, Japan)

IGOR V. SILANTYEV – Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS; Head of the Section, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

JOHN W. OLSEN – PhD (History), Professor, University of Arizona (Tucson, AZ, USA)

KANG INUK – PhD (History), Professor, Kyung Hee University (Seoul, Republic of Korea)

KUBATBEK SH. TABALDIEV – Doctor of Sciences (History), Professor, Kyrgyz-Turkish University “Manas” (Bishkek, Kyrgyzstan)

LYUDMILA A. SHAMINA – Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

NIKOLAY S. URTEGESHEV – Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

VLADIMIR I. SHISHKIN – Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the RAS; Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

VYACHESLAV I. MOLODIN – Academician of the RAS, Doctor of Sciences (History), Professor, Novosibirsk State University; Chief Researcher, Head of the Department, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

История и культура стран Азии

Г. Н. Сеидова

Обзор истории исследования культурных связей
Сасанидского Ирана и Дербента 8–24

История России

А. С. Зувев

Административно-территориальное устройство Забайкалья
в 1650–1680-х годах 26–62

В. И. Трухин

Новые сведения о семье албазинского воеводы
Алексея Ларионовича Толбузина 63–81

Археография и источниковедение

И. А. Шилова

Рукопись Пролога первой трети XVI века из Никольской церкви в Опоках
в собрании М. Н. Тихомирова 83–95

Е. В. Королёва

Исторические сражения в алтайской сказочной прозе:
интерпретация и датировка 96–109

Е. А. Турук, Т. А. Богданова

«Повесть о Бове-королевиче» в сборнике из собрания академика
М. Н. Тихомирова 110–125

Документальные публикации

Д. Ю. Хоменко

Фотопортреты в контексте изучения биографии
Петра Ефимовича Кулакова (1867–1937) 127–137

Языкознание

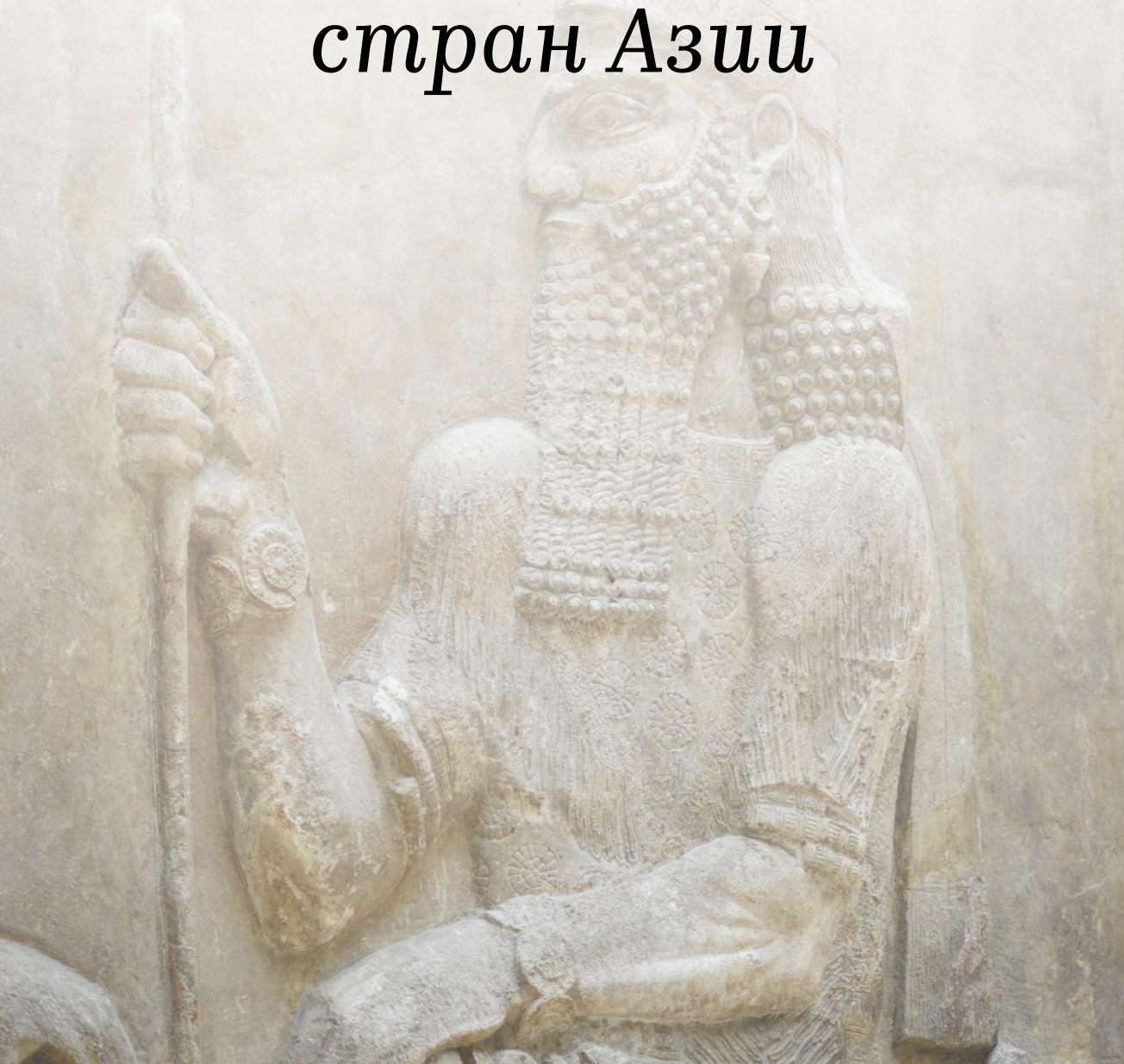
И. Е. Ким

Письмо как объект и предмет науки: семиотика, филология, лингвистика
и паралингвистика письма 139–157

А. Э. Кладова

Текст в русской филологии и семиотике:
формальная организация и семантика 158–182

История и культура стран Азии

ОБЗОР ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ САСАНИДСКОГО ИРАНА И ДЕРБЕНТА

Гюльчохра Надировна Сеидова

Институт дружбы народов Кавказа, г. Ставрополь, Россия

gseidova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2382-7564>

Аннотация. Статья представляет собой обзор источников и литературы, посвященных изучению многогранных связей между Ираном эпохи правления Сасанидов и древним Дербентом. Актуальность исследования данной тематики вызвана важностью обращения к взаимообогащению культур в контактных зонах. Цель работы заключается в рассмотрении истории изучения контактов Ирана и Дербента в прошлом для возможного налаживания конструктивного диалога и сотрудничества в настоящем и будущем. Предпринятая автором попытка комплексного осмысления историографического материала по означенной проблематике призвана продемонстрировать необходимость изучения роли сасанидского культурного наследия, его влияния на формирование социокультурного пространства бытия народов, оказавшихся на одной исторической арене.

Ключевые слова: Сасаниды, древний Дербент, сасанидское искусство, историография.

Для цитирования

Сеидова Г. Н. Обзор истории исследования культурных связей Сасанидского Ирана и Дербента // *Universum Humanitarium*. 2025. № 2. С. 8–24. DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-8-24

A HISTORICAL REVIEW OF RESEARCH ON CULTURAL CONNECTIONS BETWEEN SASANIAN IRAN AND DERBENT

GULCHOKHRA N. SEIDOVA

Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus, Stavropol, Russia

gseidova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2382-7564>

Abstract. This article presents a historiographical review of sources and scholarly literature dedicated to exploring the intricate cultural connections between Sasanian-era Iran and ancient Derbent. The contemporary relevance of this research is underscored by the importance of examining cultural exchanges within contact zones. The primary aim is to survey previous studies on the interactions between Iran and

Derbent to promote constructive dialogue and collaboration in both the present and future. The author conducts a thorough assessment of the existing historiographical materials on this subject, emphasizing the need to investigate the influence of Sasanian cultural heritage in shaping the social and cultural landscape of the peoples who inhabited this historical region.

Keywords: Sassanids, ancient Derbent, Sasanian art, historiography.

For citation

Seidova G. N. A Historical Review of Research on Cultural Connections between Sasanian Iran and Derbent. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 2, pp. 8–24. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-8-24

Сасанидская империя, существовавшая с 224 по 651 г., занимала стратегически важные территории, включавшие современные Иран, Азербайджан, часть Дагестана, Ирак, Туркменистан и Афганистан, что сделало ее уникальной контактной зоной, оказывавшей культурное воздействие на соседей. Культура и искусство Сасанидского Ирана, даже после утраты им государственности в результате арабского завоевания, сохранили заметное влияние на обширные регионы. Известный мусульманский философ М. Легенгаузен разделяет точку зрения искусствоведов, считающих, что искусство и архитектура одной культуры зачастую влияют на другую, причем подчас, пока такое влияние становится заметным, проходят века, как, например, когда стили древних цивилизаций входят в моду в новое время [Легенгаузен, 2009. С. 18].

Наибольшим влияние было на Дербент. Основная причина этого заключалась в том, что с III до начала XIX в., т. е. на протяжении почти полутора тысячелетий, значительная часть территории Дагестана входила в состав Ирана, что являлось залогом тесных торгово-экономических и культурных связей между ними [Ибрагимов, 2010. С. 5]. Патриарх дагестанского востоковедения, профессор А. Р. Шихсаидов писал: «...дагестано-сасанидские отношения – одна из важных, но в то же время, слабо разработанных проблем истории народов Дагестана. Они имеют многовековую историю, отличаются сложностью, и в итоге сыграли значительную роль в политическом, экономическом и социальном развитии дагестанского общества» [Шихсаидов, 1969. С. 162].

Отчасти поэтому данное исследование направлено на рассмотрение истории изучения контактов Ирана и Дербента в прошлом для возможного налаживания конструктивного диалога и сотрудничества в настоящем и будущем. Для достижения поставленной цели были использованы публикации российских и западных востоковедов и археологов [Орбели, 1922; Пахомов, 1929; Артамонов, 1946; Тревер, 1959; Бартольд, 1963; Минорский, 1963; Шихсаидов, 1969; Avery, 1971; Кудрявцев, 1982, 1987; Harper, 2013; Гаджиев, 1987, 2006; Касумова, 1988, 1994; Huff, 2002; Грабар, 2016], а также иранских исследователей [Восоги, 2005; Иманипур, 2006; Айат Аллахи, 2007; Наср, 2009; Малаери, 2013].

Культурное богатство Дербента и его окружи – этническое и конфессиональное многообразие, переплетение ираноязычных, тюркоязычных и кавказоязычных этнических пластов. Проживавшие в Дербенте и его окрестностях

ираноязычные народы Дагестана – персы (иранцы), горские евреи и таты, являвшиеся носителями древних самобытных культур Востока, – сыграли существенную роль в исторических судьбах края.

Дербент являлся форпостом Ирана, через который осуществлялись взаимосвязи со всем остальными городами и поселениями восточного Кавказа. Вторжение гуннов в 395–396 гг. заставило вечных соперников – Иран и Византию – подписать в 408 г. договор о совместных расходах на охрану кавказских проходов. Сведения письменных источников, интерпретация среднеперсидской надписи № 3 на северной стене Дербента с датой строительства позволяют установить, что сооружение укреплений на первом этапе работ (строительство северной городской стены и цитадели) осуществлялось в 568–569 гг. Шесть тонн золотой монетой в виде контрибуции, полученные Ираном от Византии, позволили соорудить комплекс фортификационных сооружений в Дербентском проходе и прилегающей горной зоне. Археолог, профессор М. С. Гаджиев заметил: «Каменный оборонительный комплекс Дербента, сменивший сырцовые укрепления города, возведенные в 440-х гг., стал вершиной фортификационного зодчества Сасанидского Ирана и венцом в системе *Limes Caspius* – кордонных „длинных стен“, опоясавших Каспий на востоке и западе, на границе между оседло-земледельческим и кочевническо-скотоводческими мирами. Эта грандиозная фортификационная система, стоящая в одном ряду с такими шедеврами оборонного зодчества как Великая Китайская стена, Стена Александра (перс. *садд-и Искандар*, тюрк. *Кызыл шлан*), Римский лимес на Рейне и Дунае, Вал Адриана в Британии по праву образно именуется Великой Кавказской стеной» [Гаджиев, 2006. С. 33–34]. В. Ф. Минорский, ссылаясь на «Тарих ал-Баб» в труде Мюнеджжим-баши, приводил такие сведения: «Эта гора имеет много отрогов (ши`аб) и долин. Город ал Баб вал-Абваб стоит на одном из отрогов (ши`аб) и построил его Кисра Ануширван между горой и Хазарским морем» [Минорский, 1963. С. 180].

С самого основания империи Сасаниды играли главенствующую роль в историческом, культурном и экономическом развитии региона. Сасанидское культурное наследие стало объектом интересов историков, археологов и искусствоведов. Академик И. А. Орбели пишет: «В области духовной культуры Сасанидский период характеризуется сильной национальной реакцией против укоренившегося в аршакидский период и в Иране, и в прилежащих странах эллинского влияния в обычаях, религии и даже языке (надписи на монетах). Реакция эта выразилась в торжестве учения Зороастра, ставшего государственной религией, в восстановлении древнего ахеменидского распорядка двора и строя жизни знати, в торжестве персидского (пехлевийского) языка, что нашло себе внешнее проявление в надписях на вещах и в легендах монет, в собрании персидского национального эпоса, изложенного при Сасанидах в „Книге господ“, на пехлевийском языке» [Орбели, 1922. С. 3].

Иранский философ С. Х. Наср видит истоки создания выдающихся произведений исламского искусства в артистичности и тяге персов к красоте, утонченности и изяществу, которые позволили создать одну из величайших школ искусства древнего мира, связанную с Ахеменидами, парфянами

и Сасанидами [Наср, 2009. С. 97]. Современный исследователь истории Ирана П. Авери разделяет эту позицию, полагая, что иранская музыка, зороастрийские обрядовые культы оказали большое влияние на суфийские религиозные радения и шиитские обрядовые представления [Авери, 1971. С. 8]. Английская исследовательница М. Бойс отмечала: «Зороастризм — самая древняя из мировых религий откровения, и, по-видимому, он оказал на человечество, прямо или косвенно, больше влияния, чем какая-либо другая вера <...> Власть и могущество Ирана обеспечили зороастризму огромный престиж, и некоторые из важнейших его доктрин заимствованы иудаизмом, христианством, исламом и гностическими сектами. На Востоке зороастризм повлиял на развитие северного варианта буддизма» [Бойс, 1987. С. 6].

Благодаря своему этническому разнообразию Сасанидский империи удалось создать систему культурного обмена, способствовавшую интеграции различных традиций в нечто единое, грандиозное по масштабам и уровню исполнительского мастерства. Относительно термина «сасанидское искусство» член-корреспондент АН СССР А. Ю. Якубовский высказал такую точку зрения: «Искусство, которое мы называем иранским, было сложным многовековым продуктом различных культурных фактов, деятельными участниками которых являлись как сами персы, так и другие народы Ирана, Средней Азии и Кавказа, жившие не только по соседству с ними, но в течение долгого времени находившиеся под одной с ними властью» [Якубовский, 1939. С. 277].

В подражание предшествующей династии Ахеменидов по приказу сасанидских царей создавались колоссальные рельефы в прославление побед, утверждение божественного происхождения, подчас часто на тех же самых скалах, где ранее были высечены рельефы Ахеменидов. П. О. Харпер считал, что из всех основных памятников сасанидского наследия наиболее важными являются династические наскальные рельефы, предоставляющие свидетельства о характере раннего сасанидского государства, общества и религии. При этом исследователь обращал внимание на то, что развитие сасанидского искусства остается неясным из-за отсутствия надежных датировок (надписи, нумизматика и археология) и сведений о первоначальном происхождении предметов [Harper, 2013. P. 585].

К величайшему сожалению, значительное число памятников культуры и искусства сасанидской эпохи не дошли до наших дней. Они были или разрушены в результате войн, или разграблены и развезены по разным странам. Многие бесценные книги, статуи, ковры, фрески не пощадило безжалостное время. Показательно, что термин «сасанидские» закрепился не только за теми памятниками, которые были созданы за четыре века в пределах Сасанидского Ирана и прилегавших к нему территорий. Гораздо важнее, что далеко за пределами владений сасанидского дома, даже после конца его владычества, под влиянием продолжающих жить традиций создавались бесценные памятники искусства. Это и архитектурные, украшенные скульптурами, самостоятельные рельефы, произведения прикладного искусства из металлов, кости, глины, ткани, по сюжетам, мотивам, разработке и технике тесно примыкающие к чисто сасанидским памятникам. Живописная миниатюра

Илл. 1. Женское головное украшение Южного Дагестана (искусство Кубачи). XIX–XX вв.

Источник: ARTEFACT. Гид по музеям России. URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/zhenskoe-golovnoe-ukrashenie> (дата обращения: 01.09.2025)

Fig. 1. Woman's headdress from Southern Dagestan (Kubachi art). 19th-20th century

Source: ARTEFACT. Guide to Russian museums. URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/zhenskoe-golovnoe-ukrashenie> (accessed 01.09.2025)

того времени отражена в богато оформленных манускриптах с использованием ярких цветов и детализированных изображений. Непревзойденным даже по нынешним меркам остается ювелирное искусство: изготовление сложнейших украшений из золота и серебра с использованием драгоценных камней и эмали. Его традиции бережно сохранены дагестанскими мастерами ювелирного дела (илл. 1). Сасанидский Иран оказал колоссальное влияние на последующее исламское искусство, особенно в области архитектуры и декоративного искусства.

Позиция Сасанидов в поддержке и защите Шелкового пути обеспечивала приток товаров, идей и технологий из Китая, Индии и Средиземноморья. Иранский исследователь Х. А. Айат Аллахи отмечал, что с конца III в. до IX/X в. сасанидские цари обращали особое внимание на запад Ирана. Тот факт, что после времени правления Нарсе в Фарсе больше не было создано наскальных рельефов, исследователь (правда, не приводя никаких аргументов) связывает с возникновением Великого Шелкового пути, проходившего недалеко от Кермана [Айат Аллахи, 2007. С. 145]. По мнению профессора А. А. Кудрявцева, этот торговый путь способствовал накоплению богатства в городах Ктесифон, Нису, Персеполь, расцвету Дербента на северных рубежах. Один из двух основных маршрутов Шелкового пути – южный, проходил через Азербайджан и Дербент, составлявшие в тот период части единого культурно-цивилизационного пространства в пределах Сасанидской империи [Кудрявцев, 1982. С. 131]. Дербент был одним из самых значительных

центров морской и сухопутной торговли: «Великий Волжско-Каспийский путь, многие столетия, связывая между собой народы Северной Европы, России, стран Востока, Ирана, в частности, обеспечивал и организовывал интенсивные хозяйственные связи и обмены, международные контакты, межконфессиональный и межкультурный диалог» [Иноземцева, 2006. С. 61]. По мнению М. Шабаханга, являющегося куратором современного проекта «Шелковый путь», реализуемого секретариатом ЮНЕСКО, «Шелковые пути давали возможность обмена знаниями и опытом, идеями и верованиями, ценностями, традициями и обычаями» [Шабаханг, 2017. С. 5].

Отношения между частью Дагестана, входившей в состав Кавказской Албании, и Ираном восходят еще к Мидийскому государству, но тогда они имели в большей степени торговый характер, в культурном плане ограничиваясь только знакомством друг с другом [Бартольд, 1963. С. 813]. Ситуация кардинально изменилась в 225–226 гг. в связи со сменой в Парфии династии Аршакидов Сасанидами, овладевшими Кавказской Албанией и укрепившимися в районе современного Дербента, где находился один из наиболее крупных городов – Чола (Чора, Чога, Джора). Правители здесь назначались иранскими падишахами, а регион считался частью северных территорий Ирана [Иманипур, 2006. С. 5]. С этого времени Дербент стал не только укреплением стратегического значения, но и крупным политическим, идеологическим и экономическим центром Восточного Кавказа, столицей одного из наместничеств, вошедших после 461 г. в состав державы Сасанидов, позднее – крупнейшим очагом христианства, опорным пунктом ислама [Сеидова, 2023. С. 180]. Иранские шахи сохранили в Дагестане существующее положение: они не стали создавать новую административную структуру, а лишь утвердили и подкрепили положение местных правителей, присудив им титулы иранского происхождения [История Дагестана, 2004. С. 169]. Столь значительная роль в истории обеспечена Дербенту особым положением на западном побережье Каспия, где Кавказские горы вплотную подходят к морю, оставляя узкую (3,5 км) прибрежную полосу, по которой проходил знаменитый Прикаспийский путь – в тот период наиболее удобная и безопасная дорога из Юго-Восточной Европы в Переднюю Азию. Иранский ученый М. Б. Восоги дал такую оценку: «Географическое и культурное значение города стало причиной того, что географы и историки первых веков исламского периода упоминали и описывали его экономическое, социальное и культурное положение» [Восоги, 2005. С. 17]. Великий Волжско-Каспийский путь, много веков связывая между собой народы Северной Европы, Руси и стран Востока, обеспечивал и организовывал интенсивные хозяйственные связи и обмены, международные контакты.

Результаты многолетних археологических раскопок в Дербенте позволили археологу А. А. Кудрявцеву утверждать: «Находясь на стыке двух крупных этнокультурных регионов, Дербент в своем развитии в значительной мере опирался на достижения высокоразвитых областей средневекового Востока, которые трансформировались на базе местных культурных и художественных традиций и обогащались элементами самобытного искусства народов

Дагестана и степей Евразии» [Кудрявцев, 1987. С. 83]. Масштабное каменное строительство, начавшееся при царе Сасанидской династии Каваде (488–531 гг.), было завершено его сыном Хосровом Ануширваном (531–579 гг.). «При нем, — по мнению Е. И. Козубского, — государство этой династии достигло своего апогея внешнего блеска. Заключив мир с Византией <...> возобновил пришедшие в упадок при Кобаде крепость и крепостные стены, построил их из тесаного камня и увеличил население города переселением жителей Персии, преимущественно из Хорасана» [Козубский, 1806. С. 20].

По свидетельству профессора Р. И. Грубера, «Сасанидский Иран как раз незадолго до покорения его Аравией, как и некогда, во времена Кира, Камбиза и Дария, переживал в правление Хосрова I (531–579) „золотой век“ расцвета своей литературы (на пехлевийском языке) и искусств <...> Ко двору Хосрова, страстного любителя искусств и наук, отовсюду стекались ученые и художники. При его дворе выполнялись переводы выдающихся памятников индийской и древнегреческой литературы. Показательно, что под властью Хосрова нашли приют наряду с певцами и музыкантами, бежавшие от преследований византийской власти эдесские и афинские философы!» [Грубер, 1941. С. 455]. Иранский ученый М. М. Малаери, анализируя влияние культуры Ирана в доисламскую эпоху на становление мусульманской цивилизации, также особо выделял эпоху Ануширана, характеризуя ее как один из самых значительных периодов в истории Ирана с точки зрения развития национальной культуры и полагая, что корни многих наук и искусств мусульманского периода нужно искать в недрах сасанидской эпохи [Малаери, 2013. С. 186]. М. И. Артамонов, обследовавший и издавший план Джума-мечети Дербента, выдвигая свою гипотезу ее строительства, писал, что, «без сомнения, для мечети приспособлено здание, выстроенное одновременно с древнейшей частью каменных укреплений. Стены мечети возведены в той же технике, что и постройка Ануширвана» [Артамонов, 1946. С. 143].

Свой вклад в обследование древностей Дербента внес академик И. А. Орбели, обнаруживший во время посещения Дербента в 1928 г. в кладке городских и крепостных стен несколько неизвестных пехлевийских строительных надписей, изданных впоследствии Г. С. Нюбергом и Е. А. Пахомовым [Нюберг, 1929. С. 26–32; Пахомов, 1929. С. 1–25]. Азербайджанский археолог С. Ю. Касумова указывает: «Единственным сохранившимся до наших дней большим памятником среднеперсидской эпиграфики на территории СССР является комплекс пехлевийских надписей, начертанных на стенах Дербента. Надписи из Дербента имеют особое значение, поскольку они могут быть довольно точно датированы, сопоставлены с данными нарративных источников и археологических исследований, особенно широко развернувшихся в последние годы» [Касумова, 1988. С. 88]. Этот комплекс пехлевийских надписей на территории Закавказья датируется VI в. — временем Сасанидского владычества. Они не только показывают крайнюю северную границу среднеперсидского письма, но и являются наиболее ранними из таковых, начертанных по вертикали [Касумова, 1994. С. 3–5]. В 1929 г. И. А. Орбели вместе со своей соратницей К. В. Тревер, ставшей впоследствии членом-корреспондентом АН СССР,

**Илл. 2. Сасанидская печать-гемма.
V–VI вв.**

Источник: Дербентский музей-заповедник. URL: <https://derbentmuseum.ru/sasanidskaya-pechat-gemma/> (дата обращения: 01.09.2025)

**Fig. 2. Sasanian seal-gem.
5th–6th century**

Source: Derbent Museum-Reserve. URL: <https://derbentmuseum.ru/sasanidskaya-pechat-gemma/> (accessed 01.09.2025)

совершили поездку в Дагестан, где занимались изучением музейных собраний Махачкалы и Дербента, памятников археологии, истории и культуры. По итогам этой поездки К. В. Тревер написала: «...уже в конце VI – начале VII в. (в период войн между Ираном и Византией) большое значение начинает приобретать караванный путь вдоль западного побережья Каспийского моря, соединявший Закавказье и Переднюю Азию с Северным Кавказом. Путь этот шел через Партав – Дербент и хазарские ворота Семендер и Варачан» [Тревер, 1959. С. 129].

О дагестано-иранских культурных связях того периода говорят и памятники сасанидской глиптики, найденные при археологических раскопках или в результате этнографических исследований в разных районах Дагестана. Профессор М. С. Гаджиев, исследовав двадцать одну сасанидскую гемму, заключал, что «имеющиеся данные позволяют говорить о применении сасанидских резных камней среди населения Дагестана в роли украшений и талисманов» [Гаджиев, 1987. С. 38–39]. Конечно, культ зороастризма, как и других верований, приобретал местные особенности и значительно повлиял на художественное творчество дагестанцев, которые, возможно, придавали изобразительным мотивам сасанидских гемм новое содержание в соответствии с местными религиозными представлениями. Сасанидские камни, часто с металлической оправой, в перстнях и в виде подвесок, в большинстве случаев имеют форму полушария или сферического полуовала, с просверленной дырочкой, в связи с назначением подавляющего большинства сасанидских резных камней, – печатей (илл. 2).

Авторитетный исследователь исламского искусства О. Грабар считает одним из главных последствий установленного исламом нового уравнивания регионов внезапное и быстрое распространение техники стука (штука) по всему мусульманскому миру из Ирана и Ирака, вследствие чего завоевание всего иранского мира одарило мусульманских правителей не только

**Илл. 3. Цитадель Нарын-кала.
VI–XVI вв.**

Источник: Национальный центр «Россия». URL: <https://russia.ru/news/citadel-naryn-kala-v-dagestane-5000-let-u-kaspiiskix-vorot> (дата обращения: 01.09.2025)

**Fig. 3. Naryn-Kala Citadel.
6th-16th centuries**

Source: National Center "Russia". URL: <https://russia.ru/news/citadel-naryn-kala-v-dagestane-5000-let-u-kaspiiskix-vorot> (accessed 01.09.2025)

иранским художественным вкусом, но и массой искусных ремесленников, владеющих иранскими технологиями [Грабар, 2016. С. 230]. Хотя искусство обработки гипса (алебаstra) зародилось еще в древности, более двух тысяч лет назад, но именно в средневековый период стало одним из замечательных видов архитектурного декора, получившего распространение в монументальном искусстве стран Ближнего и Среднего Востока, где в феодальную эпоху сложилась во многом единообразная культура «мусульманского мира». В качестве архитектурного декора использование резного штукатурного декора засвидетельствовано здесь уже с парфянского времени, т. е. с первых веков нашей эры, но наиболее ранние образцы штукатурного декора были выявлены в оформлении дворцовых сооружений Ашшура (Ирак, I в. н. э.). Дальнейшее, наиболее завершенное развитие искусство резьбы по гипсу (алебаstrу) получило в Сасанидском Иране, в архитектурном декоре которого прослеживалось парфянское и эллинистическо-римское влияние. Изучение данного явления в искусстве Дагестана и всего Кавказа показало, что здесь в своем становлении оно опиралось на культурные достижения высокоразвитых областей Ближнего Востока и Средней Азии, со штукатурным декором которых резной штукатуркой Дербента находит себе весьма близкие параллели в орнаментальных мотивах и технике резьбы. Определенные совпадения в направлениях развития монументально-декоративного искусства и целый ряд параллельных явлений были характерны для территорий Ирана, Согды, Передней Азии и Восточного Кавказа еще в сасанидское время [Кудрявцев, 1987. С. 95]. На сегодня в Дербенте хорошо сохранился штукатурный михраб Кырхляр-мечети, в народе именуемой Хазрат Аббас-мечети. Он представляет собой оригинальную резьбу в виде растительного орнамента и каллиграфической надписи цитат из Корана на алебастровой штукатурке. Подобных высокохудожественных работ в Дагестане считанные единицы [Гусейнов, 2015. С. 289]. В области градостроительства и архитектуры сасанидское искусство навсегда запечатлелось использованием арок и куполов, применением больших и внушительных входных порталов, строительством храмов, дворцов, городских комплексов.

Илл. 4. Дербент. Северная городская стена. Строительная надпись. VI в.

Источник: [Дагестанские святыни, 2007. С. 42]

Fig. 4. Derbent. Northern City Wall. Construction inscription. 6th century

Source: [Dagestan sacred places, 2007, p. 42]

Город Дербент, собственно говоря, знаменит именно благодаря наследию Сасанидов: цитадели Нарын-кала (илл. 3), городским стенам и Горной стене (Даг-бары) (илл. 4).

Российские ученые Р. В. Кинжалов и В. Г. Луконин писали: «Руины дворцов и храмов на берегах Тигра, в долинах Фарса, Кермана и Хорасана <...> Несколько десятков золотых и серебряных сосудов, остатки ковров и шелковых тканей, обрывки сказаний и стихов <...> Вот всё, что дошло до нас от эпохи Сасанидов. И, однако, почти во всех крупнейших музеях мира существует пусть небольшая, но бережно хранимая Сасанидская коллекция; десятки книг написаны о Сасанидском искусстве, о Сасанидской литературе, десятки лет потрачены учёными, чтобы буквально из обрывков воссоздать историю Сасанидского государства» [Кинжалов, Луконин, 1960. С. 4]. Духовный потенциал иранской цивилизации эпохи Сасанидов столь мощен, что, касаясь главенствующего влияния домусульманской культуры Персии на развитие культуры мусульманской, Е. А. Иностранцев утверждал: «Быстрое завоевание Персии арабскими войсками явилось полным разгромом для сасанидской государственности, но персидская культура не могла быть уничтожена успехами арабского оружия. В науке установлено, что разгром Персии был только внешний и что арабы были принуждены в очень многом сохранять прежнее» [Иностранцев, 1909. С. 4]. Касаясь сохранения древнего иранского наследия, следует упомянуть традиционный для жителей исторической части Дербента праздник Новруз, ежегодно отмечаемый как Новый год в день весеннего равноденствия. Особенности, характерные элементы ритуала празднования современного

**Илл. 5. Иран.
Тахт-е Солейман**

Источник: личный архив
Г. Н. Сеидовой

**Fig. 5. Iran.
Takht-e Soleymān**

Source: the personal archive of
G. N. Seidova

праздника и его древнего прототипа весьма схожи. Сухая панцирная кладка тычком и логом цепным методом с использованием стандартных, тщательно отесанных плит, реализованная при строительстве Дербентского оборонительного комплекса, находит аналог в Тахт-е Солейман (илл. 5) провинции Западный Азербайджан на северо-западе Ирана – важнейшем сасанидском зороастрийском храмовом комплексе с великим огнем Атур Гушнасп, покровительствующем воинскому сословию *артештар* Сасанидского Ирана [Huff, 1975. Р. 109].

Цитадель Нарын-кала, городские стены и остатки Горной стены (Дагбары) – вечные памятники эпохи Сасанидов в дар древнему городу. Есть еще одна параллель в истории Дербентского оборонительного комплекса и его иранского «двойника»: оба в 2003 г. были внесены в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Приведенный выше историографический материал свидетельствует о важности изучения роли сасанидского культурного наследия, его влияния на формирование социокультурного пространства бытия народов, оказавшихся на одной исторической арене. Культура Сасанидского Ирана не только навсегда запечатлелась в изобразительном искусстве, ремеслах и архитектуре, но также продолжает проявляться в различных сторонах духовной жизни (поверьях, обычаях, народной литературе) и быта как в самом Иране, так и в Дербенте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Дагестанские святыни / сост., отв. ред. А. Р. Шихсаидов. Махачкала: Эпоха, 2007. Кн. 1. 279 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айат Аллахи Х. А. История иранского искусства. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 352 с. (Iranica).
- Артамонов М. И. Древний Дербент // Советская археология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. VIII. С. 121–144.
- Бартольд В. В. Сочинения. М.: Изд-во вост. лит., 1963. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии; Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. 1020 с.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1987. 302 с. (По следам исчезнувших культур Востока).
- Восого М. Б. Дербент — город 72 народов. Экскурс по исторической географии Дербента в раннеисламский период // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи: история и перспективы развития: материалы международной конференции (г. Дербент, ноябрь 2005 г.). Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2005. С. 17.
- Гаджиев М. С. Памятники сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана: сб. ст. Махачкала: ДагФАН, 1987. С. 139–156.
- Гаджиев М. С. Этапы градостроительной и фортификационной деятельности Сасанидов на Восточном Кавказе // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи: сб. ст. Махачкала: Центр иранистики факультета востоковедения ДГУ, 2006. С. 24–38.
- Грабар О. Формирование исламского искусства / пер. с англ. Т. Х. Стародуб. М.: ООО Садра, 2016. 448 с.
- Грубер Р. И. История музыкальной культуры. М.; Л.: Государственное музыкальное издательство, 1941. Т. 1. Ч. 1: С древнейших времен до конца XVI века. 476 с.
- Гусейнов Г. Я. Энциклопедия города Дербента. Махачкала: Лотос, 2015. 576 с.
- Ибрагимов М.-Р. А. Ираноязычные народы Дагестана: проблемы этнической истории // Роль культуры в российско-иранских отношениях: сб. ст. Махачкала: ИП Гаджиев С. С., 2010. С. 5–15.
- Иманипур М. Исторические связи Ирана и Дагестана и перспективы их развития // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи: сб. ст. Махачкала: Центр иранистики факультета востоковедения ДГУ, 2006. С. 5–9.
- Иноземцева Е. И. Приморский Дагестан в системе международной транзитной торговли по Великому Волжско-Каспийскому пути (с древних времён по XVIII в.) // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи: сб. ст. Махачкала: Центр иранистики факультета востоковедения ДГУ, 2006. С. 55–63.
- Иностранцев Е. А. Сасанидские этюды. СПб., 1909. 140 с.
- История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1: История Дагестана с древнейших времен до XX века / отв. ред. А. И. Османов. М.: Наука, 2004. 627 с.
- Касумова С. Ю. Новые находки среднеперсидских надписей в Дербенте // Вестник древней истории. 1988. № 1 (184). С. 88–95.
- Касумова С. Ю. Среднеперсидская эпиграфика Кавказской Албании (Дербент). Баку: ЭЛМ, 1994. 127 с.
- Кинжалов Р. В., Луконин В. Г. Памятники культуры Сасанидского Ирана. Л.: Изд-во Эрмитажа, 1960. 23 с.

Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. 468 с.

Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии: Дербент в эпоху феодализма. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1982. 182 с.

Кудрявцев А. А. Резной шtuk средневекового Дербента // Художественная культура средневекового Дагестана: сб. ст. Махачкала: ДагФАН, 1987. С. 83–100.

Легенгаузен М. Современные вопросы исламской мысли / пер. [с англ.] Т. Г. Черниенко. М.: Феория, 2009. 238 с. (Серия. Древо).

Малаери М. М. Культура Ирана в доисламскую эпоху и ее влияние на мусульманскую цивилизацию и арабскую литературу / [пер. с перс. Б. В. Норик]. М.: Научная книга, 2013. 328 с.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 265 с.

Наср С. Х. Исламское искусство и духовность / пер. М. Л. Салганик. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2009. 232 с. (Серия. Древо).

Нюберг Г. С. Материалы к истолкованию пехлевийских надписей Дербента // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1929. Вып. V. № 8. С. 26–32.

Орбели И. А. Временная выставка сасанидских древностей. Пб.: Изд-во Эрмитажа, 1922. 15 с.

Пахомов Е. А. Пехлевийские надписи Дербента // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1929. Вып. V. № 8. С. 1–25.

Сеидова Г. Н. Кавказская Албания и древний Дербент // Кавказская Албания: религиозная и социальная жизнь: тезисы X международной конференции (г. Баку, 14 апреля 2023 г.). Баку: BIROL GROUP, 2023. С. 70–72.

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании: IV в. до н. э. – VII в. н. э. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 391 с.

Шаббаханг М. Шёлковые пути как вектор культурного взаимодействия на евразийском пространстве: опыт ЮНЕСКО // Перекрёсток культур: межкультурный диалог и сотрудничество на евразийском пространстве. Евразийский гуманитарный форум. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 28 мая 2016 г.). Уфа: Скиф, 2017. С. 61–65.

Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1969. 252 с.

Якубовский А. Ю. Мастера Ирана и Средней Азии при Тимуре // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. XII. С. 277–285.

Avery P. Iran, cultural crossroads for 2,500 years. UNESCO, 1971, vol. XXIV, no. 10, pp. 1–48.

Harper P. O. Art in Iran v. Sasanian Art. *Encyclopaedia Iranica*, 2013. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/art-in-iran-v-sasanian/> (accessed 01.09.2025).

Huff D. Tak̄t-e Solaymān. *Encyclopaedia Iranica*, 2002. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/takt-e-solayman> (дата обращения: 15.02.2025).

REFERENCES

- Aiat Allakhi Kh. A. Istoriya iranskogo iskusstva [History of Iranian Art].* St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007, 352 p. (Iranica). (In Russ.).
- Artamonov M. I. Drevnii Derbent [Ancient Derbent].* In: *Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]*. Moscow, St. Petersburg, Izd-vo AN SSSR, 1946, vol. VIII, pp. 121–144. (In Russ.).
- Avery P. Iran, Cultural Crossroads for 2,500 years. UNESCO, 1971, vol. XXIV, no. 10, pp. 1–48.*
- Bartol'd V. V. Sochineniya [Collected Works].* Moscow, Izd-vo vost. lit., 1963, vol. 2, p. 1. *Obshchie raboty po istorii Srednei Azii; Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy [General Works on the History of Central Asia; Works on the History of the Caucasus and Eastern Europe]*, 1020 p. (In Russ.).
- Bois M. Zoroastriitsy. Verovaniya i obychai [Zoroastrians. Beliefs and Customs].* Moscow, Nauka, 1987, 302 p. (Po sledam ischeznuvshikh kul'tur Vostoka [In the Footsteps of Vanished Cultures of the East]). (In Russ.).
- Gadzhiev M. S. Etapy gradostroitel'noi i fortifikatsionnoi deyatel'nosti Sasanidov na Vostochnom Kavkaze [Stages of Sasanian Urban Planning and Fortification Activities in the Eastern Caucasus].* In: *Irano-dagestanskije kul'turno-istoricheskie svyazi: sb. st. [Irano-Dagestani Cultural and Historical Ties: Collection of Articles]*. Makhachkala, Tsentr iranistiki fakul'teta vostokovedeniya DGU, 2006, pp. 24–38. (In Russ.).
- Gadzhiev M. S. Pamyatniki sasanidskoi gliptiki iz Dagestana [Monuments of Sasanian Glyptic Art from Dagestan].* In: *Khudozhestvennaya kul'tura srednevekovogo Dagestana: sb. st. [Artistic Culture of Medieval Dagestan: Collection of Articles]*. Makhachkala, DagFAN, 1987, pp. 139–156. (In Russ.).
- Grabar O. Formirovanie islamskogo iskusstva [The Formation of Islamic Art] / transl. from English by T. Kh. Starodub.* Moscow, OOO Sadra, 2016, 448 p. (In Russ.).
- Gruber R. I. Istoriya muzykal'noi kul'tury [History of Musical Culture].* Moscow, St. Petersburg, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo, 1941, vol. 1, pt. 1: *S drevneishikh vremen do kontsa XVI veka [From Ancient Times to the End of the 16th Century]*, 476 p. (In Russ.).
- Guseinov G. Ya. Entsiklopediya goroda Derbenta [Encyclopedia of the City of Derbent].* Makhachkala, Lotos, 2015, 576 p. (In Russ.).
- Harper P. O. Art in Iran v. Sasanian Art. Encyclopaedia Iranica, 2013. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/art-in-iran-v-sasanian/> (accessed 01.09.2025).*
- Huff D. Takht-e Solaymān. Encyclopaedia Iranica, 2002. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/takt-e-solayman> (accessed 15.02.2025).*
- Ibragimov M.-R. A. Iranoyazychnye narody Dagestana: problemy etnicheskoi istorii [Iranian-Speaking Peoples of Dagestan: Problems of Ethnic History].* In: *Rol' kul'tury v rossiisko-iranskikh otnosheniyakh: sb. st. [The Role of Culture in Russian-Iranian Relations: Collection of Articles]*. Makhachkala, IP Gadzhiev S. S., 2010, pp. 5–15. (In Russ.).
- Imanipur M. Istoricheskie svyazi Irana i Dagestana i perspektivy ikh razvitiya [Historical Ties between Iran and Dagestan and Prospects for their Development].* In: *Irano-dagestanskije kul'turno-istoricheskie svyazi: sb. st. [Irano-Dagestani Cultural and Historical Ties: Collection of Articles]*. Makhachkala, Tsentr iranistiki fakul'teta vostokovedeniya DGU, 2006, pp. 5–9. (In Russ.).
- Inostrantsev E. A. Sasanidskie etyudy [Sasanian Studies].* St. Petersburg, 1909, 140 p. (In Russ.).

Inozemtseva E. I. Primorskii Dagestan v sisteme mezhdunarodnoi tranzitnoi trgovli po Velikomu Volzhsko-Kaspiiskomu puti (s drevnikh vremen po XVIII v.) [Maritime Dagestan in the System of International Transit Trade along the Great Volga-Caspian Route (From Ancient Times to the 18th Century)]. In: *Irano-dagestanskii kul'turno-istoricheskie svyazi: sb. st.* [Irano-Dagestani Cultural and Historical Ties: Collection of Articles]. Makhachkala, Tsentr iranistiki fakul'teta vostokovedeniya DGU, 2006, pp. 55–63. (In Russ.).

Istoriya Dagestana s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 2 t. [History of Dagestan from Ancient Times to the Present Day: in 2 volumes] / ed. by A. I. Osmanov. Moscow, Nauka, 2004, vol. 1: *Istoriya Dagestana s drevneishikh vremen do XX veka* [History of Dagestan from Ancient Times to the 20th Century], 627 p. (In Russ.).

Kasumova S. Yu. Novye nakhodki srednepersidskikh nadpisei v Derbente [New Finds of Middle Persian Inscriptions in Derbent]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1988, no. 1 (184), pp. 88–95. (In Russ.).

Kasumova S. Yu. Srednepersidskaya epigrafika Kavkazskoi Albanii (Derbent) [Middle Persian Epigraphy of Caucasian Albania (Derbent)]. Baku, ELM, 1994, 127 p. (In Russ.).

Kinzhalov R. V., Lukonin V. G. Pamyatniki kul'tury Sasanidskogo Irana [Cultural Heritage of Sasanian Iran]. Leningrad, Izd-vo Ermitazha, 1960, 23 p. (In Russ.).

Kozubskii E. I. Istoriya goroda Derbenta [History of the City of Derbent]. Temir-Khan-Shura, 1906, 468 p. (In Russ.).

Kudryavtsev A. A. Reznai shtuk srednevekovogo Derbenta [Carved Stucco of Medieval Derbent]. In: *Khudozhestvennaya kul'tura srednevekovogo Dagestana: sb. st.* [Artistic Culture of Medieval Dagestan: Collection of Articles]. Makhachkala, DagFAN, 1987, pp. 83–100. (In Russ.).

Kudryavtsev A. A. Velikii gorod na Kaspii: Derbent v ehpokhu feodalizma [The Great City on the Caspian Sea: Derbent in the Era of Feudalism]. Makhachkala, Dag. kn. izd-vo, 1982, 182 p. (In Russ.).

Legengauzen M. Sovremennye voprosy islamskoi mysli [Contemporary Issues of Islamic Thought] / transl. [from English] by T. G. Chernienko. Moscow, Feoriya. Dizain. Informatsiya. Kartografiya, 2009, 232 p. (Seriya. Drevo [Series. The Tree]). (In Russ.).

Malaeri M. M. Kul'tura Irana v doislamskuyu epokhu i ee vliyanie na musul'manskuyu tsivilizatsiyu i arabskuyu literature [The Culture of Iran in the Pre-Islamic Era and Its Influence on Muslim Civilization and Arabic Literature] / [transl. from Persian by B. V. Norik]. Moscow, Nauchnaya kniga, 2013, 328 p. (In Russ.).

Minorskii V. F. Istoriya Shirvana i Derbenda X–XI vekov [A History of Shirvan and Derbend in the 10th–11th Centuries]. Moscow, Izd-vo vost. lit., 1963, 265 p. (In Russ.).

Nasr S. Kh. Islamskoe iskusstvo i dukhovnost' [Islamic Art and Spirituality] / transl. by M. L. Salganik. Moscow, IPTs «Dizain. Informatsiya. Kartografiya», 2009, 232 p. (Seriya. Drevo [Series. The Tree]). (In Russ.).

Nyuberg G. S. Materialy k istolkovaniyu pekhleviiskikh nadpisei Derbenta [Materials for the Interpretation of Pahlavi Inscriptions of Derbent]. *Izvestiya Obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbaidzhana* [Izvestiya of the Society for Survey and Study of Azerbaijan], 1929, Vol. V, no. 8, pp. 26–32. (In Russ.).

Orbeli I. A. Vremennaya vystavka sasanidskikh drevnostei [Temporary Exhibition of Sasanian Antiquities]. St. Petersburg, Izd-vo Ermitazha, 1922, 15 p. (In Russ.).

Pakhomov E. A. Pekhleviiskie nadpisi Derbenta [Pahlavi Inscriptions of Derbent]. Izvestiya Obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbaidzhana [Izvestiya of the Society for Survey and Study of Azerbaijan], 1929, vol. V, no. 8, pp. 1–25. (In Russ.).

Seidova G. N. Kavkazskaya Albaniya i drevnii Derbent [Caucasian Albania and Ancient Derbent]. In: Kavkazskaya Albaniya: religioznaya i sotsial'naya zhizn': tezisy X mezhdunarodnoi konferentsii (g. Baku, 14 aprelya 2023 g.). [Caucasian Albania: Religious and Social Life: Proceedings of the 10th International Conference (Baku, April 14, 2023)]. Baku, BIROL GROUP, 2023, pp. 70–72. (In Russ.).

Shabakhang M. Shelkovye puti kak vektor kul'turnogo vzaimodeistviya na evraziiskom prostranstve: opyt YuNESKO [The Silk Roads as a Vector of Cultural Interaction in the Eurasia: UNESCO Experience]. In: Perekrestok kul'tur: mezhkul'turnyi dialog i sotrudnichestvo na evraziiskom prostranstve. Evraziiskii gumanitarnyi forum. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Ufa, 28 maya 2016 g.). [Crossroads of Cultures: Intercultural Dialogue and Cooperation in Eurasia. Eurasian Humanitarian Forum. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Ufa, May 28, 2016)]. Ufa, Skif, 2017, pp. 61–65. (In Russ.).

Shikhsaidov A. R. Islam v srednevekovom Dagestane (VII–XV vv.) [Islam in Medieval Dagestan (7th–15th Centuries)]. Makhachkala, Dagestanskii filial AN SSSR, 1969, 252 p. (In Russ.).

Trever K. V. Ocherki po istorii i kul'ture Kavkazskoi Albanii: IV v. do n. e. – VII v. n. e. [Essays on the History and Culture of Caucasian Albania: 4th Century BC – 7th Century AD]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1959, 391 p. (In Russ.).

Vosogi M. B. Derbent – gorod 72 narodov. Ekskurs po istoricheskoi geografii Derbenta v ranneislamskii period [Derbent – The City of 72 Peoples. An Excursion into the Historical Geography of Derbent in the Early Islamic Period]. In: Irano-dagestanskii kul'turno-istoricheskie svyazi: istoriya i perspektivy razvitiya: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (g. Derbent, noyabr' 2005 g.). [Irano-Dagestani Cultural and Historical Ties: History and Prospects for Development: Proceedings of the International Conference (Derbent, November 2005)]. Makhachkala, IPTs DGU, 2005, p. 17. (In Russ.).

Yakubovskii A. Yu. Mastera Irana i Srednei Azii pri Timure [Masters of Iran and Central Asia under Timur]. In: III Mezhdunarodnyi kongress po iranskomu iskusstvu i arkheologii. Doklady [3rd International Congress on Iranian Art and Archaeology. Papers]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1939, XII, pp. 277–285. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

СЕИДОВА Гюльчохра Надировна, академик Международной Гуманитарной академии «Европа-Азия», кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе и международным связям частного образовательного учреждения высшего образования «Институт дружбы народов Кавказа», г. Ставрополь, Россия; заведующая отделением кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу, г. Дербент, Россия; доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в г. Дербент, Россия; научный консультант Музея истории мировых культур и религии, г. Дербент, Россия; научный консультант Дербентского государственного историко-архитектурного и археологического музея-заповедника, г. Дербент, Россия; gseidova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2382-7564>, SPIN-код автора: 2226-0022.

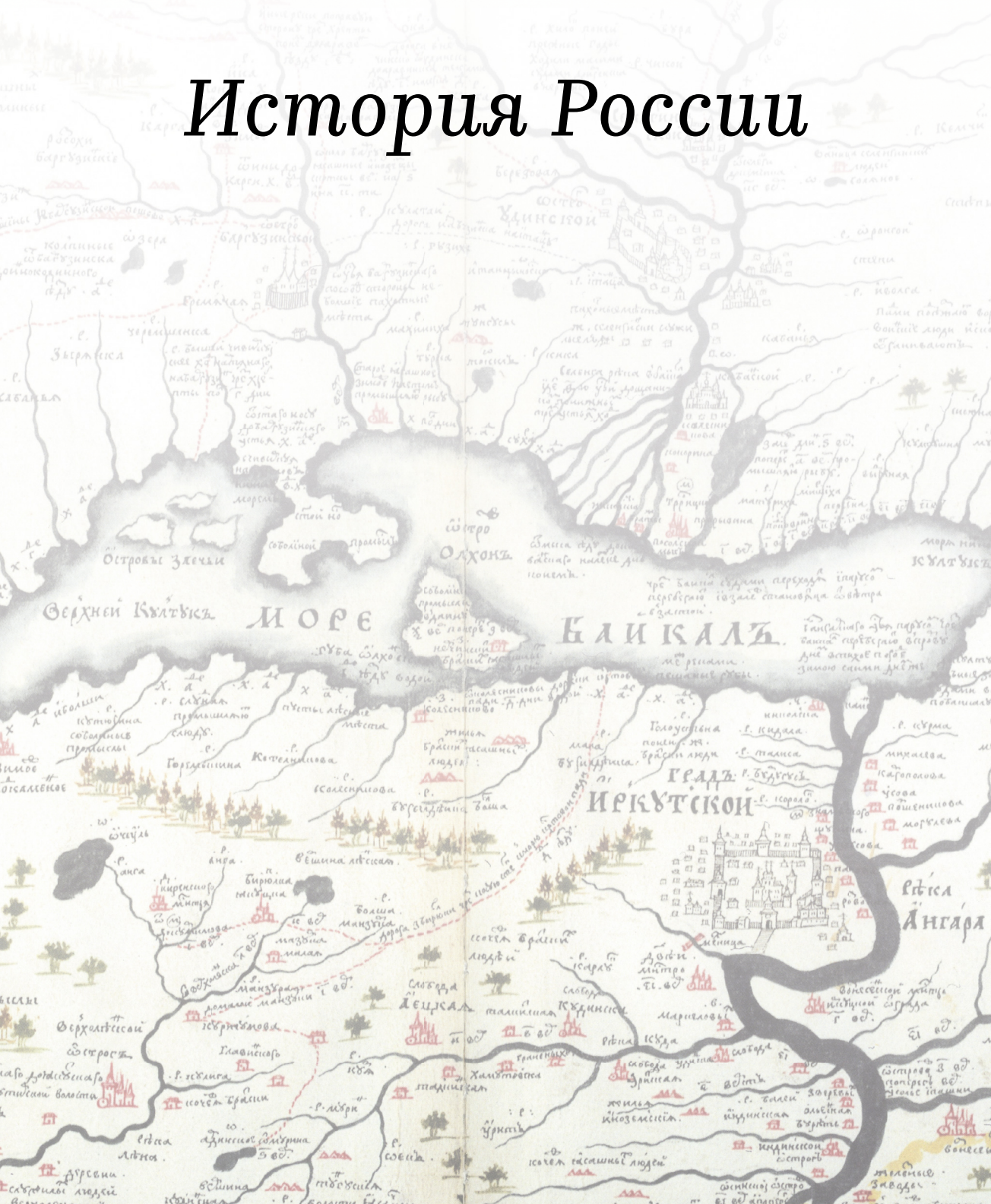
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

GULCHOKHRA N. SEIDOVA, Academician of the International Humanitarian Academy “Europe-Asia”, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Relations of the Private Educational Institution of Higher Education “Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus”, Stavropol, Russia; Head of the Northern Caucasus affiliation of UNESCO Section in Comparative Studies of Spiritual Traditions, their Specific Cultures and Interreligious Dialogue, Derbent, Russia; Associate Professor of the Department of Legal and Humanitarian Disciplines of the Branch of Dagestan State University in Derbent, Russia; Scientific Consultant of the Museum of the History of World Cultures and Religion, Derbent, Russia; Scientific Consultant of the Derbent State Historical, Architectural and Archaeological Museum-Reserve, Derbent, Russia; gseidova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2382-7564>, SPIN-code: 2226-0022.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025;
одобрена после рецензирования 07.10.2025;
принята к публикации 09.10.2025.

The article was submitted on 24.02.2025;
approved after reviewing 07.10.2025;
accepted for publication on 09.10.2025.

История России

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ЗАБАЙКАЛЯ В 1650–1680-Х ГОДАХ

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЗУЕВ

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия
zuev@lab.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Аннотация. На основе анализа архивных и опубликованных делопроизводственных источников рассматривается процесс конструирования административно-территориального устройства Забайкалья (и отчасти Приамурья) в 1650–1680-х годах. Исправляются многочисленные неточности и ошибки, присутствующие в историографии в освещении этого процесса, выясняется социальный, административный и должностной статус забайкальских управленцев, определяются даты образования и существования Нерчинского (с 1680 г.), Селенгинского (1680–1683 гг.), Албазинского (1683–1686 гг.) и Иркутского (с 1688 г.) уездов, описывается система местного управления забайкальским регионом, обозначаются факторы, обусловившие ее трансформацию, связанные в первую очередь с характером взаимоотношений России с Монголией и Цинским Китаем и изменением военно-политической ситуации в Забайкалье и Приамурье.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство Забайкалья, Нерчинский уезд, Селенгинский уезд, Иркутский уезд.

Для цитирования

Зуев А. С. Административно-территориальное устройство Забайкалья в 1650–1680-х годах // *Universum Humanitarium*. 2025. № 2. С. 26–62. DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-26-62

ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL STRUCTURE OF TRANSBAIKAL IN THE 1650–1680

ANDREY S. ZUEV

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
zuev@lab.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Abstract. This study examines the development of the administrative-territorial structure of Transbaikal, and to some extent, the Amur region, between the 1650s and 1680s, drawing on archival and published administrative sources. It corrects numerous inaccuracies and errors found in historiography concerning this process. The social, administrative, and official status of the Transbaikal administrators is clarified, and the formation and duration of several districts — Nerchinsk (from 1680), Selenginsk (1680–1683),

Albazin (1683–1686), and Irkutsk (from 1688) uyezds (districts) — are determined. Furthermore, the local governance system in the Transbaikal region is described, alongside the factors that contributed to its transformation. These factors primarily pertain to Russia's relationships with Mongolia and Qing China, as well as the changing military-political situation in Transbaikalia and the Amur region.

Keywords: administrative and territorial structure of Transbaikal, Nerchinsk district, Selenginsk district, Irkutsk district.

For citation

Zuev A. S. Administrative and Territorial Structure of Transbaikal in the 1650–1680. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 2, pp. 26–62. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-26-62

Присоединение Россией Забайкалья, осуществленное во второй половине XVII в., привело к распространению на эту территорию российской системы управления и административно-территориального деления, апробированных ранее в иных регионах Сибири. И хотя исследований, специально посвященных формированию местной структуры российской власти в Забайкалье, не имеется, тем не менее этот процесс в общих чертах описан в исторической литературе. Однако, как будет показано ниже, в ней приводится разная хронология одних и тех же событий, да и сами события оцениваются и квалифицируются по-разному. Кроме того, внимательное прочтение источников дает основание утверждать, что в историографии нередко дается поверхностное, неточное и даже ошибочное описание исторических реалий. И эту ситуацию следует исправлять.

В настоящей статье на основе анализа опубликованных и неопубликованных (архивных) делопроизводственных документов будет рассмотрен ряд проблем, решение которых позволит дать ясное представление о том, как осуществлялось конструирование верхнего (уездного) уровня местных властных институтов, под контролем которых оказалась территория Забайкалья в 1650–1680-х годах. Но прежде чем переходить к изложению конкретики, обозначим (правда, без детализации) те моменты, которые представляются важными для понимания административно-территориального устройства Сибири по российской «модели».

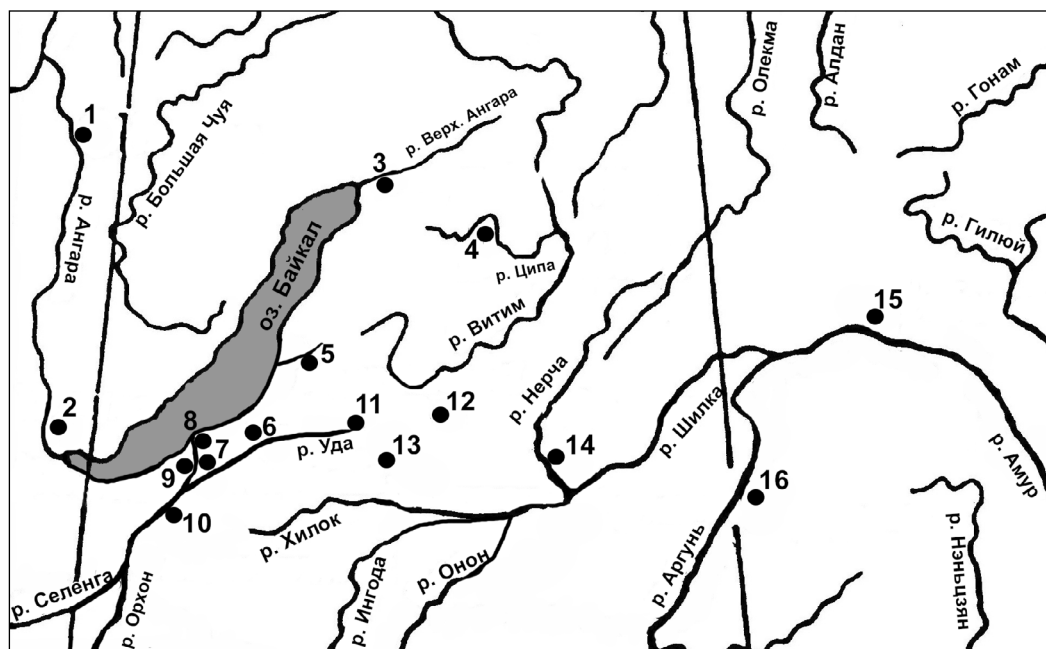
Во-первых, в Сибири (по мере ее присоединения в конце XVI — начале XVIII в.) вводилось административно-территориальное деление на уезды. Однако никаких нормативно-правовых актов, регламентировавших условия и критерии создания уездов и их формат (в том числе внутриуездные административно-территориальное деление и систему управления), в Российском государстве в то время не существовало. В делопроизводственной документации по управлению Сибирью не встречается каких-либо рассуждений и какой-либо рефлексии по поводу того, в силу каких обстоятельств создан тот или иной уезд и почему именно в таком территориальном размере. По этой причине остается неизвестно, обсуждали ли вообще в центральных органах — приказах, ведавших Сибирью (до 1596 г. — в Посольском, с 1596 г. — в Новгородском

(Новгородская четь), с 1599 г. — в Казанском, с 1637 г. — в Сибирском), систему управления присоединенными территориями или же их деление на уезды происходило «естественным» путем, как и в европейской части страны¹. Где-то возводился укрепленный пункт (острог), в нем размещался гарнизон служилых людей, которые осуществляли сбор дани-ясака с окрестного автохтонного населения, этот ясак доставлялся в острог, а из него отправлялся в Москву, соответственно острог располагался на более-менее удобных путях коммуникации (для XVII в. преимущественно речных). Данный острог, став главным пунктом концентрации собранного ясака и контроля населения определенной «земли», превращался в центр уезда и мог получить официальный статус города, а уездом становилась территория, на которой обитало население, обложенное ясаком, поступавшим в этот центр. Еще одним фактором, способствовавшим превращению острога в уездный центр, было также его стратегическое положение, обеспечивавшее оборону российских владений, особенно это было актуально на южных рубежах Сибири, вблизи которых обитали кочевники, нередко вступавшие в вооруженную конфронтацию с русскими. В дополнение к «центральному» острогу / городу на подведомственной ему территории могли быть основаны еще несколько опорных баз — острогов, острожков, зимовий, из которых осуществлялся сбор ясака (такая ситуация была характерна в основном для регионов Восточной Сибири). Внутри же сибирских уездов сложилась разнообразная конфигурация административно-территориальных единиц — ясачные (автохтонные) волости, улусы, роды, юрты и т. д., а также волости и слободы, населенные русскими колонистами.

Во-вторых, превращение определенной территории в уезд в XVII в. было четко связано с назначением в главный острог / город (главный пункт сбора ясака) данной территории воеводы (или двух воевод) по распоряжению из центрального органа, управлявшего Сибирью, причем, как правило, он / они присылались из Москвы², а также с отправкой в этот острог / город «уездной» государственной печати. Соответственно, присутствие воеводы / воевод и наличие государственной печати являлись главным критерием возникновения и существования уезда как официальной административно-территориальной единицы. В целях повышения эффективности и оперативности управления (прежде всего в военной сфере) несколько соседних уездов объединялись в военно-административные «округа» — разряды во главе с разрядным воеводой. Последним по указанию из Москвы становился воевода того уезда, который правительство признавало самым важным в стратегическом отношении.

¹ Б. Н. Чичерин в своем исследовании показал, что в Московском государстве XVII в. отсутствовала унификация местного государственного управления, которое «не представляло правильной, однообразной системы, а было накоплением разнородных наросов», поскольку «почти все совершалось не на основании общих соображений, а частными мерами... По мере появления случайной практической потребности делалось в одном месте одно распоряжение, в другом иное... Все это перемешивалось без всякого порядка, без всякой системы... Способов управления было много, и каждый избирался по местному удобству и по случайным соображениям» [Чичерин, 1856. С. 71, 577–579].

² Случалось, но редко, что воеводу из одного уездного центра могли перевести в другой уездный центр.

Илл. 1. Русские остроги в Забайкалье в 1650–1680-х годах

Fig. 1. Russian ostrog fortresses in Transbaikalia, 1650s – 1680s

1 Илимский	5 Баргузинский	9 Ильинский	13 Иргенский
2 Иркутский	6 Итанцинский	10 Селенгинский	14 Нерчинский
3 Верхнеангарский	7 Удинский	11 Еравненский	15 Албазинский
4 Баунтовский	8 Кабанский	12 Телембинский	16 Аргунский

На протяжении XVII в. в Сибири существовали Тобольский, Томский, Ленский (Якутский), Енисейский, Верхотурский разряды. Появление уездных воевод не исключало, однако, того, что в уже существовавшие уездные города / остроги могли (в случае смерти, перевода в другой уезд или отставки по каким-то причинам действовавшего воеводы) назначить временно исполняющего обязанности воеводы. Эти врио воеводы назначались разрядными воеводами из числа письменных голов (помощников воевод), высших чинов сибирских служилых людей (стрелецких и / или казачьих голов, детей боярских, дворян) и своих ближайших родственников, бывших с ними в Сибири. В единичных случаях подобное назначение могло последовать из Москвы. Свои временные обязанности эти лица выполняли до прибытия в уездный центр нового воеводы. Территория же, подведомственная какому-либо острогу / городу и не имевшая воеводу, не считалась уездом, ей управляли приказчики / приказные люди, назначаемые уездным или разрядным воеводой из числа служилых людей³.

³ О формировании системы управления Сибирью в конце XVI – XVII в. см.: [Копылов, 1965; История Сибири, 1968. С. 124–138; Александров, Покровский, 1991. С. 107–141; Вершинин, 1998.

Перейдем теперь к рассмотрению формирования административно-территориального устройства Забайкалья, начав с его восточной части, которая первой активно стала осваиваться русскими землепроходцами. По мнению некоторых исследователей, уже в середине 1650-х годов в связи с назначением и прибытием в Восточное Забайкалье воеводы А. Ф. Пашкова здесь был образован Нерчинский / Даурский уезд, в который вошло также Приамурье. Даются, однако, разные датировки этого события: 1654 г. [Внешняя политика, 1977. С. 286; История северо-восточного Китая, 1987. С. 140; Трухин, 2020а. С. 153; 2023а. С. 30], 1656 г. [Долгих, 1960. С. 326, 327; РКО, 1972. С. 764; Леонтьева, 2012. С. 27, 28] или 1658 г. [Долгих, 1960. С. 183; Энциклопедия Забайкалья, 2002. С. 149]. В исторической литературе встречается и неопределенная позиция по поводу возникновения данного уезда. Так, В. А. Александров писал, что «в 1658 г. был основан Нерчинский острог, ставший административным центром Нерчинского уезда», и «во второй половине XVII в. ... Восточное Забайкалье, за Яблоновым хребтом, стало западной частью Нерчинского уезда», не уточнив, однако, когда же появился собственно Нерчинский уезд, хотя при этом управление в Забайкалье и Приамурье называл «воеводским» [Александров, 1984. С. 20, 33].

Многие историки с прибытием в Восточное Забайкалье в 1657 г. упомянутого Пашкова связывали появление «воеводства в Даурской земле / Приамурье», «нерчинского / даурского воеводства» (но не собственно уезда) [Андриевич, 1887. С. 39, 41, 43, 46; Разумов, 1899. С. 18; РКО, 1969. С. 14; Христосенко, 1977. С. 154; Артемьев, 1999. С. 37, 39, 47; 2006. С. 5–6; История Бурятии, 2011. С. 49; Иркутский край, 2012. С. 26; Багрин, 2024. С. 141, 170, 171, 172]⁴. При этом они не поясняли, какой именно смысл вкладывают в понятие «воеводство», хотя из контекста изложения ими фактического материала следует, что под «воеводством» они подразумевали не столько процесс управления, сколько административно-территориальную единицу, не обращая при этом внимание на то, что никаких таких единиц, называвшихся «воеводствами», в XVII в. не существовало. И данное обстоятельство, видимо, и обусловило то, что некоторые из этих историков применительно к концу 1650-х – 1670-м годам упоминали все же о существовании Нерчинского уезда [Артемьев, 1999. С. 49; 2006. С. 5–6; Багрин, 2024. С. 226. См. также: Балданов, 2005. С. 14; Зубов, 2009. С. 36; Пузанов, 2017. С. 33], а В. И. Трухин полагал, что с отъездом Пашкова «статус Даурского воеводства был понижен до уезда в составе воеводства» (не разъяснив, правда, какого именно воеводства и что значит «понижение статуса воеводства до уезда») [Трухин, 2020а. С. 154]. В историографии встречаются и более неопределенные высказывания, когда говорится о «создании централизованного управления

С. 16, 25, 28, 31, 37–39, 152–183; Власть в Сибири..., 2005. С. 13–41; Зубов, 2009. С. 32–69; Солодкин, 2019]. Заметим, что механизм создания уездов, равно как и в целом административно-территориального деления Сибири, почти не интересовал историков-сибиреведов. Известны лишь статьи А. А. Бродникова, специально посвященные этой теме (на примере образования Якутского уезда) [Бродников, 1998; 2018].

⁴ Как дата образования «Нерчинского воеводства» в историографии присутствует и 1655 г. [История казачества, 1995. С. 36].

во главе с даурским воеводой», но что это было за «централизованное управление» — не расшифровывается [Внешняя политика, 1977. С. 286; История северо-восточного Китая, 1987. С. 140].

Мы предлагаем иную интерпретацию, как представляется, адекватную происходившему в реальности административно-территориальному конструированию Даурии, под которой в то время подразумевались Восточное Забайкалье и Приамурье. До прибытия в этот регион Пашкова там русскими землепроходцами были построены: в Восточном Забайкалье в 1653 г. — Иргенский и Шилкский остроги, в Приамурье — в первой половине 1650-х годов — Усть-Стрелочный, Ачанский, Кумарский / Комарский остроги и несколько зимовий, в которых «сидели на приказе» (управляли) либо командиры землепроходческих отрядов, либо назначенные ими служилые люди. Из этих острогов Иргенский и Шилкский в 1656 г. были уничтожены тунгусами, а амурские остроги к концу 1650-х годов были покинуты русскими в связи с наступлением маньчжуров.

Афанасий Филиппович Пашков был назначен воеводой «на Амур-реку в Китайской и Даурской землях» царским указом от 20 июня 1654 года⁵ [РКО, 1969. С. 199]. В это время он являлся воеводой Енисейского уезда. В первой половине 1655 г. ему был направлен наказ из Сибирского приказа — должностная инструкция, определявшая его задачи и полномочия как даурского воеводы⁶ [ДАИ, 1851. С. 40–41]. Назначение воеводы и выдача ему наказа свидетельствуют о твердом намерении правительства создать на территории, прилегающей к Амуру и находившейся в процессе включения в состав российских владений, административно-территориальную единицу — уезд. Помимо «Даурской земли», часто встречающейся в наказе, в нем также фигурируют «Дючерская» и «Гиляцкая» земли. Но «Китайская земля» упоминается уже как «государство», наряду с другими почти неизвестными в России государствами, о которых необходимо собрать информацию: «и сколь далече Китайское и Индейское государства от Даурския земли, и от Богдойского, от Никанского государств». Таким образом, согласно наказу под управление Пашкова (соответственно в состав планируемого уезда) попадали Восточное Забайкалье (точнее, его территории, примыкавшие с запада к Амуру) и Приамурье почти до самого устья Амура, при этом Пашков напрямую подчинялся Сибирскому приказу и был подотчетен только ему [Наказ, 1894. С. 1–35; частично опубл.: РКО, 1969. С. 199–203]. Правда, в наказе (как и в упомянутом указе) ни разу не упоминается слово «уезд». Но это была обычная нормативно-административная практика XVII в. Например, в наказе 1638 г. первым якутским воеводам П. П. Головину и М. Б. Глебову, воеводство которых привело к появлению Якутского уезда, также ничего не говорилось о необходимости его создания [Иванов, 1999. С. 171–196]. Наказ

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 453. Л. 2–3, 27, 44. Упоминание в наказе «Китайской земли» как территории, которая отдается под управление Пашкову, было обусловлено весьма слабым представлением российской власти о политической географии юго-восточной Азии того времени.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 132. Л. 177.

Пашкову при всей специфике, отвечавшей даурским реалиям, содержал те же указания по управлению территорией, что и наказы прочим воеводам, направлявшимся в создаваемые или в уже существовавшие уезды. Товарищем-помощником к Пашкову был определен его сын Еремей.

Осенью 1657 г. Пашков с сопровождавшим его отрядом служилых людей прибыл к месту назначения. В соответствии с наказом он должен был «по сторону Шилки реки на Урки речки или в Лавкаевых улусех и в Албазине городище, рассмотря где пригоже, где не чаёт приходу воинских богдойских людей поставить острог, и всякими крепостми укрепить, и в остроге устроить настоящую церковь во имя Воскресения Христова» [Наказ, 1894. С. 5]. Согласно наказу этот острог, называемый Даурским, должен был стать административным центром Даурской земли. Однако выполнить данную задачу Пашкову не удалось ввиду активных военных действий, которые развернули богдойцы-маньчжуры против русских в Приамурье (в конце июня 1658 г. ими был разгромлен на Амуре ниже р. Сунгари отряд даурского приказного человека О. Степанова). В Восточном же Забайкалье по его указанию служилые люди в 1657 г. восстановили Иргенский и в 1658 г. построили Верхний Шилкский и Телембинский / Теленбинский остроги. Местом своей дислокации (соответственно, административным центром создаваемого уезда) воевода сделал Иргенский острог. Верхний же Шилкский острог Пашков в своих донесениях в Сибирский приказ иногда именовал также Шилкским или Нелюдским и Тунгусским⁷ [ДАИ, 1851. С. 260, 261] (см. также: [Артемьев, 1999. С. 38, 44, 48, 49, 63; Багрин, 2024. С. 163]).

В тех же донесениях Пашков, находясь в Забайкалье, постоянно сетовал на нехватку людских и продовольственных ресурсов, из-за чего был не в состоянии выполнить все поставленные перед ним задачи, а к концу исполнения своей должности стал жаловаться на состояние своего здоровья — «старость и увечье» и просить заменить его. Осенью 1659 г. Сибирский приказ принял решение о замене Пашкова. По его предписанию нового управителя в Даурию должен был выбрать воевода Тобольского разряда из числа сибирских служилых людей, а именно тобольских детей боярских. При этом в грамоте Сибирского приказа (от 20 октября 1659 г. якутскому воеводе) четко указывалось, что этот управитель направляется для исполнения своей должности в Нерчинский острог (так с этого времени стал называться Верхний Шилкский острог) [ДАИ, 1851. С. 177–178].

Первым тобольским назначенцем стал сын боярский Ларион (Илларион) Борисович Толбузин, прибывший в Восточное Забайкалье в мае 1662 года⁸ [ДАИ, 1851. С. 272, 320; ПСРЛ, 1987. С. 161–162, 204]. Он застал Пашкова в Иргенском остроге, в котором сам первоначально и обосновался (сидел там в 1662, 1666 гг.) [ДАИ, 1851. С. 278, 324; 1853. С. 51], но затем переместился в Телембинский острог [Трухин, 2020а. С. 153], а впоследствии в Нерчинский острог (далее — Нерчинск), который с этого времени превратился в административный центр Восточного

⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 55–56, 60–61, 68–69, 144а – 144г, 317–335, 345–347.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 132. Л. 154, 161.

Забайкалья⁹. В последующем до 1678 г. обязанности управителей в этом регионе выполняли тобольские дети боярские Данила Данилович Аршинский (непосредственно на «приказе» находился в 1669–1673 гг.), Павел Яковлевич Шульгин (1673–1678 годы¹⁰), Алексей Ларионович Толбузин (1678 год¹¹) [Артемьев, 2005. С. 14–16; Трухин, 2020а. С. 154; Багрин, 2023; см. также: ПСРЛ, 1987. С. 164, 166, 167, 169, 204, 325, 326]. В историографии этих управителей часто называют воеводами [Андриевич, 1887. С. 40–43; Разумов, 1899. С. 18; Барсуков, 1902. С. 3, 147, 148; Шунков, 1956. С. 197; Яковлева, 1958. С. 45, 56, 58, 74, 76; Внешняя политика, 1977. С. 292, 293; Александров, 1984. С. 30, 42; Александров, Покровский, 1991. С. 116; Артемьев, 1995. С. 98, 100, 104; 1996. С. 218; Леонтьева, 2012. С. 32, 34; Пузанов, 2017. С. 32; Каменецкий, 2023а. С. 210, 413, 415; и др.]¹², что не соответствует действительности, поскольку официально они были приказчиками¹³ [Вершинин, 1998. С. 164; Артемьев, 2006. С. 5–6; Трухин, 2020а. С. 154; 2023а. С. 30]. Приказчиками же (или приказными людьми) в Сибири называли, как говорилось выше, должностных лиц, управлявших острогом / зимовьем или слободой и находившихся в подчинении уездному воеводе.

В 1678–1679 гг. «на приказе» в Нерчинске «сидел» енисейский сын боярский, стрелецкий и казачий голова Андрей Васильевич Строганов [Трухин, 2020а. С. 154; Багрин, 2024. С. 195]. В 1679/80–1680/81 гг. обязанности приказчика там исполнял нерчинский сын боярский Никифор Парфенович Сенотрусов¹⁴

⁹ Точное время превращения Нерчинского острога в административный центр Восточного Забайкалья выяснить пока не удалось. Передислокация же приказчиков, по вполне верному замечанию А. Р. Артемьева, «связано с изменением пути в Даурию, который был проложен тогда с Селенги по берегу ее притока — р. Уды к Еравнинским озерам, где в связи с этим был возведен одноименный острог. Оттуда, минуя Иргенский острог, двигались к Теленбинскому острогу, а затем к речке Чите, по которой спускались на р. Ингоду и выходили по ней на Шилку... Основной причиной изменения пути „в Дауры“, по-видимому, являлось обмеление р. Хилок, по которой обычно добирались до Иргенского острога» [Артемьев, 1996. С. 218–219].

¹⁰ В 1677 г. нерчинские служилые люди отстранили Шульгина от управления, выбрав к «государеву делу», т. е. фактически в приказчики нерчинского сына боярского Григория Ивановича Лоншакова и казачьего десятника Ивана Ивановича Астраханцова [ДАИ, 1859. С. 373–374]. Как далее развивалась ситуация, непонятно. По мнению ряда историков, в Нерчинске до 1678 г. «сидел на приказе» Г. И. Лоншаков [Васильев, 1916. С. 148; Вершинин, 1998. С. 164; Артемьев, 2006. С. 6]. Однако Е. А. Багрин и В. И. Трухин полагают, что Шульгин продолжал управлять Даурией до своей смерти в апреле 1678 г. [Трухин, 2020а. С. 154; Багрин, 2023. С. 45–47].

¹¹ В 1676 г. на «приказе» в Нерчинск из Тобольска был вновь направлен Л. Б. Толбузин. С ним отправился его сын Алексей, также имевший чин тобольского сына боярского. Ларион по дороге умер. И Алексей, прибыв в Нерчинск, по просьбе местных служилых людей стал исполнять обязанности приказчика, но без официальной санкции вышестоящих властей [ПСРЛ, 1987. С. 169; ДАИ, 1862. С. 95; РМО, 1996. С. 494; Трухин, 2019. С. 13–15]. А. Р. Артемьев ошибочно полагал, что А. Л. Толбузин занимал «должность воеводы» до 1681 г. [Артемьев, 2006. С. 7], однако в другой своей работе называл его приказчиком [Артемьев, 2005. С. 16]. По мнению В. Г. Пузанова, А. Л. Толбузин «руководил» Нерчинским уездом с 1676 по 1680 г. [Пузанов, 2017. С. 33].

¹² Даже публикаторы архивных документов номинировали их воеводами, хотя в самих документах они фигурируют как приказчики [ДАИ, 1851. С. 272, 278; 1857. С. 367; РКО, 1969. С. 267, 268, 299, 302, 491; РМО, 1996. С. 214, 277, 303, 494, 495].

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 132. Л. 153; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 3, 4, 7.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 22. Л. 5; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 19. Л. 19.

[Актовые источники, 1995. С. 111; Трухин, 2020а. С. 154]. В 1679 г. распоряжением Сибирского приказа в Нерчинск был определен стрелецким и казачьим головой с полномочиями управленца-администратора жилец¹⁵ Самойло Александрович Лисовский¹⁶ [Спасский, 1819. С. 4, 28; Актовые источники, 1995. С. 111]. Известно, что в 1680/81 г. он находился в Нерчинске¹⁷ [ДАИ, 1867. С. 329].

Таким образом, после Пашкова должностной и социальный статус даурских управителей был существенно понижен¹⁸. В 1659–1676 гг. они назначались не Сибирским приказом, а тобольским воеводой, получали должность не воеводы, а приказчика. В своей деятельности они должны были руководствоваться наказом, выданным еще в 1655 г. Пашкову, а также наказами от тобольских воевод [Трухин, 2020а. С. 154; 2024. С. 16–17]. Назначение и подчинение даурских приказчиков тобольским воеводам не означало, конечно, что Восточное Забайкалье вошло в состав Тобольского уезда или хотя бы Тобольского разряда. Слишком на большом расстоянии они находились друг от друга, к тому же между ними располагался Томский разряд. Выбор Сибирским приказом тобольского воеводы в качестве назначающего и непосредственного начальника даурских приказчиков связан был, скорее всего, с тем, что руководители приказа либо не могли понять, какой административно-территориальный статус присвоить Восточному Забайкалью, либо вообще не придавали этому особого значения, действуя по принципу «будь, что будет», и передали отдаленный регион в прямое управление тобольскому воеводе, который по традиции, идущей с конца XVI в., считался главным среди всех воевод сибирских уездов и разрядов. При этом, однако, даурские / нерчинские приказчики могли по разным вопросам напрямую контактировать (путем переписки) не только с тобольским, но и с енисейским, илимским и якутским воеводами и даже с Сибирским приказом. Важно отметить, что при Аршинском и Шульгине наиболее активная переписка велась с енисейскими воеводами. Причем в ответ на свои отписки приказчики от них получали «памяти» — так в то время назывались документы, которые вышестоящее должностное лицо направляло нижестоящему, по сути распоряжения. Это четко указывало как на более низкий статус приказчиков, так и на то, что нерчинские приказчики в 1670-х годах некоторое время находились де-факто в двойном подчинении — тобольскому и енисейскому воеводам (см., напр.: [АИ, 1842. Т. 4. С. 481–482, 539–540; ДАИ, 1851. С. 272, 278, 326; 1857. С. 41, 84–85, 175–177, 367–368; 1862. С. 95; РКО, 1969. С. 274–275, 299, 301, 302–303; Трухин, 2020а. С. 155; 2024. С. 16]¹⁹).

Соответственно, «проект» создания Даурского уезда оказался не реализован. Никаких объяснений изменения правительственной политики административно-территориального устройства Даурии в делопроизводственных

¹⁵ Жилец — один из низших чинов служилых людей по отчеству по «московскому списку» в XVI–XVII вв. [Правящая элита, 2006. С. 253–254, 338–344].

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 280–291.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 17.

¹⁸ Насколько нам известно, первым это четко констатировал А. Р. Артемьев [2005. С. 14].

¹⁹ НИА СПб. Ф. 96. Оп. 1. Д. 28.

документах не содержится. Но, как представляется, главная причина отказа от создания уезда заключалась в резком сужении военно-политических возможностей России в регионе. К концу 1650-х годов маньчжуры почти полностью вытеснили русских из всего Приамурья, в результате чего та территория, которую планировали включить в Даурский уезд, значительно сократилась и стала представлять собой лишь небольшую часть Восточного Забайкалья (см. также: [Артемьев, 2006. С. 5–6; Трухин, 2020а. С. 153–154]). Начинать же широкомасштабную войну с Цинским Китаем за Приамурье Россия не могла в силу отсутствия необходимых людских и материальных ресурсов (в 1650–1660-е годы она воевала с Речью Посполитой и Швецией). Кроме того, в расчет надо принимать и то обстоятельство, что в 1660–1670-х годах военно-политическая ситуация в Забайкалье и Приамурье хотя и не была спокойной, но и не отличалась особой напряженностью, благодаря чему у российского правительства не возникало особых проблем с сохранением под своим контролем подчиненных территорий и народов и, соответственно, желания перестраивать систему управления.

Однако с конца 1660-х годов конфликтность во взаимоотношениях России, Северной Монголии и Цинского Китая в силу разных факторов, в том числе повторного появления русских на Амуре, где ими в середине 1660-х – начале 1680-х годов было основано несколько острогов и зимовий, стала с постепенным ускорением нарастать, вылившись в первой половине 1680-х годов в военные действия. Вследствие этого центральная власть начала реорганизацию управления Забайкальем. Назначение с 1678 г. в Нерчинск стрелецких и казачьих голов свидетельствует о том, что в управлении главной стала военная составляющая, хотя они должны были выполнять и функции администраторов-приказчиков. Эти головы (А. В. Строганов и С. А. Лисовский) назначались Сибирским приказом, откуда получали должностные инструкции – наказы, но при этом они (как и временно исполняющий обязанности приказчика Н. П. Сенотрусов) находились в прямом подчинении енисейскому воеводе²⁰ [Актовые источники, 1995. С. 111]. Еще в 1677 г. был создан Енисейский разряд, и вся юго-восточная Сибирь отдавалась под управление енисейского уездного и разрядного воеводы [Вершинин, 1998. С. 148; Власть в Сибири, 2005. С. 18, 313].

В 1680 г. Сибирский приказ в целях повышения эффективности управления, в первую очередь в военной сфере, увеличившимися российскими владениями в Даурии (вследствие повторного занятия Приамурья) направил из Москвы в Нерчинск воеводу стольника Федора Дементьевича Воейкова, определив к нему «товарищем»-помощником его сына Андрея. К началу апреля 1681 г. они прибыли к месту назначения²¹ [Вершинин, 1998. С. 164; Артемьев, 2006. С. 7; Трухин, 2023а. С. 34; 2023б. С. 66], имея на руках наказ на управление из Сибирского приказа [ДАИ, 1862. С. 345]. Вскоре, согласно отписке енисейского воеводы А. П. Салтыкова к Ф. Д. Воейкову, в Нерчинск была послана «государева» печать [Актовые источники, 1995. С. 112]. 17 февраля 1683 г. Сибирским

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 280–281.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Стб. 75. Л. 66–72; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–29.

Илл. 2. Григорий Адольский. Портрет воеводы Ивана Власова. 1695 г.

Источник: Портрет воеводы Ивана Евстафьевича Власова. 1695 // Собрание живописи, графики и скульптуры «Арт-каталог». URL: http://www.art-catalog.ru/picture.php?id_picture=8373 (дата обращения: 01.09.2025)

Fig. 2. Grigoriy Adolsky. Portrait of Voyevoda Ivan Vlasov. 1695

Source: Portrait of the governor Ivan Evstaf'evich Vlasov. 1695. In: Collection of paintings, graphics, and sculpture "Art Catalog". URL: http://www.art-catalog.ru/picture.php?id_picture=8373 (accessed 01.09.2025)

приказом вместо Воейкова был назначен Иван Евстафьевич (Астафьевич / Остафьевич) Власов, заодно получивший должность «товарища» — заместителя воеводы Енисейского разряда К. О. Щербатова [Трухин, 2023а. С. 36; 2023б. С. 68]²². И в последующем (до губернской реформы 1708–1712 гг.) в Нерчинск по распоряжению Сибирского приказа неизменно назначались воеводы, в результате чего был образован Нерчинский уезд в составе Енисейского разряда. Нерчинские воеводы, как и ранее приказчики, имели право напрямую посылать донесения в Сибирский приказ и вести переписку с прочими уездными воеводами. И хотя процесс практического и номинального создания уезда шел постепенно и никакого нормативно-правового акта, знаменовавшего его появление, не было издано, тем не менее можно уверенно считать датой формального образования Нерчинского уезда 1680 г., а началом его реального

²² В литературе встречается и неверная датировка назначения И. Е. Власова в Нерчинск — 1682 г. [Андриевич, 1887. С. 47; Каменецкий, 2023б. С. 115].

существования 1681 г. — со времени стабильного присутствия в Восточном Забайкалье воевод и наличия у них «уездной» государственной печати.

Та же административно-территориальная единица, которая фактически существовала в регионе с момента прибытия первого приказчика Толбузина и до вступления в должность воеводы Воейкова, в делопроизводственной лексике не имела никакой «административно-территориальной» номинации. Такая ситуация в целом была характерна для Восточной Сибири, где имелось немало административно-территориальных единиц, обладавших административными центрами — острогами или зимовьями во главе с приказчиками, подчинявшимися уездным воеводам, но так и не получивших четкого и однозначного официального наименования. В документах 1660–1670-х годов Восточное Забайкалье как некое административно-территориальное образование называлось по-разному: «Даурия», «Даурская земля», «даурские остроги», «Дауры и нерчинские остроги», «нерчинские остроги», «Нерчинский, Иргенский и Телембинский остроги». И лишь после 1681 г. в документах появляется и распространяется «административно-территориальная» номинация — Нерчинский уезд.

Наличие на территории Даурии нескольких острогов де-факто создало внутри нее несколько административно-территориальных единиц, не имевших ни нормативно-правового оформления, ни номинаций. Административно-территориальными единицами их можно считать постольку, поскольку они имели административные центры во главе с собственными управленцами²³. Введенные в научный оборот источники, к сожалению, не позволяют в полной мере определить конфигурацию этих единиц, но судя по имеющимся данным, она была непростой. А. Ф. Пашков и Л. Б. Толбузин, сидя в Иргенском остроге, назначали управленцев из числа подчиненных им служилых людей в Верхний Шилкский и Телембинский остроги. С начала 1660-х годов нерчинские приказчики, помимо Телембинского, назначали управленцев в Итанцинский острог, основанный в 1679 году²⁴. Эти управленцы в делопроизводственной документации также назывались приказчиками / приказными людьми. Телембинские же приказчики, по сведениям Б. О. Долгих, направляли своих представителей в качестве администраторов и сборщиков ясака с окрестного автохтонного населения в Иргенский и Еравнинский (основан в 1676 г.) остроги, Зидойское и Акиминское зимовья [Долгих, 1960. С. 326]. Соответственно, административный статус Телембинского острога был хотя и ниже Нерчинска, но выше остальных острогов и зимовьев. С 1681 г. внутренняя административно-территориальная конфигурация возникшего Нерчинского уезда в пределах Забайкалья упростилась: начиная с Ф. Д. Воейкова уже только нерчинские воеводы напрямую назначали приказчиков во все подведомственные

²³ Б. О. Долгих эти «единицы» называл «присудами», поскольку такое наименование встречается в источниках [Долгих, 1960. С. 326, 327].

²⁴ Данное поселение первоначально представляло собой зимовье, в 1682 г. его перестроили в острог, но после этого до конца 1680-х годов в документах оно нередко продолжало называться зимовьем.

остроги – Телембинский, Иргенский, Еравнинский, Итанцинский и построенный в 1681 г. Аргунский острог.

Особо отметим, что один из острогов – Итанцинский – был поставлен по распоряжению нерчинского приказчика в Западном Забайкалье, в устье р. Итанца, впадающей в р. Селенгу, и сделано это было несмотря на то, что долина Селенги считалась подконтрольной Селенгинскому и Удинскому острогам. Однако нерчинской администрации он был необходим для взимания ясака с хоринских бурят, которые были подведомственны Нерчинску, но их кочевья доходили до нижнего течения р. Селенги [Долгих, 1960. С. 327].

Административно-территориальный «дизайн» Даурии существенно осложнялся спецификой статусного положения острогов, поставленных в середине 1660-х – начале 1680-х годов русскими казаками в Приамурье – Албазинского (далее – Албазин), Верхнезейского / Верхозейского, Селемджинского / Селенбинского, Долонского / Зейского. Не вникая в детали взаимоотношений нерчинских приказчиков, затем голов и воевод, с одной стороны, и казаков, обосновавшихся на Амуре, с другой, отметим лишь следующие принципиальные моменты.

Во-первых, с 1665/66 до 1674 г. в Приамурье (с центром в Албазине) фактически существовала казачья «республика» наподобие Запорожского или Донского казачьего войска. С 1674 г. приамурские остроги распоряжением Сибирского приказа были отданы в ведение нерчинским приказчикам, затем головам и воеводам, которые назначали в Албазин (как главный русский центр на Амуре) своих приказных людей, хотя иногда это напрямую и даже без согласования с нерчинскими управленцами делали и енисейские разрядные воеводы. При этом албазинские казаки до середины 1680-х годов, когда началось очередное наступление маньчжуров, сохраняли значительную автономию, придерживались принципов казачьего самоуправления и периодически даже выходили из подчинения нерчинской администрации [Васильев, 1916. С. 105, 132, 134, 162–165; Александров, 1984. С. 39–43; Трухин, 2023а; 2023б; 2024].

Во-вторых, в историографии присутствует мнение, что в 1682 г. [Яковлева, 1958. С. 119; История Сибири, 1968. С. 126; РКО, 1972. С. 7, 764; Вершинин, 1998. С. 16, 148; Артемьев, 1999. С. 52, 106; 2006. С. 7; Балданов, 2005. С. 14; Энциклопедия Забайкалья, 2002. С. 150; Зубов, 2009. С. 36; Албазинский острог, 2019. С. 106; История Сибири, 2023. С. 143], или 1683 г. [Александров, 1984. С. 128²⁵; Каменецкий, 2023а. С. 418–419], или 1684 г. [Барсуков, 1902. С. 3; Васильев, 1916. С. 171; Долгих, 1960. С. 581; Артемьев, 2005. С. 18; 2006. С. 6–8], или в начале 1680-х годов [Шунков, 1956. С. 185, 221; Леонтьева, 2012. С. 27; Багрин, 2024. С. 240, 337] наряду с Нерчинским уездом был создан Албазинский уезд / Албазинское «воеводство»²⁶ в связи с направлением в Албазин в качестве воеводы упоминавшегося выше А. Л. Толбузина. В. И. Трухин, активно в последние годы занимающийся изучением административно-территориального устройства

²⁵ В другом месте своей монографии автор сообщал, что «самостоятельное воеводство с центром в Албазине» было создано в 1684 г. [Александров, 1984. С. 49].

²⁶ В литературе встречается и совсем уж ошибочное утверждение, что Албазинский уезд был создан в 1650-х годах [Шиловский Д., Шиловский М., 2018. С. 21].

Приамурья в 1660-х — первой половине 1680-х годов и вводящий в научный оборот новые архивные источники, выявил, что в Албазин А. Л. Толбузин был назначен 8 марта 1683 г., но первоначально не как управленец-воевода, а, согласно грамоте Сибирского приказа от 2 апреля того же года²⁷, для расследования причин конфликтных взаимоотношений нерчинского воеводы Ф. Д. Воейкова и албазинских казаков, при этом Албазин выводился из подчинения нерчинского воеводы, а Толбузину поручалось «острог и ратных людей ведать до ... великих государей указу»²⁸ [Трухин, 2020а. С. 158; 2020б. С. 205; 2025. С. 39]. Он же высказал следующий тезис: «Назвать точную дату образования Албазинского воеводства пока нельзя. Однако можно однозначно утверждать, что создано оно было в период между 2 апреля и 31 августа 1683 года. Благодаря грамоте, отправленной в Енисейск К. О. Щербатову, „об отправлении в Албазин новой печати“ можно однозначно утверждать, что к 31 августа 1683 года А. Л. Толбузин уже был назначен албазинским воеводой»²⁹. Это самый ранний из известных на сегодняшний день документ, где он был назван воеводой в Албазинском остроге» [Трухин, 2020а. С. 158; см. также: Трухин, 2023б. С. 68; Трухин, 2025. С. 39–40]³⁰.

В начале сентября 1683 г. Толбузин прибыл (из Москвы или Тобольска?) в Енисейск, где подал местному воеводе К. О. Щербатову грамоту и наказ Сибирского приказа, из которых следовало, что он направляется в Албазин уже в качестве управленца, но без обозначения, в какой именно должности: «велено быть в Албазинском Алексею Ларионову сыну Толбузину»³¹. К середине мая 1684 г. Толбузин добрался до места назначения, приняв Албазин от приказчика И. С. Войлошниковца [Актовые источники, 1995. С. 119; Александров, 1984. С. 139; Трухин, 2020а. С. 158; 2020б. С. 205–206], а 23 ноября того же года к нему из Москвы была доставлена серебряная печать «великих государей Сибирские земли Албазинского острогу»³² [Трухин, 2025. С. 40, 47–48]. Наличие же в городе / остроге государственной печати, как указывалось выше, — один из показателей того, что он являлся административным центром уезда. В последующем, в документах 1684–1687 гг. (распоряжениях Сибирского приказа, «распросных

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 166 об. — 167 об.; см. также: [Актовые источники, 1995. С. 115]. Информация о назначении А. Л. Толбузина «следователем» в Албазин была кратко упомянута в «Розыске о злоупотреблениях нерчинского воеводы Федора Воейкова» (29 мая 1684 г. — 22 июня 1685 г.): «Лета 7192 году (1684) мая в 29 день по указу великих государей... и по наказу из Сибирского Приказу... велено Алексею Ларионовичу Толбузину ехать в Сибирь в Дауры в Албазинской острог» для проведения следствия [ДАИ, 1872. С. 2]. Данная дата и дала ряду исследователей основание считать, что Толбузин был назначен воеводой в 1684 г. Однако, согласно контексту «Розыска», в мае 1684 г. Толбузин начал следствие, уже находясь в Албазине (см. также: [Трухин, 2023а. С. 36]).

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 167.

²⁹ Грамота Сибирского приказа об отправлении в Албазин печати датирована 31 августа 1683 г., в ней содержится следующее распоряжение К. О. Щербатову: «А вы б ту печать послали в Албазинской с кем пригож... и отдать в Албазинском воеводе нашему Алексею Толбузину» (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 279–279 об.) [Актовые источники, 1995. С. 119].

³⁰ Об А. Л. Толбузине см. также статью В. И. Трухина «Новые сведения о семье албазинского воеводы Алексея Ларионовича Толбузина» в данном номере «Universum Humanitarium».

³¹ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 26. Л. 47–48.

³² РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 29.

речах» — показаниях албазинцев, отписках — донесениях нерчинского воеводы И. Е. Власова и енисейского воеводы К. О. Щербатова, в статейном списке (подробном отчете) посланного из Москвы на переговоры с маньчжурами посла Ф. А. Головина, который пересказывал упомянутые показания и донесения), А. Л. Толбузин часто упоминался как воевода / албазинский воевода³³ [ДАИ, 1867. С. 252–254, 258, 259; 1872. С. 108, 110, 111, 113, 121; РКО, 1972. С. 78, 82–84, 87, 89, 90, 108, 109, 111, 125, 127, 129, 131, 788]. Его сыновья Петр и Федор в своих челобитных 1688, 1691 и 1694 гг., поданных в Сибирский приказ, уверяли, что их отцу после проведения сыска по «челобитью албазинских служилых людей» было «велено быть ... в Албазине до ... великих государей указу воеводою» и «во 192-м (1683/84) году по ... великих государей указу был отец в Олбазине воеводою»³⁴.

Все эти факты, казалось бы, свидетельствуют в пользу того, что Толбузин был назначен воеводой и, соответственно, появился Албазинский уезд. Однако есть обстоятельство, которое заставляет усомниться в этом.

Дело в том, что уездными воеводами в Сибирь с появления в ней первых городов и до начала XVIII в. назначались исключительно представители верхушки служилых людей по отечеству, обладавшие так называемыми московскими чинами (бояре, окольничие, стольники, стряпчие, дворяне и т. д.). А. Л. Толбузин же с 1671 г. принадлежал к низшей категории служилых людей по отечеству — к городovým (провинциальным) детям боярским, а точнее — имел чин сына боярского по «тобольскому списку». И только 26 февраля 1683 г. он получил чин городского (тобольского) дворянина по выбору: «по ... великих государей указу и по подписной челобитной за пометою думного нашего дьяка Федора Шакловитова велено Алексею Толбузину в Тобольску быть по выбору»³⁵ [Пузанов, 2017. С. 34]. Но этот чин в служилой иерархии второй половины XVII в. не принадлежал к московским чинам служилых людей по отечеству³⁶. И Сибирский приказ никак не мог нарушить сложившуюся административную практику и официально назначить уездным воеводой не представителя московской элиты, а одного из городских дворян, пусть и имевшего значительные служебные заслуги, в том числе административный опыт³⁷. Как заметил Е. В. Вершинин, «воеводская должность по поняти-

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 355. Л. 142; Стб. 963. Л. 133, 223, 312, 315, 329, 408; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 9; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 279 об.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 412, 419, 456; Стб. 970. Л. 1.

³⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 970. Л. 5.

³⁶ В XVI — первой трети XVII в. дворяне по выбору из разных городов считались приписанными к государеву двору (соответственно, к московским служилым людям по отечестве) и как таковые могли назначаться воеводами и помощниками воевод — письменными головами, в том числе в сибирские уезды [Правящая элита, 2006. С. 255–261, 264, 344–345; Солодкин, 2003; 2011]. Однако с 1630-х годов практика причисления таковых дворян в государев двор прекратилась, в результате чего чин дворянина по выбору превратился в один из чинов городских (провинциальных) служилых людей по отечеству [Правящая элита..., 2006. С. 346–347].

³⁷ Для примера: в 1672 г. в Сибирский приказ подал челобитную дворянин по выбору из г. Вязьмы Б. С. Несвитаев с просьбой назначить его воеводой «в Ыркутском и в Братском и в Бологанском острошках», но его отправили управлять Баргузинским острогом, причем без назначения на какую-либо должность (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 481. Л. 108–108 об., 110). С. А. Лисовский, имевший московский чин жильца, в 1679 г., апеллируя к своей принадлежности по рожде-

ям XVII в. была слишком „честна“ для сибирских служилых людей по отечеству» [Вершинин, 1998. С. 39]. Последние, как говорилось выше, могли быть назначены лишь временно исполняющими обязанности воевод (см. также: [Солодкин, 2019. С. 198–200]).

Соответственно встает закономерный вопрос: стал ли А. Л. Толбузин «настоящим» албазинским воеводой? Некоторые историки, кстати, сомневаются в этом. Так, Б. О. Долгих, указывая, что Толбузин «в документах именовался воеводой», не считал его, однако, таковым, а называл весьма неопределенно — «первым лицом, назначенным из Тобольска» [Долгих, 1960. С. 581]. В. Г. Пузанов и И. П. Каменецкий полагали, что «после проведения сыска Алексей Толбузин был назначен временным воеводой Албазина „до государева указа“» [Пузанов, 2017. С. 34; Каменецкий, 2023а. С. 419]. И если все же следователь из Тобольска превратился в албазинского воеводу, как можно объяснить явное нарушение существовавших социальных нормативов при назначении сибирского дворянина на должность воеводы? Возможно, поиск и изучение новых архивных источников позволят дать ответ на этот вопрос.

Но в какой бы должности А. Л. Толбузин не был назначен в Албазин в 1683 г., он был уволен с нее распоряжением Сибирского приказа, полученным в Нерчинске 15 июля 1686 г., а Албазин передавался под управление нерчинского воеводы И. Е. Власова [ДАИ, 1867. С. 257–258; Трухин, 2023а. С. 36; 2025. С. 42]. Но поскольку к этому времени борьба между русскими и маньчжурами за Приамурье вошла в острую фазу, Толбузин продолжил по приказу Власова управлять Албазиным и в начале второй его осады маньчжурами скончался от тяжелого ранения. Оборону Албазина возглавил казачий голова А. И. Бейтон. По условиям Нерчинского договора 1689 г. между Россией и Цинским Китаем Приамурье отошло к маньчжурам и Албазин был разрушен.

Таким образом, если признать все же Толбузина с какого-то момента албазинским воеводой или врио воеводы, можно говорить и о создании Албазинского уезда. Официальным подтверждением этого являлась отправка в Албазин государственной печати. Но просуществовал этот уезд недолго — де-факто до июля 1686 г., юридическим же актом его упразднения условно можно считать Нерчинский договор.

В связи со временем существования Албазинского уезда обратим внимание на утверждение В. И. Трухина о том, что «к моменту возобновления Нерчинского воеводства» «Албазинский уезд ... был уже сформирован», поскольку «в приказной переписке нерчинских воевод появляется термин „Албазинские уезды“» [Трухин, 2020а. С. 157]. Такое словосочетание (во множественном или единственном числе) не часто, но встречается в делопроизводственной документации, как правило, исходящей от служилых людей: «Албазинские уезды» (1681 г. [Паршин, 1844. С. 146]), «Албазинский уезд» (1682 г.

нию к польско-литовской шляхте, просил «пожаловать» его «за... породу и службишку... Енисейского розряда в доурских – в Нерчинском или в Олбагузинском (Албазинском), или в Аркуцком (Иркутском) и на Байкале в Бургузинском острогах воеводою» (Там же. Стб. 340. Л. 273). Но Сибирский приказ, как говорилось выше, направил его в Нерчинск стрелецким и казачьим головой.

[Паршин, 1844. С. 159], 1684 год³⁸, 1686 год³⁹). Однако это не является свидетельством появления уезда / уездов. Дело в том, что в документах XVII в. наряду с официальной номинацией уездом административно-территориальной единицы изредка встречается аналогичное наименование неких территорий, которые были подведомственны каким-либо городам / острогам, но не являлись официально собственно уездами. В данном случае слово «уезд» использовалось в значении, сохранившемся от более ранних времен, — это территория, подконтрольная некоему административному центру, которая обьезжается представителями местных властей (в сибирском варианте — служилыми людьми) в целях сбора дани с проживавшего там населения (см.: [Градовский, 1868. С. 260; Горский, 2019. С. 357]). И в таком значении в документах встречаются «Телембинский уезд» (1674 г.)⁴⁰, «нерчинские остроги и уезды» (1679 г.)⁴¹, «Новоаргунский уезд» (1682/83 г.)⁴², «Иркутский уезд» (1684, 1685 гг.)⁴³ [Иркутск, 1883. С. 3], «Баргузинский уезд» (1688 г.)⁴⁴, «Селенгинский уезд» (1687, 1691 г.)⁴⁵, хотя в указанные годы таковых уездов как административно-территориальных единиц не существовало. Как аналог слову «уезд» (в обоих его значениях) в документах XVII — начала XVIII в. иногда использовалось слово «присуд» — территория, подсудная (подчиненная) какому-либо административному центру (см.: [Чичерин, 1856. С. 59]): «Телембинский присуд», «Баргузинский присуд», «Иркутский присуд», «Нерчинский присуд»⁴⁶ [Залкинд, 1958. С. 124; Долгих, 1960. С. 326, 327].

Административно-территориальная структура Западного Забайкалья выстраивалась также непросто, поскольку Сибирский приказ вплоть до начала 1680-х годов практически путем опробовал разные варианты. Первые русские остроги на этой территории появились в ее северной части: в 1646 г. — Ангарский (Верхнеангарский), в 1648 г. — Баргузинский, в 1652 г. — Баунтовский. В 1662 г. построили Кучидский острог, а в 1665 г., уже в южной части Забайкалья — Селенгинский и Удинский остроги⁴⁷.

С момента своего появления и де-факто до 1681 г. эти остроги входили в состав Енисейского уезда⁴⁸. При этом возникли заметные различия в административном статусе острогов, находившихся в южной и северной части Западного Забайкалья. На юге главным административным центром стал

³⁸ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 26. Л. 32.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 973. Л. 14.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 283, 284 об.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 963. Л. 319.

⁴³ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 63. Л. 252; Стб. 78. Л. 43.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1045. Л. 75.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 355. Л. 419; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 248. Л. 15, 27.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 163, 164 об., 186 об., 191 об., 199 об., 200–204 об., 457 об., 663 об., 670 об.; Кн. 1388. Л. 599 об.; Оп. 4. Стб. 144. Л. 2.

⁴⁷ Ангарский, Баунтовский и Кучидский остроги по характеру укреплений представляли собой все время своего существования зимовья, но в документах часто назывались острогами. Удинский острог изначально являлся зимовьем, в 1679 г. его перестроили в острог.

⁴⁸ Встречается, правда, оригинальное мнение, что уже в 1661 г. существовал Иркутский уезд и в его состав входило Западное Забайкалье [Энциклопедия Забайкалья, 2002. С. 150].

Селенгинский острог (далее — Селенгинск), в который приказчиков определял енисейский воевода из числа енисейских же служилых людей. Они, в свою очередь, посылали управленцев («приказных людей») в Удинский острог (далее — Удинск) и основанные в начале 1670-х годов Кабанскую и Ильинскую заимки / слободы⁴⁹ [ДАИ, 1853. С. 177, 178; 1857. С. 324, 353; 1859. С. 321, 323; 1862. С. 95; СДИБ, 1960. С. 242; РКО, 1969. С. 261, 469, 470; Актовые источники, 1995. С. 111, 116, 122].

На севере центром являлся Баргузинский острог (далее — Баргузинск). Сюда также на «приказ» посылались в основном енисейские служилые люди. Однако длительное время (точно известно, что с 1652/53 г. до конца 1670-х годов) баргузинские управленцы назначались непосредственно Сибирским приказом, причем два раза из числа служилых людей, не приписанных к енисейскому гарнизону — упоминавшиеся выше жилец С. А. Лисовский (в 1668 и 1675 гг.) и дворянин по выбору из г. Вязмы Богдан Семенович Несвитаев (в 1673 г.). При этом назначенцы Сибирского приказа определялись в 1654/55 г. в должность казачьего головы, в 1656–1675 гг. — стрелецкого и казачьего головы, а один раз (Несвитаев) — без указания должности.

В XVII в. в Сибири стрелецкие и / или казачьи головы — это в основном командиры стрелецких и / или казачьих подразделений в местных гарнизонах численностью в несколько сотен человек [Никитин, 1988. С. 31, 37, 42, 43, 50; Барахович, 2014], причем находившихся под общим командованием того воеводы, в уезде которого они располагались. И если назначение таких голов (пусть и в качестве управленцев) в Нерчинск более-менее согласуется с численностью его гарнизона (в 1670-х годах — от 120 до 200 человек, но исключительно только казаков) [Леонтьева, 2012. С. 36; Багрин, 2024. С. 179, 184, 193], то их присутствие в Баргузинске никак не соответствует параметрам местного гарнизона — в 1650–1660-х годах около 70 казаков⁵⁰ [ДАИ, 1848. С. 344; Васильев, 1916. С. 114–115, 124, 139], к началу 1680-х годов — около 30 казаков⁵¹.

Интересно и то, что Лисовский и Несвитаев (в 1668 и 1673 гг.) получили наказы на управление из Сибирского приказа, да еще и с четким указанием, чтобы енисейский воевода их «не ведал», т. е. они должны были подчиняться не ему, а напрямую Сибирскому приказу. Все же остальные головы (в том числе и Лисовский с 1675 г.), а до них приказчики получали наказы / наказные памяти от енисейского воеводы и находились в его юрисдикции. Баргузинские приказчики и головы направляли небольшие группы служилых людей для сбора ясака в подведомственные им Ангарский, Баунтовский и Кучидские остроги, и «начальные люди» этих групп исполняли там обязанности управленцев-приказчиков. Хотя случалось, что в эти остроги ясачных сборщиков напрямую отправляли енисейские воеводы⁵².

⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 26 об.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 200.

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 738. Л. 143–152а.

⁵² О назначении управителей в Баргузинск в 1650–1670-е годы см. указы, грамоты, наказы Сибирского приказа: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 273–278, 471–474; Стб. 481. Они однозначно свидетельствуют, что головы в Баргузинск направлялись именно как управленцы (вклю-

Практика назначения в Баргузинск голов свидетельствует о том, что этот острог длительное время оценивался Сибирским приказом как имевший более высокий административный статус, нежели те остроги, в которых находились приказчики, назначаемые уездными воеводами⁵³. Не исключено, что конце 1660-х — начале 1670-х годов он рассматривался как потенциальный уездный центр и, возможно, именно поэтому был временно напрямую подчинен Сибирскому приказу, а очередной управленец (Несвитаев) был назначен без указания должности. Такой вариант управления (без обозначения должности) явно напоминает практику назначения сибирских служилых людей по отчеству в качестве временно исполняющих обязанности уездных воевод. Правда, в переписке с нерчинским приказчиком П. Я. Шульгиным Несвитаев все же номинировался «баргузинским головой»⁵⁴.

Об административных амбициях управленцев Баргузина, равно как и Нерчинска, свидетельствует случившийся между ними конфликт. В 1667/68 г. по распоряжению баргузинского головы Андрея Афанасьевича Барнешлева началось строительство Еравнинского острога на территории, подконтрольной Нерчинску. Приказчик последнего Л. Б. Толбузин, лично прибыв на место «вторжения» баргузинцев, приказал своим казакам сжечь заготовленный строительный материал, что и было сделано. Однако новый баргузинский управитель Несвитаев, апеллируя к тому, что подведомственным Баргузинску баунтовским ясачным тунгусам удобнее платить ясак у Еравнинских озер, в 1674/75 г. вновь послал подчиненных ему казаков, которые соорудили зимовье. Но почти моментально последовала реакция из Нерчинска: в 1676 г. по указанию приказчика П. Я. Шульгина нерчинские казаки недалеко от «баргузинского» зимовья воздвигли «острожные строения» — шесть изб и башни. И с этого же года новопостроенный Еравнинский острог находился уже в ведомстве нерчинского приказчика, затем воеводы [ДАИ, 1857. С. 364–365; Залкинд, 1958. С. 56–57; Багрин, 2024. С. 189]. Подобные споры между приказчиками и служилыми людьми разных острогов за «ясачные уголья» были обычным явлением в Сибири XVII в., изредка они даже доходили до вооруженных столкновений (см., напр.: [Окладников, 1937. С. 92–95; Залкинд, 1958.

чая и военную сферу), а не только как командиры воинских подразделений. В этом однозначно убеждает сравнение наказов баргузинским головам с наказами, которые выдавались в эти же годы сибирским приказчикам (см., напр.: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–16; [АИ, 1842. С. 521–528; ДАИ, 1851. С. 70–80, 200–214; 1859. С. 139–145]) и стрелецким и / или казачьим головам как командирам воинских подразделений (см., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340; Стб. 481. Л. 58–66 (опубл.: [Барахович, 2016. С. 356–358])), хотя все они содержали немало схожих нормативных элементов.

О приказчиках и головах в Баргузинске и подведомственных ему острогах см. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 355. Л. 201; Стб. 508. Л. 301; Оп. 4. Стб. 69. Л. 1; Стб. 75. Л. 40–62, 66–72; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 3, 4; АИ, 1842. С. 540, 561; ДАИ, 1848. С. 343; 1851. С. 53, 211, 212; 1853. С. 49, 51–53, 175, 176; 1857. С. 359, 364, 367; 1859. С. 136, 138, 193, 343; 1862. С. 172; 1875. С. 37; СДИБ, 1960. С. 228, 230, 231, 234, 242–244; РКО, 1969. С. 487; РМО, 1996. С. 130, 132, 143; Актовые источники, 1995. С. 111; [Барсуков, 1902. С. 13–14; Вершинин, 1998. С. 24–27, 40; Багрин, 2024. С. 187, 211, 214].

⁵³ А. П. Васильев административно-территориальную единицу, возглавляемую головой, даже называл «головством» [Васильев, 1916. С. 139].

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 3, 4.

С. 30–33; Иванов, 1999. С. 45–50; Павлинская, 2008. С. 115, 146–148, 154, 156–158; Самрина, 2012; Бродников, 2002]). Бывали и случаи соперничества за сбор ясака между баргузинскими и селенгинскими [Актовые источники, 1995. С. 111; Багрин, 2024. С. 191], между нерчинскими и селенгинскими служилыми людьми⁵⁵ [Залкинд, 1958. С. 124–125].

Однако от повышения административного статуса Баргузинска Сибирский приказ отказался. Лисовский при назначении в 1675 г. был уже подчинен енисейскому воеводе. Правда, в одной из своих челобитных он сообщил, что «во 186-м (1677/78) году прислан на мое место из Енисейска в Боргузинской острог письменной голова», не назвав, однако, его имени⁵⁶. Появление письменного головы в Баргузинске означало бы существенное повышение его статуса⁵⁷. И этот факт вызвал явное недоумение дьяков Сибирского приказа, которые в своих комментариях к челобитной Лисовского сделали следующее замечание: «А по какому указу Самойло из Баргузинского переменен и в котором году и кто на его место в Баргузинской послан, того в Сибирском приказе неведомо, из Енисейска к Москве о том боярин и воевода князь Иван Петрович Борятинской и дьяк Василей Телицын не писывали»⁵⁸. Ситуация со сменой Лисовского в 1677/78 г. требует отдельного рассмотрения. Но известно, что в 1681–1682 гг. в Баргузинске были приказчики из енисейских служилых людей⁵⁹ [Артемьев, 1999. С. 41]. Понижение статуса Баргузинска связано с потерей им своего коммуникационного значения вследствие строительства Удинска: именно Удинск, а не Баргузинск стал главным перевалочным пунктом на пути из Предбайкалья в Селенгинск и остроги нерчинского воеводства [Васильев, 1916. С. 140].

В начале 1680-х годов административно-территориальный «дизайн» и система управления Западным Забайкальем стали быстро и кардинально меняться. В начале 1680 г. (до 15 февраля) в Селенгинск был назначен воеводой стольник И. Е. Власов, 26 февраля того же года он получил воеводский наказ [АИ, 1842. Т. 5. С. 105; Актовые источники, 1995. С. 112]⁶⁰. Ему также была выдана (или послана позднее?) «уездная» «печать государева земли Сибирския города Селенгинска» [Иркутск, 1883. С. 1; Дёмин, 2009. С. 201–202]. Все это однозначно говорит о том, что Сибирский приказ запустил процесс создания Селенгинского уезда. В одной из грамот этого приказа (от 28 июня 1681 г.) содер­жится следующая административно-территориальная терминология:

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 19. Л. 3–5.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 273.

⁵⁷ Письменные головы входили в состав администрации разрядных воевод, при них они «состояли для выполнения временных поручений административного и военного характера. Наиболее часто они посылались на „упалые“ воеводские места, исполняя эту должность до приезда новых воевод; назначались в качестве „сыщиков“ расследовать деятельность лиц уездной администрации; управляли крупными острогами (особенно в Восточной Сибири); возглавляли военные экспедиции» [Вершинин, 1998. С. 19]. Письменным головой в Енисейске в 1677–1680 гг. был Д. Козьмин [Там же. С. 155].

⁵⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 279.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 23. Л. 11, 34, 44.

⁶⁰ Текст самого наказа, как и многих наказов другим сибирским воеводам, пока не обнаружен.

«в Селенгинской стольнику нашему и воеводе Ивану Остафьевичу Власову ... проводить в Селенгинске и Селенгинского уезду в острогах» [АИ. 1842. Т. 5. С. 105] (курсив наш. — А. З.). Причем показательно, что в Забайкалье в 1680 г. назначили двух воевод: в Нерчинск — Ф. Д. Воейкова, в Селенгинск — И. Е. Власова. И оба они были поставлены в непосредственное подчинение воеводе Енисейского разряда. При этом, как следует из делопроизводственной документации (донесений Власову приказчиков, распоряжений Сибирского приказа, донесений самого Власова, окладных ясачных книг и т. д.), под управление селенгинскому воеводе отдавались Предбайкалье (с Иркутским и рядом других острогов⁶¹) и Западное Забайкалье (за исключением Итанцинского острога, оставшегося в Нерчинском уезде), и, соответственно, ему напрямую подчинялись забайкальские приказчики (из числа служилых людей) Селенгинска и Баргузинска, и опосредованно — через селенгинского приказчика — «начальные люди» Удинска, Ильинской и Кабанской слобод и через баргузинского приказчика — Ангарского, Баунтовского и Кучидского острогов⁶² (см., напр.: [АИ. 1842. Т. 5. С. 106; ДАИ, 1862. С. 296, 333–334, 345; 1875. С. 322, 324–325; 1867. С. 68, 242–243, 322; 1869. С. 71–74; Сибирские города, 1886. С. 45; Иркутск, 1883. С. 1; СДИБ, 1960. С. 264, 269, 270; РМО, 1996. С. 381–382, 385–387, 391–393, 395, 397, 401, 402, 420; Актовые источники, 1995. С. 118, 119]) (см. также: [Шунков, 1956. С. 186, 189]).

Согласно этой же документации, Власов по дороге в Селенгинск на длительное время, с ноября 1680 года⁶³ до февраля 1682 г., задержался в Иркутском остроге (далее — Иркутск), побывав весной 1681 г. в Баргузинске. В Селенгинске же продолжал управлять приказчик. И только в марте 1682 г. Власов прибыл к месту назначения, оставив в Иркутске приказчика. Затем примерно в течение года он находился то в Селенгинске, то в Иркутске, то опять в Селенгинске, а с конца лета 1683 г. вновь осел в Иркутске. Управлять же Селенгинском остался приказчик. 17 февраля 1683 г. Власова, как упоминалось выше, назначили воеводой Нерчинского уезда, и он, покинув Иркутск, 30 апреля 1684 г. прибыл в Нерчинск⁶⁴ [Александров, 1984. С. 129; Вершинин, 1998. С. 157; Трухин, 2020а. С. 158].

В Иркутске с момента его строительства в 1661 г. и до появления в нем Власова управляли приказчики из числа служилых людей⁶⁵. Факт же дислокации селенгинского воеводы Власова большую часть времени в этом остроге

⁶¹ Поскольку в данной статье речь идет об административно-территориальном устройстве Забайкалья, мы не занимались выяснением количества предбайкальских острогов, вошедших в состав новообразованного уезда. Но среди них, помимо Иркутского и Тункинского острогов, с высокой степенью вероятности были Балаганский, Верхоленский, Бельский и Идинский остроги.

⁶² См., напр.: РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 22, 23, 37; Стб. 63. Л. 32, 37, 135, 137, 140, 158; Стб. 78. Л. 46; Стб. 81. Л. 51; Стб. 96. Л. 1, 2 об., 6 об.; Ф. 1142. Д. 19. Л. 4, 5, 7, 16–16 об.; Д. 26. Л. 26.

⁶³ В Иркутский острог он прибыл 15 ноября 1680 г. [Иркутск, 1883. С. 2].

⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 355. Л. 76.

⁶⁵ Среди приказчиков Иркутска в разные годы упоминаются тобольские и енисейские служилые люди, поэтому не вполне ясно, какому уездному воеводе и в какое время подчинялись эти приказчики. См.: [ДАИ, 1859. С. 344–346; Актовые источники, 1995. С. 111; Оглоблин, 1901. С. 39; Барсуков, 1902. С. 84; Вершинин, 1998. С. 157; Пузанов, 2017. С. 33].

привел почти всех исследователей к ошибочному представлению об административно-территориальных новациях в Предбайкалье и Забайкалье. Они, не вникая в детали, полагали, что Власов был назначен иркутским воеводой, и это привело к образованию в 1680, или 1681, или 1682 г. Иркутского уезда [Щеглов, 1883. С. 129; Иркутск, 1891. С. 2; Яковлева, 1958. С. 44; Кудрявцев, Вендрих, 1958. С. 17; Долгих, 1960. С. 183, 294; Трошин, 1963. С. 13–14; Копылов, 1965. С. 83; История Сибири, 1968. С. 126; Балданов, 2005. С. 14; Артемьев, 2005. С. 17–18; 2006. С. 7, 8; Зубов, 2009. С. 36; История Бурятии, 2011. С. 55; Леонтьева, 2012. С. 28, 46; Иркутский край, 2012. С. 44, 58; Каменецкий, 2023б. С. 114; История Сибири, 2023. С. 143]⁶⁶. Причем высказывались даже мнения, что Власов сначала был селенгинским, затем иркутским воеводой [Яковлева, 1958. С. 129], одновременно воеводой и в Иркутске, и Селенгинске [Барсуков, 1902. С. 84, 205; Шунков, 1956. С. 186, 189, 194], что наряду с Иркутским уездом в 1681 г. «в источниках впервые фигурирует подчиненный иркутскому воеводе И. Е. Власову Селенгинский уезд» [Артемьев, 1999. С. 66]. Получалась «оригинальная» конструкция: появился уезд без воеводы, который вошел в состав другого уезда. И только А. П. Васильев еще в начале XX в. высказал утверждение, что «Иркутский острог был приписан к Селенгинскому городу», неверно, правда, назвав дату этого события — 1683 г. [Васильев, 1916. С. 120]. Из современных исследователей, насколько нам известно, лишь Э. В. Дёмин [2016] и Е. А. Багрин считают Власова селенгинским воеводой [Багрин, 2024. С. 235]⁶⁷.

Власов, несомненно, в 1680–1683 гг. официально являлся селенгинским воеводой, и к настоящему времени не обнаружено никаких документов, которые свидетельствовали бы о его переназначении воеводой в Иркутск. Другое дело, что вследствие отсутствия, как указано выше, хоть какого-то регламента создания уездов и определения их административных центров, дислокация Власова то в Иркутске, то в Селенгинске де-факто привела к тому, что вместе с ним менял свое местоположение и уездный центр, а благодаря длительному пребыванию Власова в Иркутске этот острог приобрел более важное административное значение, нежели Селенгинск. Никаких объяснений передислокации Власова в его известной переписке с енисейским воеводой К. О. Щербатовым и Сибирским приказом не содержится. Можно только предполагать, что Власов, находясь то в Предбайкалье, то в Забайкалье и ознакомившись с расположением местных острогов и военно-политической ситуацией, пришел к выводу о нежелательности превращения Селенгинска в административный центр уезда. Селенгинск в начале 1680-х годов являлся главным опорным пунктом русской власти в противоборстве монгольским набегам, которые в это время приняли масштабный характер. В его окрестностях почти постоянно отрядами разной численности присутствовали «немирные мунгалы», с которыми служилые люди нередко вступали

⁶⁶ В. А. Александров, не конкретизируя даты, писал, что «административно остроги Западного Забайкалья во второй половине XVII в. входили в состав Иркутского уезда и подчинялись воеводам Иркутска» [Александров, 1984. С. 20].

⁶⁷ При этом Е. А. Багрин все же полагает, что «в 1681 г. правительство наделило Иркутск полномочиями уездного центра» [Багрин, 2024. С. 404].

в вооруженные столкновения и которые создавали огромные проблемы коммуникации селенгинского гарнизона с другими русскими гарнизонами. Периодически возникали ситуации, когда Селенгинск фактически оказывался в монгольской блокаде. В отличие от Селенгинска военная обстановка в районе Нерчинска, где также в то время создавался уездный центр, была хотя и сложная, но все же намного менее опасная. В схожем с Нерчинском положении находился и Иркутск. И, сравнив военно-стратегическое расположение разных острогов и удобство коммуникации между ними, Власов отдал предпочтение Иркутску как потенциальному уездному центру. Он, как мы полагаем, наверняка известил об этом Щербатова, который и сам хорошо был осведомлен о тех угрозах, которые монголы создавали Селенгинску. Несомненно, что Сибирский приказ также был в курсе перемещения «ставки» уездного воеводы и его «оседания» в Иркутске. Скорее всего, именно вследствие этих перемещений и возникшей де-факто неопределенности с уездным центром в Прибайкалье Сибирский приказ, отдавая в этой ситуации предпочтение не регламентирующим предписаниям, а практической апробации, после отправки Власова в Нерчинск не стал назначать в этот регион нового воеводу, а поручил Щербатову произвести замену Власова по своему усмотрению. Выполняя это поручение, Щербатов в 1683 г. направил управленцем в Иркутск своего помощника — письменного голову, стольника Леонтия Константиновича Кислянского⁶⁸, а в Селенгинск — енисейского сына боярского Ивана Ивановича Поршенникова. Чины этих управленцев однозначно говорят о том, что административный статус Иркутска повышался (но не до уездного центра), а Селенгинска — понижался. Таким образом, реализация «проекта» по созданию Селенгинского уезда была прекращена⁶⁹ и должность селенгинского воеводы автоматически упразднилась, но и Иркутск не превратился в новый уездный центр. Кислянский прибыл к месту назначения в первой половине января 1684 г. [Иркутск, 1883. С. 1, 2], а Поршенников — в феврале того же года [ДАИ, 1867. С. 242]. В ведение первому отдавались Иркутск и предбайкальские остроги (в том числе Тункинский) и Баргузинск (с Ангарским, Баунтовским и Кучидским острогами), второму — Селенгинск, Удинск, Ильинская и Кабанская слободы, и оба они подчинялись енисейскому воеводе.

В историографии опять же присутствует неверное утверждение, что Кислянский был назначен в Иркутск воеводой [Барсуков, 1902. С. 84; Александров, 1984. С. 129; Александров, Покровский, 1991. С. 114; Вершинин, 1998. С. 20, 157]. В январе 1684 г. — июне 1685 г. он находился там в качестве управленца, но в должности письменного головы, а не воеводы, и во всех известных документах назывался письменным головой, а не воеводой. Назначен он был Щербатовым, наказ на управление получил от него же, а не из Сибирского приказа, свои донесения он посылал енисейским воеводам, которые отдавали

⁶⁸ В. К. Андриевич ошибочно полагал, что Кислянский был назначен вторым воеводой в Нерчинск [Андриевич, 1887. С. 47]. О Кислянском см.: [Трошин, 1955].

⁶⁹ В литературе присутствует и «оригинальная» точка зрения, что «Селенгинское воеводство» существовало до начала XVIII в. [Разумов, 1899. С. 26].

ему распоряжения⁷⁰ [ДАИ, 1867. С. 243, 324–326, 330–333; 1869. С. 217, 231, 235; 1872. С. 122; Иркутск, 1883. С. 2; СДИБ, 1960. С. 263, 269, 270–273, 283, 284, 294; Актовые источники, 1995. С. 122; РМО, 1996. С. 396–402, 404, 406, 410, 421, 424, 426, 428, 434, 438]. После Кислянского в Иркутске управляли: с июля до конца 1685 г. — приказчик иркутский сын боярский Иван Максимович Перфильев⁷¹ [РМО, 1996. С. 439–441; 2000. С. 70], с конца 1685 г. до января 1687 г. — письменный голова Алексей Львович Горчаков (назначение получил от енисейского воеводы) [РМО, 1996. С. 439; 2000. С. 70, 71], с января 1687 г. до сентября 1688 г. — письменный голова, стольник Алексей Сидорович Синявин (назначен полномочным послом на переговорах с Цинским Китаем, воеводой Ф. А. Головиным)⁷² [СДИБ, 1960. С. 304, 307, 309, 310, 312–315, 317, 319, 320, 322–325; РМО, 2000. С. 173, 416]⁷³, затем вновь — И. М. Перфильев [РМО, 2000. С. 177]. Последний оба раза «сидел на приказе» временно⁷⁴. Назначение же в Иркутск письменных голов, да еще два раза стольников, несомненно, свидетельствует о его растущем административном значении.

Воеводы же в Иркутск стали назначаться Сибирским приказом с 1688 г., и первым воеводой стал упоминавшийся Кислянский, который прибыл к месту назначения, видимо, в первой половине 1689 года⁷⁵. С собой он доставил государеву печать⁷⁶. Соответственно, отсчет существованию Иркутского уезда можно начинать формально только с 1688 г., а реально — с 1689 г. Согласно воеводскому наказу Кислянскому от 25 мая 1688 г. под его управление, помимо Предбайкалья, попадали остроги Западного Забайкалья — Селенгинск, Удинск, Баргузинск, Ильинский⁷⁷, Кучидский, Баунтовский, Ангарский и Кабанская слобода⁷⁸, за исключением опять же Итанцинского острога, оставшегося в составе Нерчинского уезда [Оглоблин, 1901. С. 37, 143; Первое столетие, 1996. С. 128]. Воеводы в Иркутск так же, как и в Нерчинск, назначались до губернской реформы 1708–1712 гг.

Селенгинск же, рассматривавшийся ранее как возможный уездный центр, стал терять свое административное значение. Грамотой Сибирского приказа

⁷⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 355. Л. 234; Стб. 963. Л. 408; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 59, 60, 62а, 63, 68, 77, 78; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.

⁷¹ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 72. Л. 14.

⁷² РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 122. Л. 4; Стб. 39. Л. 23–32.

⁷³ И. В. Щеглов всех названных управителей, начиная с Власова и Кислянского, считал «правителями Нерчинского края» [Щеглов, 1883. С. 129–130].

⁷⁴ Пока не удалось выяснить, кто назначал его приказчиком и с какими полномочиями. Возможно, это делали в 1685 г. Л. К. Кислянский, а в 1688 г. — А. С. Синявин.

⁷⁵ Первый известный нам документ, свидетельствующий о нахождении Кислянского в Иркутске, относится к 4 июля 1689 г. [РМО, 2000. С. 213].

⁷⁶ По указанию Сибирского приказа Кислянский должен был передать печать послу Ф. А. Головину и подчиняться ему в делах управления до отбытия последнего в Москву (Первое столетие, 1996. С. 128, 133). 18 февраля 1690 г. Головин из Забайкалья прибыл в Иркутск и, по сведениям П. И. Пежемского, в тот же день передал печать Кислянскому [Иркутская летопись, 1911. С. 6, 123].

⁷⁷ Ильинская заимка / слобода была укреплена стоячим острогом в 1688 г., но после этого в документах продолжала нередко называться слободой, и лишь после реконструкции в 1692 г. за данным населенным пунктом закрепился статус острога.

⁷⁸ Кабанская заимка / слобода перестроена в острог в 1692 г.

от 28 января 1684 г. в Енисейске был запущен, можно полагать, с подачи енисейского воеводы Щербатова и селенгинского воеводы Власова, процесс обсуждения вопроса об изменении административных статусов Селенгинска и Удинска: если до этого Удинск подчинялся Селенгинску, то теперь предполагалось сделать наоборот. Кроме того, планировалось ликвидировать в Селенгинске постоянный гарнизон и посылать туда на временную службу служилых людей из Удинска. Гарнизон же последнего должен был быть увеличен путем переселения туда на постоянное местожительство служилых людей из Селенгинска. В упомянутой грамоте сообщалось: «велено разведать подлинно: буде из Селенгинского селенгинским служилым человеком и приказному человеку жить в Удинском пристойнее, а в Селенгинском малыми людьми годовальщики, против иных таких же острожков, пробыть будет мочно и от воинских людей безстрашно, и селенгинских служилых людей с детьми велено перевести в Удинской и жить им в Удинском, а в Селенгинском велеть быть годовальщиком из Удинского, скольким человеком пристойно». Основанием для такой военно-административной трансформации рассматривалось более выгодное с военной, коммуникативной и экономической точки зрения месторасположение Удинска (по сравнению с Селенгинском и другими западно-забайкальскими острогами): от монгольских набегов с юга его прикрывал, хотя и не в полной мере, Селенгинск, нахождение в месте слияния рек Уды и Селенги обеспечивало более быструю, чем у Селенгинска, коммуникацию с другими русскими опорными пунктами в регионе, в его окрестностях развивалось земледелие, наконец «ясашные иноземцы» обитали «от Удинского острогу в ближних местех». Обсуждение, к которому в Енисейске привлекались енисейские и селенгинские служилые люди, а также торговцы, не привело, однако, к сколько-нибудь кардинальным переменам, поскольку было высказано опасение, что ликвидация постоянного гарнизона в Селенгинске может привести к активизации монгольских набегов: «А из Селенгинского де острогу в Удинской служилых людей переводить не доведетца, потому что послышат де мугальские люди то служилых людей переселенье из Селенгинского в Удинской, и оттого б де в Мугальской земли какой шатости не было»⁷⁹ [ДАИ, 1869. С. 117–120; Актовые источники, 1995. С. 119, 120; Леонтьева, 2012. С. 51; Бураева, 2013. С. 29–30].

Некоторые изменения в административной системе Западного Забайкалья произошли лишь с созданием Иркутского уезда. Теперь иркутские воеводы стали назначать приказчиков из числа иркутских или забайкальских служилых людей в Селенгинск, Удинск, Баргузинск, Ильинский острог и Кабанскую слободу, которые, соответственно, были ему подотчетны. Но в Кучидский, Баунтовский и Ангарский остроги «начальных» людей по-прежнему направлял баргузинский приказчик.

Резюмируя вышеизложенное, констатируем, что в историографии содержится немало ошибочных, неточных или спорных трактовок административно-территориального устройства Забайкалья в 1650–1680-х годах.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1121. Стб. 63. Л. 236.

Внимательный и критический анализ источников и литературы позволяет прийти к выводу, что попытка создания в восточной части региона в конце 1650-х годов Даурского / Нерчинского уезда успеха не имела. После этого Восточным Забайкальем с Итанцинским острогом (в Западном Забайкалье) до начала 1680-х годов управляли приказчики (в том числе стрелецкие и казачьи головы), сидевшие в Нерчинске и подчинявшиеся сначала тобольскому, затем енисейскому разрядному воеводе. Они напрямую через назначаемых ими приказчиков управляли Телембинским и Итанцинским острогами и опосредованно — через телембинского приказчика — Иргенским и Еравнинским острогами. С 1674 г. в реальном или формальном подчинении нерчинских приказчиков находился и Албазинский острог с подконтрольными ему приамурскими острогами и зимовьями.

В отличие от Восточного Забайкалья Западное Забайкалье не представляло собой одной административно-территориальной единицы, а было разделено на две части: северную с центром в Баргузинске, приказчику которого подчинялись назначаемые им «начальные (приказные) люди» Ангарского, Баунтовского и Кучидского острогов, и южную с центром в Селенгинске, приказчик которого через своих «приказных людей» управлял Удинском, Ильинской и Кабанской заимками / слободами. При этом селенгинский и баргузинский приказчики подчинялись енисейскому воеводе, за исключением короткого периода в конце 1660-х — первой половине 1670-х годов, когда Баргузинск находился в прямом ведении Сибирского приказа.

В 1680 г. Сибирский приказ запустил процесс реорганизации административно-территориального устройства Забайкалья (а также Приамурья). В Енисейском разряде был создан Нерчинский уезд, в который вошли Нерчинск, Телембинский, Иргенский, Еравнинский, Итанцинский и Аргунский остроги, приказчики которых назначались нерчинским воеводой. Попытка же создания в 1683–1686 гг. Албазинского уезда не удалась. Короткое время, формально с 1680 до 1683 г., в составе Енисейского разряда просуществовал и Селенгинский уезд, включавший в себя Предбайкалье и Западное Забайкалье (Селенгинск, Баргузинск, Удинск, Ангарский, Баунтовский и Кучидский остроги, Ильинскую и Кабанскую слободы). В 1688 г. был создан Иркутский уезд, в состав которого включили упомянутые западно-забайкальские остроги и слободы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг. Т. 2 / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. 305 с.

Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. III, 565, 8, 15, [1] с.; 1842. Т. 5. III, 539, 4, 17, [2] с.

Дополнения к актам историческим. СПб., 1848. Т. 3. VII, 539, 7, 9 с.; 1851. Т. 4. VII, 416, 11, 10 с.; 1853. Т. 5. VII, 510, 10, 7, [1] с.; 1857. Т. 6. VIII, 477, 15, 8 с.; 1859. Т. 7. X, 374, 5, 4, [1] с.; 1862. Т. 8. VIII, 350, 2, 6, [1] с.; 1875. Т. 9. VII, 353, [1], 2 с.; 1867. Т. 10. VIII, 504 с.; 1869. Т. 11. VIII, 8, 311; 1872. Т. 12. VIII, 14, 423, 24 с.

Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / публ. Н. А. Найденов. М., 1883. [4], 92 с.

Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) // Тр. ВСО ИРГО. Иркутск, 1911. № 5. 418 с.

Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле // Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. Разд. 5. С. 1–37.

Первое столетие сибирских городов. XVII век (История Сибири. Первоисточники. Вып. 7) / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 190 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи / отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 384 с.

Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. Т. 1 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1969. 614 с.

Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. Т. 2 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1972. 836 с.

Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1996. 560 с.

Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., М., 2000. 488 с.

Сборник документов по истории Бурятии. Вып. 1 / сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ: [Б.и.], 1960. 493 с.

Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск / сост. Н. А. Найденов. М., 1886. 146 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1984. 272 с.

Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.

Андреевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года. СПб., 1887. 237 с.

Артемьев А. Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII века (Из истории кадровой политики царской администрации в Забайкалье и Приамурье) // Отечественная история. 2006. № 2. С. 3–11.

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток: [Б. и.], 1999. 336 с.

Артемьев А. Р. Из истории Нерчинска // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Ист.-археол. иссл.): сб. науч. ст. Т. 2. Владивосток: ДВО РАН, 1995. С. 90–115.

- Артемов А. Р. Из истории управления Нерчинским и Албазинским уездами во второй половине XVII в. // *Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв.*: сб. науч. ст. Новосибирск: [Б. и.], 2005. С. 10–23.
- Артемов А. Р. Иргенский острог // *Освоение Северной Пацифики*: сб. науч. ст. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. С. 212–228.
- Багрин Е. А. Вооруженные силы России в Даурии (1649–1727 гг.). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 771 с.
- Багрин Е. А. Нерчинский приказчик П. Я. Шульгин: воин и дипломат // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 44–56.
- Балданов С. С. Административное управление Российским государством Бурятией (конец XVII в. — начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005. 134 с.
- Барахович П. Н. Казачьи головы в центральной Сибири XVII — начала XVIII столетия (Енисейск, Красноярск) // *Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та*. 2014. № 4. С. 151–157.
- Барахович П. Н. Служилое население центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. 438 с.
- Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. 611 с.
- Бродников А. А. Енисейск против Красноярска: из истории борьбы гарнизонов за ясачные территории в XVII в. // *Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории*: сб. науч. ст. Новосибирск, 2002. С. 19–30.
- Бродников А. А. К вопросу о механизме образования уезда // *Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв.*: сб. науч. ст. Новосибирск: [Б. и.], 2018. С. 67–76.
- Бродников А. А. Территория Якутского уезда: к вопросу об образовании якутского воеводства [XVII в.] // *Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века*: сб. науч. ст. Новосибирск: [Б. и.], 1998. С. 3–11.
- Бураева О. В. Новое в истории Удинского зимовья / острога // *Вестн. НГУ. Серия: История, филология*. 2013. Т. 12. № 1. С. 29–30.
- Васильев А. П. Забайкальские казаки. Ист. очерк. Т. 1. Чита, 1916. 232+66 с.
- Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муницип. учеб.-методич. центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
- Власть в Сибири: XVI — начало XX в. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 696 с.
- Внешняя политика государства Цин в XVII веке / отв. ред. Л. И. Думан. М.: Наука, 1977. 385 с.
- Горский А. А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 416 с.
- Градовский А. Д. История местного управления в России. Т. 1. СПб., 1868. СХVII+384+XIII с.
- Дёмин Э. В. «Золотая россыпь» Селенгинска: ист.-краевед. очерки. Кн. 1. Улан-Удэ: НоваПринт, 2009. 316 с.
- Дёмин Э. В. Первый воевода Селенгинска — царский стольник Иван Власов. Улан-Удэ: Полигран, 2016. 64 с.

- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
- Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 320 с.
- Зубов В. Е. Государственный аппарат и управление Сибири (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2009. 244 с.
- Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск: Наука, 1999. 199 с.
- Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири / ред. В. П. Сукачев. М., 1891. 269 с.
- Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области). XVII–XXI вв. / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: Востсибкнига, 2012. 800 с.
- История Бурятии. Т. 2 / отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. О. В. Бураева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
- История казачества азиатской России. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 317 с.
- История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. / отв. ред. Ф. В. Соловьев. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. 424 с.
- История Сибири. Т. 3 / отв. ред. А. Х. Элерт, М. В. Шиловский. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. 812 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2 / ред. В. И. Шунков. Л.: Наука, 1968. 538 с.
- Каменецкий И. П. «Государевы службы» воеводы Ивана Власова в Восточной Сибири в 1680-е гг. // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. Новосибирск, 2023б. С. 113–125.
- Каменецкий И. П. Служилые люди Сибири XVII — начала XVIII в. Исторические портреты и очерки. Тобольск: Тюмен. регион. обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2023а. 472 с.
- Копылов А. Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI — XVII в. // Известия СО АН СССР. 1965. № 9. Серия обществ. наук. Вып. 3. С. 80–88.
- Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Иркутск. Очерки истории города. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1958. 515 с.
- Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: МПГУ, 2012. 320 с.
- Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1988. 255 с.
- Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 4. М., 1901. 287+[1] с.
- Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 424+[3] с.
- Павлинская Л. Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб.: Европейский дом, 2008. 256 с.

Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2. М., 1844. 208 с.

Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII вв.: очерки истории / отв. ред. А. П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.

Пузанов В. Г. Род Толбузиных — воевод Забайкалья в XVII веке // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. Ч. 2. Чита: Забайк. гос. ун-т, 2017. С. 31–35.

Разумов Н. И. Забайкалье. Свод материалов высочайше учрежденной комиссии для исследования местного землевладения и землепользования, под председательством статс-секретаря Куломзина. СПб., 1899. 373 с.

Самрина Е. В. Борьба сибирских острогов за право сбора ясака у коренных народов Южной Сибири в XVII в. // Гуманит. научные исследования. 2012. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2012/11/1967> (дата обращения: 26.04.2025).

Солодкин Я. Г. Институт временного воеводства в Сибири XVII в. // Вопросы истории. 2019. № 12–1. С. 195–203.

Солодкин Я. Г. О сословной принадлежности воевод и письменных голов Сибири конца XVI — начала XVII вв. // Население. Управление. Экономика. Культурная жизнь Сибири XVIII — начала XX вв.: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2003. С. 74–81.

Солодкин Я. Г. Первые государевы воеводы в Сибири // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 48–51.

[Спасский Г. И.] О чудских копиях // Сибирский вестник. СПб., 1819. Ч. 7. С. 1–28.

Трошин А. К. Иван Евстафьевич Власов: Воевода-рудознатец XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 48 с.

Трошин А. К. Леонтий Константинович Кислянский // Тр. ин-та истории естествознания и техники. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 206–210.

Трухин В. И. Административно-территориальное устройство Приамурских земель в составе Русского государства в XVII веке // Известия Лаборатории древних технологий. 2020а. Т. 16. № 3. С. 150–161.

Трухин В. И. Албазинская городовая ясачная печать: новые документы, основные вехи истории и результаты исследований // Амурский краевед. Благовещенск, 2025. № 41. С. 34–50.

Трухин В. И. Албазинский острог: от «рописи» до «рописи» // Сборники Президентской библиотеки. Вып. 5. История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых: сб. науч. тр. / [науч. ред.: Н. В. Дунаева, С. Г. Кащенко]. СПб.: Президентская библиотека, 2020б. С. 200–215.

Трухин В. И. К вопросу о времени получения Албазинским острогом статуса государственного // Материалы межрегион. конф. «XVI Дорохинские чтения». Благовещенск: Амурск. обл. краевед. музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2024. С. 11–19.

Трухин В. И. Командно-административный состав органов управления Албазинского острога // Материалы межрегион. конф. «XV Дорохинские чтения». Благовещенск: Амурск. обл. краевед. музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2023б. С. 61–72.

Трухин В. И. Первая Даурская служба Алексея Толбузина // Материалы межрегион. конф. «XII Дорохинские чтения». Благовещенск: Амурск. обл. краевед. музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2019. С. 13–24.

Трухин В. И. Приказные люди и органы местного управления русского государства на территории Приамурья в XVII веке // Амурское казачество: вчера и сегодня: материалы V межрегион. науч.-практич. конф. Благовещенск: Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского, 2023а. С. 26–40.

Христосенко Г. А. К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода: [сб. ст.]. Новосибирск: Наука, 1977. С. 153–175.

Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России в XVII веке. М., 1856. III, 591 с.

Шиловский Д. М., Шиловский М. В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 347 с.

Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 432 с.

Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Иркутск, 1883. 779 с.

Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Т. 1 / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2002. 302 с.

Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 235 с.

REFERENCES

Albazinskii ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya [The Albazin Fort: History, Archaeology, and Anthropology of the Peoples of the Amur Region] / ed.-in-chief A. P. Zabiyaiko, A. N. Cherkasov. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 2019, 348 s. (In Russ.).

Aleksandrov V. A. Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia on the Far Eastern Borders (Second Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Khabarov. kn. izd-vo, 1984, 272 p. (In Russ.).

Aleksandrov V. A., Pokrovskii N. N. Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v. [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 401 p. (In Russ.).

Andrievich V. K. Kratkii ocherk istorii Zabaikal'ya ot drevneishikh vremen do 1762 goda [A Brief Outline of the History of Transbaikalia from Ancient Times to 1762]. St. Petersburg, 1887, 237 p. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII v. [Towns and Forts of Transbaikalia and the Priamurye in the Second Half of the 17th–18th Centuries]. Vladivostok, 1999, 336 p. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Irgenskii ostrog [Irgen' Fort]. In: Osvoenie Severnoi Patsifiki: sb. nauch. st. [Development of the North Pacific: Collection of Scientific Articles]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1996, pp. 212–228. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Iz istorii Nerchinska [From the History of Nerchinsk]. In: Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (Ist.-arkheol. issl.): sb. nauch. st. [Russian Pioneers in the Far East in the 17th–19th Centuries (Historical and Archaeological Research): Collection of Scientific Articles.]. Vol. 2. Vladivostok, DVO RAN, 1995, pp. 90–115. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Iz istorii upravleniya Nerchinskim i Albazinskim uezdami vo vtoroi polovine XVII v. [From the History of the Administration of the Nerchinsk and Albazin Uyezds in the

Second Half of the 17th Century]. In: *Sibir': problemy istorii povsednevnosti XVII–XX vv.: sb. nauch. st. [Siberia: Problems of the History of Everyday Life in the 17th–20th Centuries: Collection of Scientific Articles]*. Novosibirsk, 2005, pp. 10–23. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Voevody i prikazchiki Nerchinskogo i Albazinskogo uezdov vo vtoroi polovine XVII veka (Iz istorii kadrovoy politiki tsarskoi administratsii v Zabaikal'e i Priamur'e) [Voyevodes (Town Governors) and Prikazchiks (Department Heads) of the Nerchinsk and Albazin Uyezds (Regions) in the Second Half of the 17th Century (From the History of the Tsarist Administration's Personnel Policy in Transbaikal and the Amur Areas)]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 2006, no. 2, pp. 3–11. (In Russ.).

Bagrin E. A. Nerchinskii prikazchik P. Ya. Shul'gin: voin i diplomat [Nerchinsk Executive Officer P. Ya. Shulgin: Warrior and Diplomat]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 44–56. (In Russ.).

Bagrin E. A. Vooruzhennyye sily Rossii v Daurii (1649–1727 gg.) [The Armed Forces of Russia in Dauria (1649–1727)]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGETU «Leti», 2024, 771 p. (In Russ.).

Baldanov S. S. Administrativnoe upravlenie Rossiiskim gosudarstvom Buryatii (konets XVII v. – nachalo XX v.) [Administrative Governance of the Russian State in Buryatia (Late 17th Century – Early 20th Century)]. Ulan-Ude, Izd-vo VSGTU, 2005, 134 p. (In Russ.).

Barakhovich P. N. Kazach'i golovy v tsentral'noi Sibiri XVII – nachala XVIII stoletiya (Eniseisk, Krasnoyarsk) [Cossacks Heads in Central Siberia in 17th – the Beginning of 18th Centuries (Yeniseisk, Krasnoyarsk)]. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 2014, no. 4, pp. 151–157. (In Russ.).

Barakhovich P. N. Sluzhiloe naselenie tsentral'noi Sibiri v XVII stoletii (Eniseiskii i Krasnoyarskii uezdy) [The Servicemen of Central Siberia in the 17th Century (Yenisei and Krasnoyarsk Uyezds)]. Diss. Cand. Hist. Sci, Krasnoyarsk, 2016, 438 p. (In Russ.).

Barsukov A. P. Spiski gorodovykh voevod i drugikh lits voevodskogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva XVII stoletiya [Lists of Town's Voyevodas and Other Personnel of the Voyevoda Administration of the Muscovite State in the 17th Century]. St. Petersburg, 1902, 611 p. (In Russ.).

Brodnikov A. A. Eniseisk protiv Krasnoyarska: Iz istorii bor'by garnizonov za yasachnye territorii v XVII v. [Yeniseisk Versus Krasnoyarsk: From the History of the Struggle of Garrisons for Yasak Territories in the 17th Century]. In: *Sibir' v XVII–XX vekakh: Problemy politicheskoi i sotsial'noi istorii: sb. nauch. st. [Siberia in the 17th–20th Centuries: Problems of Political and Social History: Collection of Scientific Articles]*. Novosibirsk, 2002, pp. 19–30. (In Russ.).

Brodnikov A. A. K voprosu o mekhanizme obrazovaniya uezda [On the Question of the Mechanism of Uyezd Formation]. In: *Traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v pamyatnikakh pis'mennosti XVI–XX vv.: sb. nauch. st. [Traditions of Russian Spiritual Culture in Written Sources of the 16th–20th Centuries: Collection of Scientific Articles]*. Novosibirsk, 2018, pp. 67–76. (In Russ.).

Brodnikov A. A. Territoriya Yakutskogo uezda: k voprosu ob obrazovanii yakutskogo voevodstva [XVII v.] [The Territory of the Yakut Uyezd: On the Question of the Formation of the Yakut Voyevodstvo [17th Century]]. In: *Sotsiokul'turnoe razvitie Sibiri XVII–XX veka: sb. nauch. st. [Socio-Cultural Development of Siberia in the 17th–20th Centuries: Collection of Scientific Articles]*. Novosibirsk, 1998, pp. 3–11. (In Russ.).

Buraeva O. V. Novoe v istorii Udinskogo zimov'ya / ostroga [New in the History of Uda Winterin / Burg]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 1: History, pp. 29–30. (In Russ.).

Chicherin B. N. Oblastnye uchrezhdeniya v Rossii v XVII veke [Oblast Institutions in Russia in the 17th Century]. Moscow, 1856, III, 591 p. (In Russ.).

Demin E. V. Pervyi voevoda Selenginska — tsarskii stol'nik Ivan Vlasov [The First Voevoda of Selenginsk — Tsar's Stolnik Ivan Vlasov]. Ulan Ude, Poligran, 2016, 64 p. (In Russ.).

Demin E. V. «Zolotaya rossyp» Selenginska: Ist.-kraeved. Ocherki [“The Golden Placer” of Selenginsk: Historical and Local History Essays]. Book 1. Ulan-Ude, NovaPrint, 2009, 316 p. (In Russ.).

Dolgikh B. O. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Kin and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1960, 621 p. (In Russ.).

Entsiklopediya Zabaikal'ya: Chitinskaya oblast' [Encyclopedia of Transbaikalia: Chita Oblast]. Vol. 1 / ed. R. F. Geniatulin. Novosibirsk, Nauka, 2002, 302 p. (In Russ.).

Gorskii A. A. Russkoe srednevekovoe obshchestvo: istoriko-terminologicheskii spravochnik [Russian Medieval Society: Historical and Terminological Handbook]. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko, 2019, 416 p. (In Russ.).

Gradovskii A. D. Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii [History of Local Administration in Russia]. Vol. 1. St. Petersburg, 1868. CXVII+384+XIII s. (In Russ.).

Irkutsk. Ego mesto i znachenie v istorii i kul'turnom razvitii Vostochnoi Sibiri [Irkutsk. Its Place and Significance in the History and Cultural Development of Eastern Siberia] / ed. V. P. Sukachev. Moscow, 1891, 269 p. (In Russ.).

Irkutskii krai. Chetyre veka: Istoriya Irkutskoi gubernii (oblasti). XVII–XXI vv. [Irkutsk Krai. Four Centuries: History of Irkutsk Governorate (Oblast). 17th–21st Centuries] / ed. L. M. Dameshek. Irkutsk, Vostsibkniga, 2012, 800 p. (In Russ.).

Istoriya Buryatii [History of Buryatia]. Vol. 2 / ed. B. V. Bazarov; sci. ed. O. V. Buraeva. Ulan-Ude, Izd-vo BNTs SO RAN, 2011, 624 p. (In Russ.).

Istoriya kazachestva aziatskoi Rossii [History of the Cossacks of Asian Russia]. Vol. 1 / ed. N. A. Minenko. Ekaterinburg, UrO RAN, 1995, 317 p. (In Russ.).

Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII–XX vv. [History of Northeast China in the 17th–20th Centuries]. Book 1 / ed. F. V. Solov'ev. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo, 1987, 424 p. (In Russ.).

Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. 3 / ed. A. Kh. Elert, M. V. Shilovskii. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 2023, 812 p. (In Russ.).

Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Siberia from Ancient Times to the Present Days]. Vol. 2 / ed. V. I. Shunkov. St. Petersburg, Nauka, 1968, 538 p. (In Russ.).

Ivanov V. N. Vkhozhdenie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva [The Incorporation of Northeast Asia into the Russian State]. Novosibirsk, Nauka, 1999, 199 p. (In Russ.).

Kamenetskii I. P. «Gosudarevy sluzhby» voevody Ivana Vlasova v Vostochnoi Sibiri v 1680-e gg. [“Sovereign's Service Appointments” of Voevoda Ivan Vlasov in Eastern Siberia in the 1680s]. In: Pamyat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVII–XX vv. [Memory of the Past in Written Sources of the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk, 2023b, pp. 113–125. (In Russ.).

Kamenetskii I. P. Sluzhilye lyudi Sibiri XVII — nachala XVIII v. Istoricheskie portrety i ocherki [Servicemen of Siberia in the 17th — Early 18th Centuries. Historical Portraits and Essays]. Tobol'sk, Tyumenskii regional'nyi obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond «Vozrozhdenie Tobol'ska», 2023a, 472 p. (In Russ.).

Khristosenko G. A. K istorii zaseleniya Nerchinskogo ostroga [On the History of the Settlement of the Nerchinsk Fort]. In: *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda: [sb. st.] [History of Siberian Cities in the Pre-Soviet Period: [Collection of Articles]]*. Novosibirsk, Nauka, 1977, pp. 153–175. (In Russ.).

Kopylov A. N. Organy tsentral'nogo i voevodskogo upravleniya Sibiri v kontse XVI – XVII v. [Organs of Central and Voevoda's Administration of Siberia in the Late 16th–17th Centuries]. *Izvestiya SO AN SSSR [Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences]*, 1965, no. 9. *Seriya obshchestv. nauk [Social Sciences Series]*, iss. 3, pp. 80–88. (In Russ.).

Kudryavtsev F. A., Vendrikh G. A. Irkutsk. Ocherki istorii goroda [Irkutsk. Essays on the History of the City]. Irkutsk, Irkut. kn. izd-vo, 1958, 515 p. (In Russ.).

Leont'eva G. A. Sluzhilye lyudi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII vv. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov) [Servicemen in Eastern Siberia in the Second Half of the 17th – First Quarter of the 18th Centuries (Based on Materials from the Irkutsk and Nerchinsk Uyezds)]. Moscow, MPGU, 2012, 320 p. (In Russ.).

Nikitin N. I. Sluzhilye lyudi v Zapadnoi Sibiri XVII v. [Servicemen in Western Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 255 p. (In Russ.).

Ogloblin N. N. Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) [Review of the Rolls and Books of the Siberian Prikaz (1592–1768)]. P. 4. Moscow, 1901, 287+[1] p. (In Russ.).

Okladnikov A. P. Ocherki iz istorii zapadnykh buryat-mongolov (XVII–XVIII vv.) [Essays from the History of the Western Buryat-Mongols (17th–18th Centuries)]. Leningrad, Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1937, 424+[3] p. (In Russ.).

Parshin V. P. Poezdka v Zabaikal'skii krai [Trip to the Transbaikalian Krai]. P. 2. Moscow, 1844, 208 p. (In Russ.).

Pavlinskaya L. R. Buryaty. Ocherki etnicheskoi istorii (XVII–XIX vv.) [The Buryats. Essays on Ethnic History (17th–19th Centuries)]. St. Petersburg, Evropeiskii dom, 2008, 256 p. (In Russ.).

Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII vv.: Ocherki istorii [The Ruling Elite of the Russian State from the 9th to the Early 18th Centuries: Historical Essays] / ed. A. P. Pavlov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2006, 548 p. (In Russ.).

Puzanov V. G. Rod Tolbuzinykh – voevod Zabaikal'ya v XVII veke [The Tolbuzin Family – Voevodes of Transbaikalia in the 17th Century]. In: *Prigranichnyi region v istoricheskom razvitii: partnerstvo i sotrudnichestvo: materialy mezhdunar. nauch. konf. [Border Region in Historical Development: Partnership and Cooperation: Proceedings of the International Scientific Conference]*. Pt. 2. Chita, Zabaik. gos. un-t, 2017, p. 31–35. (In Russ.).

Razumov N. I. Zabaikal'e. Svod materialov vysochaishe uchrezhdennoi komissii dlya issledovaniya mestnogo zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya, pod predsedatel'stvom stats-sekretarya Kulomzina [Transbaikalia. Code of Materials of the Highly Established Commission for the Study of Local Land Tenure and Land Use, Under the Chairmanship of State Secretary Kulomzin]. St. Petersburg, 1899, 373 p. (In Russ.).

Samrina E. V. Bor'ba sibirskikh ostrogov za pravo sbora yasaka u korennykh narodov Yuzhnoi Sibiri v XVII v. [The Struggle of Siberian Forts for the Right to Collect Yasak from the Indigenous Peoples of Southern Siberia in the 17th Century]. *Gumanit. nauchnye issledovaniya [Humanities scientific researches]*, 2012, no. 11. URL: <http://human.snauka.ru/2012/11/1967> (accessed 26.04.2025). (In Russ.).

Shcheglov I. V. Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannykh iz istorii Sibiri. 1032–1882 gg. [Chronological List of the Most Important Data from the History of Siberia. 1032–1882]. Irkutsk, 1883, 779 p. (In Russ.).

Shilovskii D. M., Shilovskii M. V. Administrativno-territorial'noe ustroistvo i upravlencheskii apparat Aziatskoi Rossii (konets XVI – nachalo XXI v.) [Administrative-Territorial Organization and Management Apparatus of Asian Russia (Late 16th – Early 21st Century)]. Novosibirsk, NGUEU, 2018, 347 p. (In Russ.).

Shunkov V. I. Ocherki po istorii zemledeliya Sibiri (XVII vek) [Essays on the History of Agriculture in Siberia (17th Century)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1956, 432 p. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. Institut vremennogo voevodstva v Sibiri XVII v. [The Institute of Interim Voivode Governance in Siberia in the 17th Century]. *Voprosy istorii*, 2019, no. 12–1, pp. 195–203. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. O soslovnoi prinadlezhnosti voevod i pis'mennykh golov Sibiri kontsa XVI – nachala XVII vv. [On the Social Origin of Voyevodes and Chancery Chiefs of Siberia in the Late 16th – Early 17th Centuries]. In: *Naselenie. Upravlenie. Ekonomika. Kul'turnaya zhizn' Sibiri XVIII – nachala XX vv.: sb. st.* [Population. Administration. Economy. Cultural Life of Siberia in the 18th – Early 20th Centuries: Collected Articles]. Barnaul, Izd-vo Altai. un-ta, 2003, pp. 74–81. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. Pervye gosudarevy voevody v Sibiri [The First Tsar's Voyevodes in Siberia]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal], 2011, no. 11, pp. 48–51. (In Russ.).

[Spasskii G. I.] *O chudskikh kopyakh* [On Chud Mines]. *Sibirskii vestnik* [Siberian Bulletin]. St. Petersburg, 1819, pt. 7, pp. 1–28. (In Russ.).

Troshin A. K. Ivan Evstaf'evich Vlasov: Voevoda-rudoznatets XVII v. [Ivan Evstaf'evich Vlasov: Voyevoda-Prospector of the 17th Century]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963, 48 p. (In Russ.).

Troshin A. K. Leontii Konstantinovich Kislyanskii [Leontii Konstantinovich Kislyanskii]. In: *Trudy instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Proceedings of the Institute of the History of Natural Science and Technology]. Vol. 3. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1955, pp. 206–210. (In Russ.).

Trukhin V. I. Administrativno-territorial'noe ustroistvo Priamurskikh zemel' v sostave Russkogo gosudarstva v XVII veke [Administrative-Territorial Structure of the Amur Lands as Part of the Russian State in the 17th Century]. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2020a, vol. 16, no. 3, pp. 150–161. (In Russ.).

Trukhin V. I. Albazinskaya gorodovaya yasachnaya pechat': novye dokumenty, osnovnye vekhi istorii i rezul'taty issledovaniy [The Albazin Town Yasak Seal: New Documents, Main Historical Milestones, and Research Results]. *Amurskii kraeved* [Amur Local Historian]. Blagoveshchensk, 2025, no. 41, pp. 34–50. (In Russ.).

Trukhin V. I. Albazinskii ostrog: ot «rospisi» do «rospisi» [Albazin Ostrog: From One “Description Lists” to Another “Description Lists”]. In: *Sborniki Prezidentskoi biblioteki. Vyp. 5. Istoriya Rossii, Vengrii i Kitaya v issledovaniyakh sovremennykh uchenykh: sb. nauch. tr.* [Collection of the Presidential Library. Vol. 5. History of Russia, Hungary, and China in the Research of Modern Scholars: Collection of Scientific Papers]. St. Petersburg, Prezidentskaya biblioteka, 2020b, pp. 200–215. (In Russ.).

Trukhin V. I. Prikaznye lyudi i organy mestnogo upravleniya russkogo gosudarstva na territorii Priamur'ya v XVII veke [Chancery Officials and Local Government Bodies of the Russian State in the Amur Region in the 17th Century]. In: *Amurskoe kazachestvo: vchera i segodnya:*

materialy V mezhregion. nauch.-praktich. konf. [The Amur Cossacks: Yesterday and Today: Proceedings of the 5th Interregional Scientific and Practical Conference]. Blagoveshchensk, 2023a, pp. 26–40. (In Russ.).

Trukhin V. I. K voprosu o vremeni polucheniya Albazinskim ostrogom statusa gosudarstvennogo [On the Question of When the Albazin Fort Received State Status]. In: Materialy mezhregion. konf. «XVI Dorokhinskie chteniya» [Proceedings of the Interregional Conference “16th Dorokhin’s Readings”]. Blagoveshchensk, Amursk. obl. kraeved. muzei im. G. S. Novikova–Daurskogo, 2024, pp. 11–19. (In Russ.).

Trukhin V. I. Komandno-administrativnyi sostav organov upravleniya Albazinskogo ostroga [Military and Administrative Staff of the Governing Bodies of the Albazin Fort]. In: Materialy mezhregion. konf. «XV Dorokhinskie chteniya» [Proceedings of the Interregional Conference “15th Dorokhin Readings”]. Blagoveshchensk, Amursk. obl. kraeved. muzei im. G. S. Novikova–Daurskogo, 2023b, pp. 61–72. (In Russ.).

Trukhin V. I. Pervaya Daurskaya sluzhba Alekseya Tolbuzina [Alexei Tolbuzin’s First Service Appointment in Dauria]. In: Materialy mezhregion. konf. «XII Dorokhinskie chteniya» [Proceedings of the Interregional Conference “12th Dorokhin’s Readings”]. Blagoveshchensk, Amursk. obl. kraeved. muzei im. G. S. Novikova–Daurskogo, 2019, pp. 13–24. (In Russ.).

Vasil’ev A. P. Zabaikal’skie kazaki. Ist. Ocherk [Transbaikalian Cossacks. Historical Essay]. Vol. 1. Chita, 1916. 232+66 p. (In Russ.).

Vershinin E. V. Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek) [Voyevoda Administration in Siberia (17th Century)]. Ekaterinburg, Munitsip. ucheb.-metodich. tsentr “Razvivayushchee obuchenie”, 1998, 204 s. (In Russ.).

Vlast’ v Sibiri: XVI – nachalo XX v. [Power in Siberia: 16th – Early 20th Century] / comp. by M. O. Akishin, A. V. Remnev. Novosibirsk, Sova, 2005, 696 p. (In Russ.).

Vneshnyaya politika gosudarstva Tsin v XVII veke [Foreign Policy of the Qing State in the 17th Century] / ed. L. I. Duman. Moscow, Nauka, 1977, 385 p. (In Russ.).

Yakovleva P. T. Pervyi rusско-kitaiskii dogovor 1689 goda [The First Russian-Chinese Treaty of 1689]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958, 235 p. (In Russ.).

Zalkind E. M. Prisoedinenie Buryatii k Rossii [The Incorporation of Buryatia into Russia]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo, 1958, 320 p. (In Russ.).

Zubov V. E. Gosudarstvennyi apparat i upravlenie Sibiri (konets XVI – nachalo XX v.) [State Apparatus and Administration of Siberia (Late 16th – Early 20th Century)]. Novosibirsk, Izd-vo SibAGS, 2009, 244 p. (In Russ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ – Акты исторические.

ДАИ – Дополнения к актам историческим.

НИА СПбИИ – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (г. Санкт-Петербург).

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

РКО – Русско-китайские отношения в XVII в.

РМО — Русско-монгольские отношения.

СДИБ — Сборник документов по истории Бурятии.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН (г. Санкт-Петербург).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЗУЕВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, директор научно-образовательного центра «Наследие», директор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, zuev@lab.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>, Scopus Author ID: 56765493200, SPIN-код автора: 6042-1434.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ANDREY S. ZUEV, Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Section of Russian History, Director of the Scientific and Educational Center “Heritage”, Director of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, zuev@lab.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>, Scopus Author ID: 56765493200, SPIN-code: 6042-1434.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025;
одобрена после рецензирования 17.10.2025;
принята к публикации 20.10.2025.

The article was submitted on 01.09.2025;
approved after reviewing on 17.10.2025;
accepted for publication on 20.10.2025.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЕМЬЕ АЛБАЗИНСКОГО ВОЕВОДЫ АЛЕКСЕЯ ЛАРИОНОВИЧА ТОЛБУЗИНА

Владимир Ильич Трухин

Независимый исследователь, г. Благовещенск, Россия

tru_vi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Аннотация. Судьба Алексея Толбузина — первого и последнего албазинского воеводы, погибшего при защите Албазинской крепости в 1686 г., — давно привлекает внимание исследователей. Тем не менее реконструировать историю служилого рода Толбузиных до настоящего времени никому не удалось. В данной статье впервые вводятся в научный оборот ранее неизвестные сведения, позволившие выдвинуть гипотезу о существовании родственных связей семьи Алексея Толбузина с семьей тобольского сына боярского Павла Яковлевича Шульгина. Отдельно уделено внимание первой даурской службе А. Толбузина, причинам его избрания на должность приказного человека Нерчинских острогов и срокам пребывания на этой службе. По результатам исследования удалось составить часть генеалогического дерева А. Толбузина и установить источники дохода его семьи.

Ключевые слова: воевода, Албазинский острог, исторический документ, дворянин по выбору, герб.

Благодарности. Выражаю благодарность за оказание помощи в поиске информации из фондов РГАДА доктору исторических наук, профессору А. С. Зуеву и кандидату исторических наук П. Н. Бараховичу.

Для цитирования

Трухин В. И. Новые сведения о семье албазинского воеводы Алексея Ларионовича Толбузина // *Universum Humanitarium*. 2025. № 2. С. 63–81. DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-63-81

NEW INFORMATION ON THE FAMILY OF THE ALBAZIN VOIVODE ALEXEI LARIONOVICH TOLBUZIN

VLADIMIR I. TRUKHIN

Independent researcher, Blagoveshchensk, Russian Federation

tru_vi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Abstract. The fate of Alexey Tolbuzin — the first and last voivode of Albazin, who perished while defending the fortress in 1686 — has long captured the interest of researchers. Yet, no one has succeeded in reconstructing the history of the noble Tolbuzin family (*sluzhilyi rod*). This article introduces previously unknown information into scholarly discourse, supporting the hypothesis of kinship ties between Alexey Tolbuzin's family and boyar scions Pavel Yakovlevich Shulgin. Additionally, it examines A. Tolbuzin's first service appointment in Dauria, the reasons for his selection as *prikaznyy chelovek* (administrative official) of the Nerchinsk ostrogs (forts), and the duration of this service. Based on the research findings, it has become possible to construct a partial genealogical tree for A. Tolbuzin and identify the sources of his family's income.

Keywords: voivode, fort Albazin, historical document, high-ranking servitor in the countryside (*dvoryanin po vyboru*), coat of arms.

Acknowledgements. I wish to express my gratitude to Professor Andrew S. Zuev, Doctor of Historical Sciences, and to Pavel N. Barakhovich, Candidate of Historical Sciences, for their invaluable assistance in sourcing information from the RGADA archives.

For citation

Trukhin V. I. New Information on the Family of the Albazin Voivode Alexei Larionovich Tolbuzin. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 2, pp. 63–81. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-63-81

Благодаря присоединению Сибири Россия превратилась в крупнейшую евразийскую державу. В середине XVII в. в результате продвижения на восток она вошла в контакт с Цинским (маньчжурским) Китаем. Сферы влияния двух государств сошлись на берегах дальневосточной реки Амур. Каждое из них стремилось закрепить Приамурье за собой. В результате встреча двух цивилизаций вылилась в вооруженное противостояние, которое закончилось переговорами и заключением в 1689 г. Нерчинского мирного договора. Наиболее драматичными эпизодами российско-маньчжурского конфликта стали осада и взятие в 1685 г. маньчжурскими войсками Албазинского острога, а также героическая оборона Албазинской крепости в 1686–1687 гг. Первым и единственным воеводой Албазинского воеводства в 1683–1686 гг. был тобольский «дворянин по выбору» Алексей Ларионович Толбузин. Во время первой и второй обороны Албазина он возглавлял его гарнизон, был тяжело ранен маньчжурским пушечным ядром, вследствие чего скончался 16 июля 1686 г.

Илл. 1. Герб рода Толбузиных из VII части «Общего Российского Гербовника»

Источник: Герб рода Толбузиных // Геральдика.ру. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/958.html> (дата обращения: 28.08.2025)

Fig. 1. Coat of arms of the Tolbuzin family from Part 7th of the "General Russian Armorial"

Source: Coat of arms of the Tolbuzin family. *Gereraldika.ru*. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/958.html> (accessed 28.08.2025)

Интерес к биографическим и генеалогическим сведениям об Алексее Толбузине нашел отражение в исследованиях историков А. П. Барсукова [1902], С. В. Бахрушина [1955], Б. П. Полевого [1971], В. А. Александрова [1984], И. Л. Маньковой [Вкладные книги, 1992], А. Р. Артемьева [1999; 2006], Г. Б. Красноштанова [2008], В. Д. Пузанова [2014; 2017; 2019], В. И. Трухина [2019], И. П. Каменецкого [2020; 2023], Е. А. Багрина [2022; 2023; 2024] и ряда других. Вместе с тем биографическая информация, особенно о женской половине семьи А. Толбузина, в этих исследованиях представлена весьма скупо. О мужской линии предков и потомков А. Толбузина известно значительно больше. Эти сведения в основном раскрывают их служебную деятельность.

В «Российской родословной книге» П. Долгорукова род А. Толбузина возводится к Федору Васильевичу Толбузину, которому царем Михаилом Федоровичем в 1620 г. было пожаловано поместье. Эта фамильная ветвь имела свой герб (илл. 1), внесенный в «Общий Российский Гербовник». На гербе изображен щит, разделенный перпендикулярно на два поля: правое — золотое, и в нем слева выходит орел; левое — красное, и в нем две серебряные шпаги, крестообразно, остриями вверх. На гербе также изображены шлем и корона. Намет справа золотой, подложенный красным; слева красный, подложенный серебром [Российская родословная книга, 1857. С. 40].

По сведениям Г. Ф. Миллера, дед Алексея Толбузина Борис Толбузин был сослан в службу в столицу Сибири — Тобольск. В марте 1626 г. воевода Тюмени Иван Плещеев писал, что приказчик Ницынской слободы Борис Толбузин, как и приказчик Чубаровской слободы Дружина Полозов, — это «украинные дети боярские, которые сосланы в Сибирь в государевой опале» [Миллер, 2000. С. 690]. Установить, в каком году Б. Толбузин был сослан в Сибирь, пока не удалось. Впервые он упоминается на административном посту в Сибири в 1625 г. Находясь на службе в Тобольске, Б. Толбузин быстро завоевал доверие

воевод. Позднее достигнутое им положение перешло к его сыну Лариону — отцу Алексея Толбузина [Пузанов, 2017. С. 32].

Ларион Толбузин так же, как и его отец, служил в Тобольске, был сыном боярским и быстро продвигался по служебной лестнице. В 1660 г. он был назначен приказным человеком «Даурской земли». В этой должности он прослужил в Забайкалье до января 1669 г. Такой длительный срок нахождения на одном посту не был характерной чертой того времени. В 1667 г. Л. Толбузин отправил царю в Москву челобитную: «Бьет челом холоп ваш великих государей Ларька Толбузин. Служу я, холоп ваш великих государей, вам, великим государем, на вашей великих государей службе в нерчинских острогах со 170 (1662. — В. Т.) году по нынешней 175 (1667. — В. Т.) год бес перемены. И будучи на вашей великих государей дальней службе, оскудал и одолжал великими долгами. А женишко мое и детишка в Тобольску скитаютца промеж двор, помирают голодною смертью... Велите, великие государи, меня, холопа своего, с своих великих государей з дальней службы из нерчинских острогов переменить» (цит. по: [Красноштанов, 2008. С. 147]). Здесь впервые появляются сведения о семье отца А. Толбузина. Как видно из челобитной, Л. Толбузин к этому времени был женат и у него были дети.

На основе вкладных книг Далматовского Успенского монастыря можно установить имя жены Лариона Толбузина — Каптелины Степановны [Вкладные книги, 1992. С. 159]. Известно, что она прожила как минимум до 1703 г., поскольку 20 февраля и 1 марта сделала вклады в Успенской Далматов монастырь — 10 и 20 руб. соответственно, что по тем временам было весьма значимой суммой [Вкладные книги, 1992. С. 159].

Интересно, что на гербе этой ветви Толбузиных (илл. 1) имеется орел, напоминающий изображение с утвержденного в 1790 г. герба г. Нерчинска (илл. 2). Несмотря на то, что изображения вышеназванных гербов были разработаны намного позже времени нахождения Л. Толбузина «на приказе» в Даурии, это совпадение не случайно. Есть сведения, что А. Толбузин для включения генеалогических сведений о своих предках в «Бархатную книгу» передал составителям свою родословную роспись. К сожалению, сама роспись пока не обнаружена [Антонов, 1996. С. 313].

У Алексея Толбузина был старший брат Фадей, который так же, как отец, служил в Тобольске сыном боярским. В 1670 г. он был назначен воеводой в Березов на место умершего кн. П. А. Гагарина. У Фадея был сын Борис [Пузанов, 2017. С. 33].

Наряду с сыновьями в семье Лариона и Каптелины была дочь — Наталья. По всей видимости, она родилась в 1657 г., так как известно, что в 1710 г. ей было 53 года. В это время Наталья жила в доме со своим племянником Федором Толбузиным (сыном А. Толбузина) и была «девкой»¹, что может говорить о том, что по каким-то причинам замуж она не выходила.

После возвращения из Даурии Л. Толбузин в 1671 г. был назначен воеводой в Тюмень [Пузанов, 2017. С. 33]. В 1676 г. он вновь был послан в Забайкалье

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 499.

Илл. 2. Оригинальное изображение герба Нерчинска в сенатском докладе 1790 г. об утверждении гербов Иркутского наместничества

Источник: РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 170. Л. 209

Fig. 2. Original depiction of the Nerchinsk coat of arms in the 1790 Senate report on the approval of the coats of arms of the Irkutsk Viceroyalty

Source: Russian State Historical Archive. Collection 1329. Inventory 1. File 170. Sheet 209

приказным человеком Нерчинских острогов. Первоначально предполагалось, что вместе с ним в товарищах на службу в Даурию отправится его старший сын Фадей. Но по пути из Москвы в Тобольск Фадей умер, и на его место был назначен младший сын Лариона — Алексей². Алексей Толбузин был верстан в дети боярские в 1671 г. по «государевой грамоте» и служил с окладом 14 руб., 14 чет ржи, 14 чет овса и три пуда соли [Пузанов, 2017. С. 34].

Эта поездка в Даурию стала для семьи Толбузиных роковой, поскольку в пути в районе р. Рыбной умер и Ларион Толбузин. Об этом известно из «Книги записной», включенной в свод Сибирских летописей: «Того же 184 (1676. — В. Т.) году июня в 29 день поехали из Тобольска на дощанике тобольской сын боярской Ларион Борисов сын Толбозин да сын ево Алексей, оба с женами и с детьми, и со всеми дома своими в Даурскую землю. Лариону указано быть в другой ряд в Нерчинских заводах по-прежнему воеводством, а сыну ево Алексею на братне место на Фадеево быть в Иркутском и в Албазинском. А брат ево Фадей Толбозин, ехав с Москвы на тот приказ и, не доехав Тотмы, на дороге умре. И Ларион Толбозин из Енисейскова поехал в Дауры, на дороге ж на Рыбной умре» [ПСРЛ, 1987. С. 169].

Как видно из этого отрывка летописи, отправляясь в Даурскую землю, Толбузины везли с собой к месту службы свои семьи. К 1676 г. Алексей Толбузин был женат. Его женой была «Матрена Яковлева дочь». Как и у отца, у Алексея было трое детей: дочь Фетинья, сыновья Петр и Федор. Согласно «Переписной книге города Тобольска переписи князя В. Мещерского»³ в 1710 г. Федору было

² СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 23. Док. № 286. Л. 308–308 об.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 499.

33 года, а значит, он был 1677 года рождения и вполне вероятно, что родился в Даурии. Фетинье в 1710 г. было 27 лет, соответственно, год рождения — 1683-й. Поэтому в Даурию с Алексеем мог поехать только их старший сын Петр, год рождения которого, однако, пока установить не удалось.

Вероятно, после смерти Лариона Толбузина его жена вернулась в Тобольск, а Алексей Толбузин, везший вооружение в даурские остроги, в соответствии с царским наказом продолжил путь к своему месту службы.

Опираясь на приведенное выше сообщение из «Книги записной», можно сделать вывод о том, что А. Толбузин был одновременно направлен на службу и в Иркутск, и в Албазин, что, конечно, неверно. Здесь автор летописи допустил ошибку. В царской грамоте местом службы Алексея Толбузина в Даурии был определен Албазинский острог: «А велено послать ис Тобольска в Дауры тобольского сына боярского на Павлово место Шульгина тобольского сына боярского Лариона Толбузина в Нерчинские остроги, а сына ево Фадея в Албазинской острог. И в н[ы]нешнем во 184 (1676. — В. Т.) году идучи с Москвы на дороге тот ево Ларионов сын Фадей не доезжая Тобольска умре. И в н[ы]нешнем во 184 году по указу великих государей велено быть на службе великих государей в Албазинском остроге на Фадеево место Толбузина и брату ево Алексею»⁴. Таким образом, ни о каком назначении А. Толбузина ни в Иркутск, ни в Нерчинск речи не идет. Об этом же в одной из своих отписок из Албазинского острога сообщал он сам: «В прошлом во 184 году по указу великого государя <...> послан я ис Тобольска на службу великих государей в Дауры в Албазинской острог на перемену тобольскому сыну боярскому Любиму Евсееву»⁵.

С 1677 г. даурские остроги, включая Албазинский, были отнесены к Енисейскому разряду и перешли в подчинение енисейского воеводы. И пока Алексей Толбузин добирался в Албазинский острог, в Енисейске получили царский указ о его «перемене» на должности приказного человека Албазинского острога. По всей видимости, столь быстрая замена А. Толбузина была вызвана смертью его отца [Трухин, 2019. С. 2].

В Албазин А. Толбузин прибыл 15 февраля 1678 г. В соответствии с царским указом он принял острог у находившегося там «на приказе» тобольского сына боярского Любима Евсеева и тут же передал его назначенному на должность албазинского приказчика нерчинскому сыну боярскому Григорию Лоншакову⁶. В Албазинском остроге он пробыл «на приказе» девять дней — до 24 февраля 1678 г. [Трухин, 2019. С. 4].

Окончив дела по передаче государственного имущества, 10 апреля 1678 г. Алексей Толбузин прибыл в Нерчинский острог⁷. Неделью спустя, 17 апреля 1678 г., в Нерчинске умер тяжело болевший приказной человек «китайские и даурские службы Нерчинских острогов»⁸ тобольский сын боярский Павел

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 23. Док. № 286. Л. 308–308 об.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 23. Док. № 305. Л. 336.

⁶ Там же. Л. 336–336 об.

⁷ Там же. Л. 336 об.

⁸ Так свою должность называл сам П. Шульгин (НИА СПбИИ РАН. Ф. 96. № 28. Стб. 3).

Яковлевич Шульгин⁹. После его смерти нерчинские казаки и ясачные люди по «заручным челобитным» просили А. Толбузина до царского указа принять под свое управление все даурские остроги. Толбузин согласился на это предложение и направил отписку (донесение) о случившемся в Енисейский острог¹⁰. Не позднее 17 октября 1678 г. по наказной памяти приказным человеком в даурских острогах стал енисейский стрелецкий и казачий голова Андрей Строганов¹¹. Алексей Толбузин исполнял обязанности нерчинского приказчика до его приезда и вступления в должность. Всего «на приказе» в Нерчинске он пробыл пять месяцев [Трухин, 2019. С. 3–4].

Просьба нерчинских казаков к Толбузину возглавить даурские остроги на первый взгляд кажется странной. Однако знание обстановки, сложившейся к апрелю 1678 г. в Нерчинском остроге, позволяет дать логичное объяснение. Дело в том, что в это время в Нерчинске разгорелся конфликт: часть казаков, возмущенных противоправными действиями и злоупотреблениями нерчинского приказчика П. Шульгина, попыталась отстранить его от должности, направив челобитчиков в разрядный город Енисейск, другая часть служилых людей (в основном казачья верхушка) поддержала П. Шульгина. И только смерть последнего позволила в какой-то мере примирить обе конфликтующие стороны.

Прибывший в то время в Нерчинский острог А. Толбузин, видимо, стал компромиссной фигурой. Во-первых, он был царским назначенцем. Во-вторых, часть казаков, вероятно, еще помнила его отца Лариона, оставившего о себе добрые воспоминания. В-третьих, не исключено, что А. Толбузин мог быть родственником П. Шульгина и потому оказался приемлемой фигурой для его сторонников. Если мы обратим внимание на отчества Павла Шульгина и жены Алексея Матрены, то заметим, что отцов обоих звали Яков, а значит, можно предположить, что они были братом и сестрой. Учитывая, что Толбузины и Шульгины были наиболее авторитетными семьями в Тобольске 1670-х годов, то вполне вероятно, что они могли породниться. Кроме того, о том, что жена Алексея Матрена в девичестве была Шульгиной, говорит тот факт, что в 1710 г. вместе с семьей Федора Толбузина жила племянница Алексея и Матрены — «девка Стефанида Иванова дочь Шульгина 17 лет». А поскольку нет никаких сведений о том, что у Алексея Толбузина были сестры, которые могли выйти замуж за кого-то из Шульгиных, можно сделать осторожное предположение, что Шульгиной в девичестве была жена Алексея Матрена, а Павел Шульгин был ее родным братом.

Сведения о семье А. Толбузина со времени его возвращения из Нерчинска в Тобольск до гибели в Албазине носят фрагментарный характер. Известно, что жена Алексея Матрена и ее дети 2,5 года в диапазоне с 1684 по 1687 г. проживали в Енисейске. Возможно, А. Толбузин, отправляясь в Албазин в 1684 г. для проведения следствия по делу о конфликте между нерчинским воеводой

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 23. Док. № 305. Л. 336 об.

¹⁰ Там же. Л. 336 об. — 337.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 24. Док. № 29. Л. 66.

Федором Воейковым и албазинскими казаками, еще не знал, что ему предстоит стать албазинским воеводой, и поэтому семью с собой не взял. Только получив должность албазинского воеводы официально, он вызвал жену с детьми к себе в Албазинский острог. Вероятно, это произошло в конце 1684 г., и добраться до Албазинского острога до начала боевых действий с маньчжурами они просто не успели, оставшись в итоге в Енисейске.

Матрена с детьми, вынужденная длительное время проживать в Енисейске, осталась без средств к существованию. Судя по всему, А. Толбузин пытался помочь семье деньгами. Для этого, находясь в Нерчинске в 1685 г. после первой обороны Албазинского острога, он «дал на себя кабалу» на 100 руб., что было по тем временам весьма значимой суммой [Бахрушин, 1955. С. 246], а также продал за деньги имевшиеся у него муку и зерно¹² (прил. 1). Удалось ли ему передать эти деньги семье, неизвестно. Однако ясно, что тяжелое положение последней еще более ухудшилось после гибели Алексея во время второй обороны Албазинской крепости в 1686 г.

В этой непростой ситуации не ранее 23 ноября 1687 г. Матрена была вынуждена обратиться в Енисейске с челобитной «о розыске оставшихся после смерти ее мужа пожитков»¹³. В ней она писала, что «после смерти ево (А. Толбузина. — В. Т.) остались в Албазине в анбаре за печатью и за замком пожитки ево. И тем ево пожиткам осталась за ево Алексеевой рукою роспись. И приказной человек енисейской сын боярской Афонасей Байтон (руководивший обороной Албазинской крепости. — В. Т.), сбив замок и печать сорвав, в тот анбар ходил и мужа моево пожитки имал». Также в своем обращении к царю она просила разыскать это имущество и привезти его в Тобольск (прил. 2).

Откликнувшись на челобитную Матрены, Сибирский приказ поручил окольным и воеводе Федору Алексеевичу Головину, являвшемуся полномочным послом на переговорах с маньчжурами, произвести розыск имущества А. Толбузина и прислать найденное в Тобольск «с кем пригож»¹⁴ (прил. 3). В одной из отписок А. Бейтон все обвинения в свой адрес отклонил, указав: «Что опричь что было воеводсково оружия давно прибрано в казне государьской семь пищале разных карабин да пара пистолей. А иного его же живота и статков за государьской печатью. А тем животам учинена роспись н[ы]не за государевой печатью. А хто изволит приедет и примеца и будет ему в честь прибрано[е] выше в росписи покойново дворового Родивона Максимова. Роспись его рука. И как им покажется без поклепу. Пили мы с покойным одну крововую чяшу с Олексием Ларивоновичем и он выбрал себе радость небесную, а нас оставил в печали»¹⁵.

Однако забрать что-то из Албазина было не так просто. Албазин в этот период еще оставался в блокаде, а его жители находились на грани смерти. Именно поэтому имущество А. Толбузина семье возвращено не было. Вернуть его уже после заключения Нерчинского мирного договора и вывоза всего

¹² РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 40.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1588. Л. 168.

¹⁴ Там же. Л. 169–171.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 532. Ед. хр. 4820. См. подробнее: [Трухин В. И., 2021. С. 187].

государственного имущества из Албазинской крепости в Нерчинск попытался сын А. Толбузина Петр. Не позднее 19 февраля 1691 г. он подал челобитную, в которой писал: «...во 192-м (1683. — В. Т.) году по в[а]шему великих государей указу был от[е]ц в Олбазине воеводою. И от китайских воинских людей от[е]ц в Олбазине убит. А после ево животы и статки остались в Нерчинском на руках у тобольского пятидесятника у Васки Смиренникова <...> Пожалуйте меня, холопа своего, за многие службы и за смерть отца моего, велите государи ево, Васку, из Нерчинска выслать в Тобольск с пожитками отца моего»¹⁶. По этой челобитной также было принято положительное решение, о чем в Нерчинск из Сибирского приказа 27 февраля 1691 г. была направлена царская грамота¹⁷.

В 1687 г. в Енисейске два тюменских казака из полка А. Бейтона отдали старшему сыну Алексея Толбузина Петру в счет своего долга крещеного мальчика: «Новоприборные казаки Максимко Мишенев, Микитка Виляженин привезли малого крещеного Алешку, и того малого отдали они за кабальной долг албазинского воеводы Алексея Толбузина сыну ево Петру. И того малого Алешку увезла с собою в Тоболеск Алексеева жена Толбузина Матрена Яковлева дочь»¹⁸. В Тобольск жене А. Толбузина с детьми удалось выехать из Енисейска в конце 1687 г.

В 1688 г., чтобы как-то решить вопрос материального обеспечения семьи, сыновьям А. Толбузина пришлось подать царю челобитную, в которой они просили «за многотрудные нужные службы и голодное терпение и за осадное отца их сиденье и за смерть» поверстать их в тобольские «дворяне по выбору». Это прошение было также удовлетворено. Петр и Федор Толбузины были пожалованы в тот же чин, что их отец, и записаны в Тобольске в «дворяне по выбору». А. Толбузин был пожалован в этот чин 26 февраля 1683 г. с окладом 20 руб., 20 четей ржи и 20 четей овса. Именно это «государево жалованье» было разделено между его сыновьями Петром и Федором¹⁹ (прил. 4). Интересно, что позднее в Тобольске назначение в чин «дворянин по выбору» не производилось, вследствие чего дети А. Толбузина долгое время оставались единственными служилыми людьми, записанными в него.

В 202 г. (1693/1694. — В. Т.) сыновья А. Толбузина еще раз подали челобитную, в которой просили «за осадное сиденье и за смерть отца их, что он убит в Даурех в Албазине от китайских воинских людей» прибавить им «великих государей жалованья». Эта просьба также была удовлетворена. Им было добавлено «к 20 ру[б.] денег по 5 ру[б.] человеку, к 20 четвертям хлеба и к 20 четвертям овсу по 5 чети ржи, овса потому ж, к 4 м пудам соли по пуду соли человеку, и учинены им оклады денег 15 ру[б.], хлеба против денег в московскую меру по розчету, по 3 пуда соли человеку»²⁰. О том, что распоряжение об увеличении окладов Петру и Федору Толбузиным было исполнено, свидетельствует «выписка из дел Сибирского приказа об окладах тобольских дворян

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 419.

¹⁷ Там же. Л. 420.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 940. Л. 21.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 970. Л. 1–3, 5–7.

²⁰ Там же. Л. 35.

по выбору» 1695 г. Согласно этой выписке, «в перечневом списке 204-г[о] (1695/1696. — В. Т.) году написано: 2 человека дворян по выбору, оклад им денег 30 рублей, хлеба 30 чети ржи, овса тож на год, а в московскую меру 17 чети и пол 2 четверика и мал четверик ржи, овса тож, 4 пуда соли»²¹. В 1704 г. сыновья А. Толбузина — тобольские дворяне «по выбору дворовые» — по-прежнему имели оклады по 15 рублей²².

Известно, что оба сына А. Толбузина служили. Петр в феврале 1691 г. по решению Сибирского приказа был назначен головою «тобольских литовского и новокрещеного списку и у конных казаков»²³. В январе 1692 г. он получил должность головы тобольских пеших казаков. В декабре 1694 г. Петр был вновь назначен головою тобольских «литовского и новокрещеного списка и конных казаков»²⁴. В 1701 г. он участвовал в походе на башкир [Памятники Сибирской истории, 1882. С. 145, 158, 159, 161, 162]. Федор в 1694 г. был поверстан головою тобольских пеших казаков на место своего старшего брата Петра²⁵. В дальнейшем он дослужился до звания драгунского полковника и участвовал в походе 1719 г. к «Ямышову озеру» [Памятники Сибирской истории, 1885. С. 146, 410, 421].

У Петра был сын Михайла. В 1710 г. ему было 16 лет, а значит, он был 1689 года рождения²⁶. Не позднее 1704 г. Петр Толбузин умер. Михайла чин тобольского «дворянина по выбору» от него не унаследовал. Ему досталось только семь рублей жалованья отца²⁷. В Тобольске он числился в чине сына боярского.

Вероятно, в одном из тобольских пожаров сгорели дома Михаила и Федора Толбузиных. Несмотря на то, что в 1710 г. в Тобольске недалеко от р. Курдюмовки продолжала существовать «Толбузина улица», двор М. Толбузина, находившийся там, был «пуст, хоромы и около того двора заборы розломаны. А сказал он, Михайло, что тот ево двор розломан в пожарное время. А живет де он у дяди своего у Федора Толбузина»²⁸. В это же время сам Федор Толбузин жил во дворе, купленном у «московского дворянина Леонтия Иванова сына Парфеньева».

По данным переписи, произведенной в Тобольске в 1710 г., дворянин по выбору Федор Алексеевич Толбузин, будучи в возрасте 33 лет, получал установленный ему еще в 1693 г. оклад «денег 15 рублей, хлеба ржи 7 чети с осьминою, овса тож, соли 3 пуда». У него была жена Овдотья Иванова дочь 28 лет²⁹.

Заметим, что жена А. Толбузина Матрена в тобольской переписи 1710 г. не значится. Это дает основание предполагать, что скорее всего к этому времени ее уже не было в живых.

Вышеприведенные сведения позволяют реконструировать часть генеалогического древа семьи А. Толбузиных (илл. 3). Исследование источников

²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 970. Л. 74.

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Л. 201.

²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 421–422.

²⁴ Там же. Л. 457–461.

²⁵ Там же. Л. 462–463.

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 499.

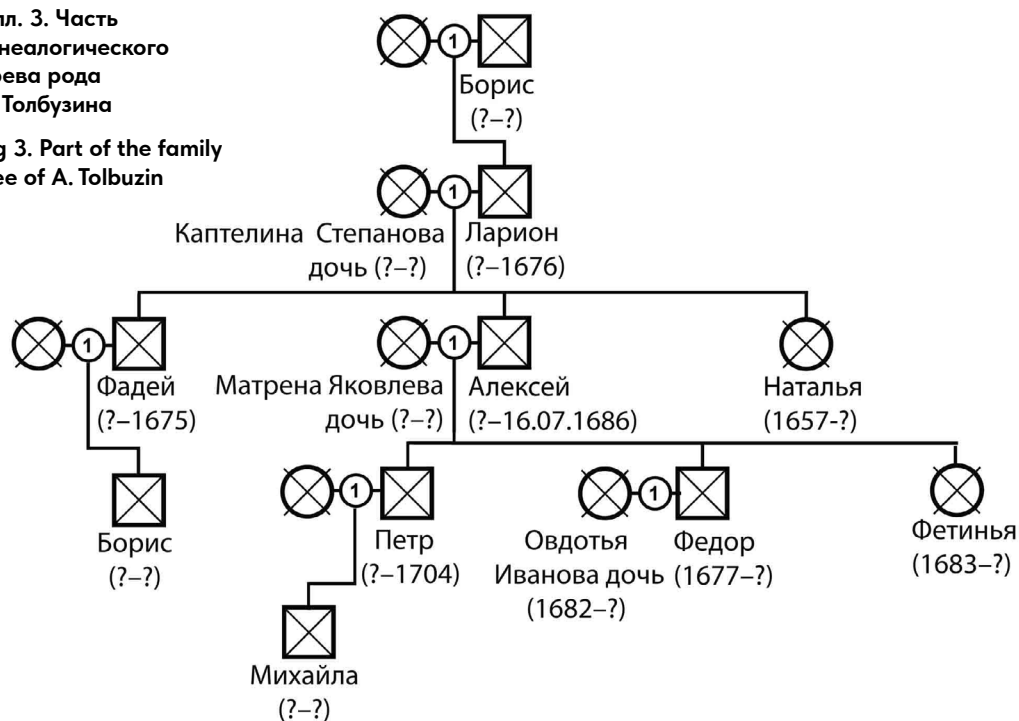
²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Л. 201 об.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317. Л. 504 об.

²⁹ Там же. Л. 499.

Илл. 3. Часть
генеалогического
древа рода
А. Толбузина

Fig 3. Part of the family
tree of A. Tolbuzin

дохода членов этой семьи позволило установить, что правительство не только ценило заслуги принадлежавших к этому роду служилых людей, но и стремилось оказать финансовую помощь вдове и детям погибшего албазинского воеводы. Вместе с тем необходимо признать, что выявленные биографические сведения о семье Толбузиных остаются неполными, что делает актуальной задачу продолжения научных изысканий в этом направлении.

Приложение 1

Грамотка албазинского воеводы Алексея Толбузина в Еравинский острог торговому человеку Михайлу Аввакумову³⁰

1685 г.

Приятель мой Михайло Аввакумович бл[а]гополучно здравствуй на мно-
жество лет. Пожалуй приятель мой Михайло Аввакумович возьми у Ивана
Доброхота два мешка моей муки ржаной на Плодбище и доведи до Нерчинского.
И в Нерчинском продай тое муку на деньги. И те деньги ко мне пришли ко мне
в Албазинск. Да у него ж возьми семя мое конопляног[о] с пуд и то семя про-
дай же. По сему Алешка Толбузин челом бьет.

РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 40. Подлинник.

На обороте листа 40 адресация: «Отдать в Яравинском остроге торговому человеку Михайле Аввакумову».

Приложение 2

Челобитная вдовы албазинского воеводы Алексея Толбузина Матрены о розыске имущества, оставшегося после смерти ее мужа

[не ранее 23 ноября 1687 г.]

[В]еликим государем царем и великим князем [Ио]анну Алексеевичю Петру
Алексеевичю и великой государыне бл[а]говерной царевне и великой княжне
Софии Алексеевне всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бьет
челом раба в[а]ша Алексеева жена Толбузина вдова Матрена з детишками
своими с [Пе]трушкою да с Федькою. По в[а]шему великих государей [указу]
был на вашей великих государей службе в Сибири [в Да]урах в Албазинском
муж мой Алексей Толбузин воеводою. И в прошлом государи во 195-м году³¹
неприятельские китайские воинские люди в осаде в Албазине мужа моего
Алексея убили. А после смерти ево остались в Албазине в анбаре за печатью
и за замком пожитки ево. И тем ево пожиткам осталась за ево Алексеевой
рукою роспись. И приказной человек Енисейской сын боярской Афонасей
Байтон сбив замок и печать сорвав в тот анбар ходил и мужа моего пожит-
ки имал. А сколько каких пожитков взял и того мне рабе в[а]шей не ведомо.
А достальные мужа моего пожитки в том анбаре после осады делил. И про
то я раба в[а]ша не ведаю ж. Милосердые великие государи цари и великие
князи Иоанн Алексеевич Петр Алексеевич [в]еликая государыня бл[а]говер-
ная царевна и великая [кня]жна София Алексеевна всеа Великия и Малыя
и Белья Росии самодержцы пожалуйте меня рабу свою з детишками велите
государи про те про все взятые мужа моего пожитки которые взял Афонасей
Байтон и после ево иные люди кто взяли без в[а]шего великих государей указу
в Албазине розыскать окольничему и воеводе Федору Алексеевичю Головину
[с то]варыщи. И по розыску на ком доведетца и те му[жа моего] пожитки взять

³⁰ Здесь и далее тексты документов публикуются с учетом «Методических рекомендаций по пуб-
ликации архивных документов в печатном виде» (М., 2022), разработанных Всероссийским
научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела.

³¹ 1686 г.

и те мужа моево [п]ожитки велите государи из Албазина прислать в Тоболеск с кем вы великие государи укажите. Великие государи смилуйтесь.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1588. Л. 168. Подлинник.

Приложение 3

Грамота из Сибирского приказа окольничему и воеводе Алексею Головину по челобитью вдовы албазинского воеводы Алексея Толбузина Матрены о розыске имущества, оставшегося после смерти ее мужа

23 ноября 1687 г.

От великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича и великие государыни бл[а]говерные царевны и великие княжны Софии Алексеевны всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев окольничеу н[а]шему и воеводе Федору Алексеевичю Головину с товарищи. В прошлом во 191-м [году]³² [по н]ашему великих государей указу [в]елено быть на нашей великих государей службе в Сибири в Даурах в Албазинском воеводою Алексею Ларионову с[ы]ну Толбузину. И во 195-м году³³ по в[а]шим вестовым отпискам ево Алексея в осаде в Албазине китайские воинские люди убили. И н[ы]не была челом нам [в]еликим государем Алексеева жена Толбузина вдова Матрена з детьми своими с Петром да Федором. На нашей де великих государей службе в осаде в Албазине неприятельские китайские воинские люди³⁴ мужа ее Алексея убили. А после де смерти ево остались в Албазине в анбаре за н[а]шею великих государей печатью пожитки ево Алексеевы. [А] тем де ево пожиткам осталась за ево [Ал]ексеевою рукою роспись. И приказной де человек енисейской сын боярской Афонасей Байтон забыв страх Б[о]жий в Албазине у анбара где ево Алексеевы пожитки были сняв печать и збив замок в тот анбар ходил и мужа ее Алексеевы пожитки Толбузина все взял. И нам бы [ве]лики[м] государем пожаловать ее вдову [М]атрену з детми за службу и за кровь и за смер[ть] мужа ее Алексея велеть про те про все пожитки мужа ее которые взял Афонасей Байтон или сверх ево Афонасья взяли иные люди без н[а]шег[о] великих государей указу в Албазине розы[с]кать. И по розыску на ком доведетца те пожитки взять и прислать к ней в Тоболеск. И как к вам ся н[а]ша великих государей грамота придет и ты окольничей н[а]ш и воевода Федор Алексеевич с товарищи велели в Албазине ро[зы]скать как на н[а]шей великих государей службе Алексея Толбузина в осаде в Албазине китайские воинские люди убили и после смерти ево в анбар где ево Алексеевы были пожитки Афонасей Байтон³⁵ в тот анбар ходил ли и те ево Алексеевы пожитки взял ли. И буде по розыску объявитца что он Афонасей в тот анбар сняв печать и збив замок ходил и пожит[ки] ево Алексеевы он Афонасей {и роспись тем ево пожиткам}³⁶ и сверх ево иные люди взяли. И вы б те ево Алексеевы

³² 1683 г.

³³ 1686 г.

³⁴ Далее зачеркнуто: убили.

³⁵ Далее зачеркнуто: ходил.

³⁶ Здесь и далее слова, заключенные в фигурные скобки, вписаны над строкой.

все пожитки по розыску велели на их {по росписи} доправить бессрочно. А доправя [т]е все пожитки послали в Тоболеск {с кем пригож} А³⁷ боярину н[а]шему и воеводам к Алексею Петровичю {Головину} с товарищи о том послан. А как те ево Алексеевы пожитки и на ком сколько каких пожитков доправлено и из Олбазина в Тоболеск послано будет о том к нам великим государем писали и тем пожитком роспись прислали за дьячью приписью. А отписку и роспись велели подать в Сибирском приказе боярину н[а]шему князю Ивану Борисовичю Репнину с товарищи. Писан на Москве лета 7196-г[о] ноября в 23 де[нь].

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1588. Л. 169–171. Подлинник.

Приложение 4

Грамота из Сибирского приказа в Тобольск боярину Алексею Петровичю Головину и воеводам о зачислении детей албазинского воеводы Алексея Толбузина в Тобольские дворяне по выбору с выплатой им жалования их отца

16 мая 1688 г.

От великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича великие государыни бл[а]говерные царевны и великие княжны Софии Алексеевны всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев в Сибирь в Тоболеск боярину н[а]шему и воеводам Алексею Петровичю Головину с товарищи. Били челом нам великим государем Алексеевы дети Толбузина Петр да Федор в прошлом де во 191-м году³⁸ по н[а]шему великих государей указу послан был от[е]ц их Алексей Толбузин в Албазинской для сыску про нерчинского воеводу Федора Воейкова и про сына ево Андрея против челобитья албазинских служилых людей. А сыскав велено отцу их быть в Албазине до н[а]шего великих государей указу воеводою. И во 192-м году³⁹ отец их Алексей про Федора Воейкова и про сына ево Андрея по челобитью албазинских служилых людей в Албазинском сыскивал. И тот сыск к Москве прислал. И во 192 же году китайские воинские люди к Албазину пришли со многим собранием и Албазинской осадили и многолюдством и великою пушечною стрелбою и непрестанными приступами взяли и сожгли. И отца их с служилыми и всяких чинов с людьми отпустили в Нерчинской. И идучи де до Нерчинского от[е]ц их с служилыми людьми нужу великую и голод терпели питались травой и кореньем. И во 192-м же году служа нам великим государем от[е]ц их с служилыми людьми собрався пришел на прежнее Албазинское место и построил Албазин город новой земляной со всякими городовыми крепостями и хлебными запасы озапасил. И службою и раденьем отца их насеяно было около Албазинского всякого хлеба с пятьсот десятин. И во 194-м году⁴⁰ под тот новой построенной город пришли китайские ж многие люди и тот новой город осадили. И в осаде отца их Алексея китайские люди ис пушки убили. А как де от[е]ц их был

³⁷ Далее зачеркнуто: н[а]ш великих государей указ в Тоболеск к нему к.

³⁸ Здесь и далее — 1683 г.

³⁹ Здесь и далее — 1683/84 г.

⁴⁰ Здесь и далее — 1685 г.

в Албазинску и они де Петр и Федор с матерью своею жили в Енисейску полчетверта года. И живучи в Енисейску одолжали великими долгами. И нам великим государем пожаловать бы их Петра и Федора за многотрудные нужные службы и голодное терпение и за осадное отца их сиденье и за смерть и для их конечные бедности велеть им быть в Тобольску по выбору во дворянх в денежном и в хлебном и в соляном окладе отца их. А по справке в Сибирском приказе⁴¹ в прошлом во 191-м году февраля в 26 де[нь] по н[а]шему великих государей указу и по подписной челобитной за пометою думного н[а]шего дьяка Федора Шакловитова велено Алексею Толбузину в Тобольску быть по выбору. А в тобольских окладных имянных денежных и хлебных книгах 194-г[о] году написано по выбору дворянин Алексей Ларионов с[ы]н Толбузин оклад ему н[а]шего великих государей жалованья денег дватцет рублей хлеба дватцет четвертей ржи овса тож три пуда соли. И ныне мы великие государи указали за службу и за смерть Алексея Толбузина детям ево Петру да Федору быть в Тобольску по выбору во дворянх в ево Алексееве денежном и хлебном и соляном окладе. И как к вам ся н[а]ша великих государей грамота придет и вы боярин н[а]ш и воеводы Алексей Петрович с товарищи велели их Петра и Федора Толбузиных в Тобольску написать в список во дворяне по выбору с тем денежным и хлебным и соляным окладом. И в окладные имянные денежные и хлебные книги {имяна их справить}⁴². И давать им то н[а]ше великих государей денежное и хлебное и соляное жалованье по вся годы {сполна}. Писан на Москве лета 7196-г[о]⁴³ мая в 16 де[нь]. Припись дьяка Афанасья Порфенова. Выписка в расходном столпу 196-г[о] году⁴⁴ у подъячего Антона Богданова.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 970. Л. 1–3, 5–7. Подлинник.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII в.): сб. документов / сост. И. Л. Манькова. Свердловск: Институт истории и археологии УрО АН СССР, 1992. 245 с.

Книга Записная, Сибирский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи / отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 138–176.

Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. 603 с.

Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. СПб., 1885. 600 с.

Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: в 4 частях. Ч. 4. СПб., 1857. 482 с.

⁴¹ Далее зачеркнуто: в то.

⁴² Здесь и далее слова, заключенные в фигурные скобки, вписаны над строкой. Далее зачеркнуто: и в сметной список.

⁴³ 1688 г.

⁴⁴ 1688 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII века. М.: Археографический центр, 1996. 414 с.

Артемов А. Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII в. (Из истории кадровой политики царской администрации в Забайкалье и Приамурье) // Отечественная история. 2006. № 2. С. 3–10.

Артемов А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток: Издательский отдел Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 336 с.

Багрин Е. А. Вооруженные силы России в Даурии (1649–1727 гг.). СПб.: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 771 с.

Багрин Е. А. Нерчинский приказчик П. Я. Шульгин: воин и дипломат // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 44–56.

Багрин Е. А. Сибирские воеводы XVII века в исследованиях, опубликованных в 2010–2021 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 97–111.

Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. 611 с.

Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3. 375 с.

Каменецкий И. П. Служилые люди Сибири XVII – начала XVIII века. Исторические портреты и очерки. Тобольск: Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2023. 472 с.

Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. 378 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с.

Полевой Б. П. Албазин Амурский и Албазин Уральский // Уральский следопыт. 1971. № 12. С. 64–65.

Пузанов В. Д. Дети боярские и дворяне Западной Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 34–56.

Пузанов В. Д. Род Толбузиных – воевод Забайкалья в XVII веке // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. Чита: ЗабГУ, 2017. Ч. 2. С. 31–35.

Пузанов В. Д. Формирование гарнизона города Тобольска (конец XVI–XVII в.) // Вестник урovedения. 2014. № 1 (16). С. 143–152.

Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в.: биобиблиографический словарь / отв. ред. И. П. Каменецкий. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 988 с.

Трухин В. И. Документы XVII века из коллекции Российской национальной библиотеки, связанные с включением Приамурья в состав Русского государства // Сборники Президентской библиотеки. Вып. 7. Книжная культура Московской Руси XV–XVII в.:

сб. науч. трудов / [науч. ред.: А. В. Сиренов, А. А. Романова]. СПб.: Президентская библиотека, 2021. С. 185–189. (Серия «Электронный архив»).

Трухин В. И. Первая Даурская служба Алексея Толбузина // Материалы межрегиональной краеведческой конференции «XII Дорохинские чтения». Албазино. Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского. 2019. С. 1–12.

REFERENCES

Aleksandrov V. A. Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia on the Far Eastern Borders (Second Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984, 272 p. (In Russ.).

Antonov A. B. Rodoslovnnye rospisi kontsa XVII veka [Genealogical Lists of the End of the 17th Century]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr, 1996, 414 p. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII vv. [Cities and Forts of Transbaikalia and the Amur Region in the Second Half of the 17th–18th Centuries] Vladivostok, Izdatel'skii otдел Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, 1999, 336 p. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Voevody i prikazchiki Nerchinskogo i Albazinskogo uezdov vo vtoroi polovine XVII v. (Iz istorii kadrovoy politiki tsarskoi administratsii v Zabaikal'e i Priamur'e) [Voivodes and Local Administrators of the Nerchinsk and Albazinsky Districts in the Second Half of the 17th Century (From the History of the Personnel Policy of the Tsarist Administration in Transbaikalia and the Amur Region)]. *National history*, 2006, no. 2, pp. 3–10. (In Russ.).

Bagrin E. A. Nerchinskii prikazchik P. Ya. Shul'gin: voyn i diplomat [Nerchinsk Executive Officer P. Ya. Shulgin: Warrior and Diplomat]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 44–56. (In Russ.).

Bagrin E. A. Sibirskie voevody XVII veka v issledovaniyakh, opublikovannykh v 2010–2021 gg. [Siberian Voivodes (Governors of Province) of the 17th Century in Studies Published in 2010–2021]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2022, vol. 18, no. 4, pp. 97–111. (In Russ.).

Bagrin E. A. Vooruzhennyye sily Rossii v Daurii (1649–1727 gg.) [The Armed Forces of Russia in Dauria (1649–1727)]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGETU «LETI», 2024. 771 p. (In Russ.).

Bakhrushin S. V. Nauchnye trudy [Scientific Works]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1955, vol. 3. 375 p. (In Russ.).

Barsukov A. P. Spiski gorodovykh voevod i drugikh lits voevodskogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva XVII stoletiya [Lists of Fort Voivodes and Other Persons of the Voivodeship Administration of the Tsardom of Moscow in the 17th century]. St. Petersburg, 1902, 611 p. (In Russ.).

Kameneckiy I. P. Sluzhilye lyudi Sibiri XVII – nachalo XVIII veka. Istoricheskie portrety i ocherki [Service People of Siberia, 17th – Early 18th Centuries. Historical Portraits and Essays]. Tobol'sk, Tyumenskii regional'nyi obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond «Vozrozhdenie Tobol'ska», 2023, 472 p. (In Russ.).

Krasnoshtanov G. B. Nikifor Romanov Chernigovskii: dokumental'noe povestvovanie [Nikifor Romanov of Chernigov: A Documentary Narrative]. Irkutsk, «Reprintsentr A1», 2008, 378 p. (In Russ.).

Miller G. F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2000, vol. 2, 796 p. (In Russ.).

Polevoi B. P. Albazin Amurskii i Albazin Ural'skii [Amur Albazin and Ural Albazin]. *Uralsky Sledopyt* [Ural Pathfinder], 1971, no. 12, pp. 64–65. (In Russ.).

Puzanov V. D. *Deti boyarskie i dvoryane Zapadnoi Sibiri v XVII v.* [Children Boyar and Nobles of Western Siberia in 17th Century]. *Questions of history*, 2019, no 4, pp. 34–56. (In Russ.).

Puzanov V. D. *Formirovanie garnizona goroda Tobol'ska (konets XVI–XVII v.)* [Formation of Garrison of Tobolsk (The End of 16th–17th Century)]. *Bulletin of Ugric Studies*, 2014, vol. 1 (16), pp. 143–152. (In Russ.).

Puzanov V. D. *Rod Tolbuzinykh – voevod Zabaikal'ya v XVII veke* [The Tolbuzin Family – Voevode of Transbaikalia in the 17th Century]. In: *Prigranichnyi region v istoricheskom razvitii: partnerstvo i sotrudnichestvo: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Border Region in Historical Development: Partnership and Cooperation: Proceedings of the International Scientific Conference]. Chita, ZabGU, 2017, p. 2, pp. 31–35. (In Russ.).

Sluzhilye lyudi Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.: biobibliograficheskii slovar' [Service People of Siberia in the Late 16th – Early 18th Centuries: Biobibliographic Dictionary] / ed.-in-chief I. P. Kamenetskiy. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020, 988 p. (In Russ.).

Trukhin V. I. *Dokumenty XVII veka iz kollektzii Rossiiskoi natsional'noi biblioteki, svyazannye s vklucheniem Priamur'ya v sostav Russkogo gosudarstva* [17th Century Documents Related to the Incorporation of the Amur Region into the Russian State]. In: *Sborniki Prezidentskoi biblioteki. Vyp. 7. Knizhnaya kul'tura Moskovskoi Rusi XV–XVII v.: sb. nauch. trudov* [Collections of the Presidential Library. Vol. 7. Book Culture of Moscowite Russia 15th–17th Centuries: Scientific Labor Collection] / [sci. eds by A. V. Sirenov, A. A. Romanova]. St. Petersburg, Prezidentskaya biblioteka, 2021, pp. 185–189. (Series “Electronic Archive”). (In Russ.).

Trukhin V. I. *Pervaya Daur'skaya sluzhba Alekseya Tolbuzina* [The First Daurian Service Appointment of Alexei Tolbuzin]. In: *Materialy mezhhregional'noi kraevedcheskoi konferentsii «KhII Dorokhinskie chteniya»* [Proceedings of the Interregional Local History Conference “12th Dorokhin Readings”. Albazino, Amurskii oblastnoi kraevedcheskii muzei im. G. S. Novikova-Daur'skogo, 2019, pp. 1–12. (In Russ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НИА СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Трухин Владимир Ильич, независимый исследователь, г. Благовещенск, Россия, tru_vi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>, Scopus Author ID: 57221946145.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VLADIMIR I. TRUKHIN, independent researcher, Blagoveshchensk, Russian Federation, tru_vi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>, Scopus Author ID: 57221946145.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025;
одобрена после рецензирования 04.09.2025;
принята к публикации 06.09.2025.

The article was submitted on 28.08.2025;
approved after reviewing on 04.09.2025;
accepted for publication on 06.09.2025.

Археография и источниковедение

Первое оубо слово сотвори хъ овецъ хъ,
ѿ деофиле . онъ же науча хъ ѿе, тво
ри хъ же ноу хъ ти . донего же дне,
заповѣдавъ апломъ дхомъ еты,
нхъ же нхъ ера бо знееа . преннмн же
н поетавн себе жнва поетраданн
ево емъ . во мнозехъ нетинныхъ знаме
ннхъ . днмн четырндеа тмн явла
нса нмъ н гла яже оцртвн бжн . сн
мн же ннды, повелѣваше нмъ ѿ еросали
ма не ѿла хъ тнса . не ждати оветованн
ѿ есе, еже слышасте ѿ мене . ꙗко ѿ ѿаннъ
оубо крсти хъ ееть водоу . вы же нмате кре
стн тнса дхомъ етымъ, не помнозехъ
енхъ дне . онъ же оубо еше есеа, вопрошахъ

воетдн н белнхъ нл плехн . нна во знееа кн

РУКОПИСЬ ПРОЛОГА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА ИЗ НИКОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В ОПОКАХ В СОБРАНИИ М. Н. ТИХОМИРОВА

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА ШИЛОВА

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

i.shilova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1434-312X>

Аннотация. В научный оборот вводится список Пролога — рукопись XVI в. из собрания М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН (№ 556). Охарактеризованы кодикологические особенности рукописи, определена ее датировка, описан репертуар русских статей. Установлено, что большая часть чтений соответствует пространной редакции Пролога, а чтения за начало апреля и май — краткой. В той части, которая содержит пространную редакцию, рукопись наиболее близка к Софийской группе списков, что подтверждают особенности ее состава и структуры (уникальные для группы списков статьи, иное расположение отдельных текстов в календарной структуре, разночтения в названиях некоторых поучений). Изучение вкладной записи позволило сделать вывод о бывшем местонахождении рукописи в церкви св. Николы в Опоках, города на р. Шелонь. Для исследования были привлечены сообщения об опочких храмах и монастыре из Новгородских писцовых книг Шелонской пятины 1498, 1575/1576 гг. Сделан вывод об уникальности сведений о церковнослужителях Никольской церкви и Опоцкого монастыря, указанных во вкладной записи Тихомировского Пролога.

Ключевые слова: Пролог, пространная редакция, XVI в., Опоки, собрание рукописей М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН.

Благодарности: исследование выполнено за счет средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» в Новосибирском государственном университете.

Для цитирования

Шилова И. А. Рукопись Пролога первой трети XVI века из Никольской церкви в Опоках в собрании М. Н. Тихомирова // *Universum Humanitarium*. 2025. № 2. С. 83–95. DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-83-95

MANUSCRIPT OF THE PROLOGUE OF THE FIRST THIRD OF THE 16TH CENTURY FROM THE NIKOLSKAYA CHURCH IN OPOKI IN THE COLLECTION OF M. N. TIKHOMIROV

INNA A. SHILOVA

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

i.shilova@ngsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1434-312X>

Abstract. A 16th-century copy of the Prologue, belonging to M. N. Tikhomirov's collection of manuscripts housed at the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (No. 556), is now being introduced into academic discourse. This study delineates the codicological features of the manuscript, establishes its dating, and describes the repertoire of Russian articles it contains. It has been determined that the majority of the readings correspond to the extended version of the Prologue, whereas those for early April and May align with the shorter version. In sections featuring the extended version, the manuscript closely resembles the Sofiiskaya group of copies. This connection is further reinforced by unique elements in the composition and structure of the collection, such as distinctive articles specific to this group, variations in the arrangement of individual texts within the calendar structure, and discrepancies in the titles of several didactic texts. An analysis of the insertion note has led to the conclusion that the manuscript originated from the Church of St. Nicholas in Opoki, a city situated on the Shelon River. The study incorporated reports regarding the churches and monastery in Opotsk, as well as information from the Novgorod Census Books of the Shelon Pyatina from 1498 and 1575/1576. These sources underscore the unique details concerning the clergy of the Nikolskaya Church and the Opotsky Monastery, as recorded in Tikhomirov's Prologue.

Keywords: Prologue, extended edition, 16th century, Opoki, Opotsky Monastery, collection of manuscripts of M. N. Tikhomirov, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Acknowledgements: The study was funded by the strategic academic leadership program "Priority 2030" at Novosibirsk State University.

For citation

Shilova I. A. Manuscript of the Prologue of the First Third of the 16th Century from the Nikolskaya Church in Opoki in the Collection of M. N. Tikhomirov. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 2, pp. 83–95. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-83-95

В собрании рукописей академика М. Н. Тихомирова Древлехранилища им. Е. И. Дергачевой-Скоп Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук хранится список Пролога XVI в., содержащий вкладную запись 1527 г., в которой упомянуты церковь св. Николая Чудотворца и Ильинский монастырь погоста Опоки Шелонской пятины. Имеющиеся в летописях и Новгородских писцовых книгах сведения об этих утраченных церковных строениях на р. Шелони

чрезвычайно скудны. Запись из Тихомировского Пролога содержит уникальные сообщения о причте церкви св. Николы и сохранила имя одного из схимников Ильинского монастыря. Список впервые вводится в научный оборот и рассматривается в текстологическом аспекте: определяется представленная в нем редакция Пролога, описываются некоторые особенности состава сборника. Цель исследования — характеристика кодикологических и текстуальных особенностей рукописи Пролога первой трети XVI в. из собрания М. Н. Тихомирова.

Кодикологические особенности рукописи

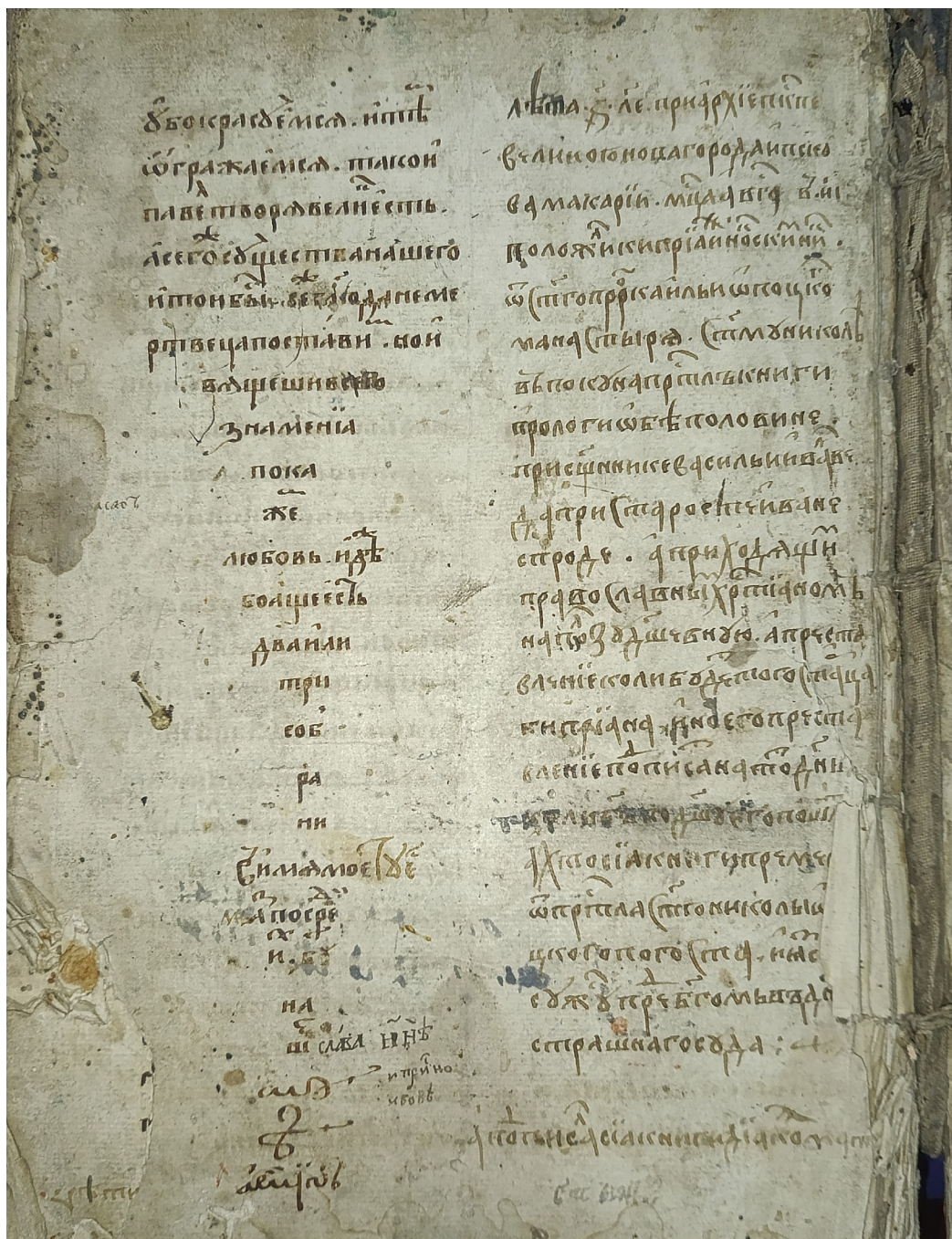
Рукопись Пролога из собрания М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН, № 556 (далее — Тих. 556) имеет формат in folio, выполнена полууставом одной руки; текст написан в два столбца. По водяным знакам бумаги она датируется началом 1520-х годов. На листах имеются филигранные: 1) рука — близок: Брике, № 11405 (1520 г.) [Briquet, 1907], Лихачев, № 1509 (1521 г.); 2) кувшинчик одноручный, крышка увенчана четырехлопастной розеткой — подобен: Брике, № 12645 (1528 г.); 3) солнце (встречается только на л. 291 и 321) — идентичен: Лихачев, № 1489 (1520–1521 гг.); 4) голова быка — близок: Лихачев, № 3359 (1519 г.) [Лихачев, 1899].

Пролог содержит чтения мартовского полугодия, которые относятся к разным редакциям памятника: статьи за март, 1–6 апреля, июнь, июль и август соответствуют пространной редакции, а статьи за 7–30 апреля и май — краткой. Это подтверждает репертуар русских статей:

- 1) соответствующих краткой редакции: успение Феодосия Печерского (3 мая; л. 112 об. — 114); освящение церкви Богородицы на Десятине в Киеве (12 мая; л. 126 об.); перенесение мощей Бориса и Глеба (20 мая; л. 137 об.); перенесение мощей Феодосия Печерского (30 мая, л. 151–151 об.);
- 2) соответствующих пространной редакции: «Слово о Мартине мнисе, иже бе в Турове у церкви святуу мученику единокровному о Бозе¹» (27 июня, л. 194 об. — 195 об.), Житие варяжских мучеников (12 июля, 227–227 об.), память Бориса и Глеба (24 июля; л. 251 об. — 252 об.), «Празднуем Всемилоостивому Христу и Пречистей его матери» (1 августа, л. 266 об. — 267 об.);
- 3) общих для обеих редакций: перенесение мощей Николая Мирликийского (9 мая; л. 121 об. — 122 об.); успение княгини Ольги (11 июля, л. 224 об. — 225 об., с кратким заголовком «Успение блаженныа княгини Олги»); память князя Владимира, крестившего Русскую землю (15 июля; л. 232–233 об.).

На полях рукописи встречаются исправления и восполнения пропущенного текста. Кроме того, имеются записи разного времени, в том числе несколько помет к тексту, сделанных скорописью на польском языке. Это аналоги для церковнославянских слов на польском или пояснения к тексту. Например, напротив имени «Келесий» на поле написано «celsus» («Страсть святого мученика Иульана и Семиона бывша 1000 и 10 мних», 21 июня, л. 184–184 об.); в тексте

¹ Здесь и далее тексты рукописи Пролога из собрания М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН (№ 556) приводятся в упрощенной орфографии по принципам, принятым в Трудах Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; пунктуация — по современным правилам [Дмитриева, 1995. С. 495].

Илл. 1. Последний лист рукописи Пролога с колофоном

Источник: ГПНТБ СО РАН, собр. М. Н. Тихомирова, № 556, л. 326 об.

Fig. 1. The last page of the Prologue manuscript with the colophon

Source: State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, collection of M. N. Tikhomirov, no. 556, sheet 326 verso

«Страсти святого мученика Елеуферия кувикулария» (4 августа, л. 274) к слову «кувикуларий» (старославянское слово, означающее «постельничий») на поле написан перевод — «Łoźniczy <...>». Но наибольший интерес представляет так называемый колофон — вкладная запись на последнем листе рукописи, содержащая сведения о месте нахождения списка в XVI в. (илл. 1).

Колофон рукописи как источник исторических сведений о церковных строениях в Опоках

Приведем текст записи полностью:

«Лѣта 7035 [1527] при архієп(и)ск(о)пѣ / великого Новгорода и Пско/ва Макаріи м(є)с(я)ца авг(у)с(т)а въ 18 / положи Кипріан инок схимник / ѿ с(вя)т(а)го пр(о)рока Ильи Опоцк(а)го / монастыря с(вя)т(о)мѹ Николѣ / въ Покѣ на пр(є)ст(о)лѣ книги / Прологи ѿбѣ половине / при с(вя)щ(є)ннике Василии Ивлєвѣ, / да при старостѣ Иванѣ / Спродѣ, а приходящим / православным хр(и)стіаномѣ / на ползѣ д(у)шевнѹю, а преста/вленіе коли вѣдет того старца / Кипріана, ино его преста/вленіе подписать на тот д(є)нь, а / коли Б(о)гѣ по д(у)шѣ его пошлет. / А хтѣ сіа книги прѣмєнит / ѿ пр(є)ст(о)ла С(вя)т(а)го Николы Опо/цкогo погоста, и з с ним / сѣжѣс(ь) пред Б(о)гомъ въ д(є)нь / Страшнаго Сѣда. / А подписал сіа книги діакон Мат[вей]²» (л. 326 об.).

Запись сделана почерком, отличным от почерка основного текста рукописи. Из нее следует, что 18 августа 1527 г. схимник Ильинского Опоцкого монастыря Киприан «положил» (т. е. сделал вклад) в церковь св. Николы в Опоках две рукописи Пролога с чтениями на целый год. В записи также упомянуты митрополит Московский и всея Руси Макарий, который в 1526–1542 гг. был архиепископом Новгородским и Псковским, священник церкви св. Николы — Василий Ивлєв и староста погоста Иван Спроды. Сама запись о вкладе принадлежит руке диакона Никольской церкви, вероятно, по имени Матвей. Таким образом, колофон Тихомировского Пролога содержит сведения о причте Никольской церкви и схимнике Ильинского монастыря, живших в 1520-е годы.

Рассмотрим другие письменные источники, чтобы понять, насколько сведения из колофона Тихомировского Пролога дополняют или расширяют существующие представления об этих церковных строениях.

Об исчезнувшем городе Опоки сведений сохранилось крайне мало. Восстанавливая историю этого поселения на р. Шелонь (Псковская область), исследователи, как правило, опираются на летописные известия 1329 г. (сообщение о месте заключения мира между великим князем Иваном Калитой и посольством из Пскова), 1346 г. (о взятии «окупа» с жителей Опок и Порхова литовским князем Ольгердом) [Михайлова, 1997. С. 67; Седов, 2001. С. 11–12].

Кроме того, Опоки упомянуты в «Списке городов русских дальних и ближних» рубежа XIV–XV вв. [Тихомиров, 1979. С. 131], в «Записках о Московии»

² Окончание имени не читается в связи с утратой части листа у корешка.

Сигизмунда Герберштейна, побывавшего здесь в 1517 г. [Герберштейн, 1988. С. 236], а также в двух письмах А. Поссевино в 1581 г. к гетману Яну Замойскому [Поссевино, 1983. С. 107] и королю Польскому Стефану Баторию [Поссевино, 1983. С. 109]. Комментируя порядок расположения населенных пунктов в «Списке русских городов дальних и ближних», В. В. Седов высказывает предположение, что в конце XIV в. Опоки были вторым городом по значимости в долине р. Шелонь после Порхова [Седов, 2001. С. 13].

По мнению В. В. Седова, в начале XVI в. Опоки утратили «свой городской характер» в связи с разрушением крепостных укреплений, о чем свидетельствует отсутствие упоминания Опок в перечне городов Шелонской земли в Духовных грамотах 1504 г. (и затем 1572 г.), а также указание на заброшенную в этом месте крепость в «Записках» Сигизмунда Герберштейна в 1517 г. При этом именно здесь проходили важные сухопутные дороги, соединявшие Псков, Новгород, Порхов и другие города на Шелони [Седов, 2001. С. 19].

Считается, что впервые на месте бывшего погоста Опоки с экспедицией побывал Н. К. Рерих, который зафиксировал остатки каменной церкви и описал свои наблюдения в статье 1899 г. «Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца» [Рерих, 1899]. Во второй половине XX в. этот исчезнувший город также привлекал внимание археологов [Раппопорт, 1961. С. 41, 192; Седов, 2001].

В 1990–1991 гг. в Опоках работали архитектурно-археологические отряды Псковской археологической экспедиции под руководством В. В. Седова. Исследователи обнаружили остатки Никольского храма, который датировали рубежом XIII–XIV вв. [Седов, 2001. С. 3]. По мнению С. В. Моисеева, найденные «внутри храма» погребения свидетельствуют о том, что церковь строили на месте приходского кладбища. Он относит строительство церкви к концу XV в., основываясь на сообщении Писцовой книги 1498 г. о том, что в Опоцком погосте «церковь Никола Великий <...> а ставят и строят всем погостом» [НПК. Т. 4. Стлб. 162.].

Для нас интересны сведения в Новгородских писцовых книгах о причте Никольской церкви, из которых следует, что здесь в конце XV в. служили «поп» Иван и дьяк Михаил [НПК. Т. 4. Стлб. 163]. Вероятно, к 1520-м годам священник в церкви сменился, так как в записи Тихомировского Пролога называется другой иерей – Василий Ивлев.

В Писцовой книге 1576 г. упомянут уже каменный храм св. Николы Чудотворца с приделом св. Георгия, названы имена других священнослужителей: «А на погосте храм Никола Чюдотворец, в приделе Егорей Великий, церковь каменна. Церковного причету 4 дворы: дв. поп Ондрей Малафеев, дв. дьячек Иванко Григорьев, дв. понамарь Злоба Малафеев, дв. проскурня Овдотья Семеновна» [НПК. Т. 5. Стлб. 680].

Что касается упомянутого в колофоне рукописи старосты погоста по имени Иван Спрода, то записей о нем или хотя бы его однофамильцах нам, к сожалению, до настоящего времени ни в одном документе обнаружить не удалось.

Иначе ситуация обстоит с мужским Ильинским монастырем. Известно, что он был упразднен и превращен в приход не позднее 1688 г. [Охотникова,

Родникова, 2010. С. 135]. Однако время основания монастыря до сих пор остается дискуссионным вопросом. Дело в том, в рукописных месяцесловах игуменом, а в некоторых случаях и основателем монастыря назван преподобный Иоаким (память праздновалась 9 сентября по старому стилю), канонизированный около 1831 г. [Охотникова, Родникова, 2010. С. 135]. Еще В. В. Зверинский считал, что монастырь был основан св. Иоакимом Опочским в XVI в. [Зверинский, 1897. С. 70, № 1631], однако исследователи справедливо отмечали, что Ильинский монастырь упомянут уже в Писцовой книге Шелонской пятины 1498 г. [НПК. Т. 4. Стлб. 173, 180, 530], что не позволяет считать св. Иоакима основателем монастыря, либо отнести годы его жизни к XV — началу XVI в. [Охотникова, Родникова, 2010. С. 135].

Ильинский монастырь упомянут также в Писцовой книге Шелонской пятины 1575/1576 гг. [НПК. Т. 5. Стлб. 77, 309, 312, 313]. Здесь находится краткий перечень насельников монастыря «в монастыре игумен Саватей, да черной поп Васьян, да 11 старцов, слуг 7 человек, дружинников 4 человеки» [НПК. Т. 5. Стлб. 680–681]. Старец Ильинского монастыря по имени Киприан в писцовой книге не упомянут, что объясняется тем, что к этому времени его уже не должно было быть в живых, поскольку в 1527 г. он уже был схимником монастыря, т. е. скорее всего находился в немолодом возрасте.

Описывая судьбу монастыря в XVII в., С. В. Моисеев отмечает, что в 1687 г. указом новгородского митрополита Корнилия (на кафедре с 1674 по 1695 г.) монастырь был приписан к Новгородскому Архиерейскому Дому и вскоре упразднен, после чего «монахов перевели в другие обители, а храм обратили в приходский»; приход был перенесен в Ильинскую церковь на левом берегу Шелони [Моисеев, 2006].

Таким образом, в Новгородских писцовых книгах 1498 г. и 1575/1576 гг. сохранились краткие сведения о причте церкви св. Николы и насельниках Ильинского монастыря. Тихомировский Пролог содержит уникальные сведения о церковной жизни в Опоках в 1520-х годах: он сохранил имена священника Никольской церкви Василия Ивлева, дьяка Матвея, который выполнил запись, а также имя схимника монастыря — Киприана. Если согласиться с мнением С. В. Моисеева, что «наиболее ранние сведения о постройках и штате Ильинского монастыря содержатся в Писцовой книге Шелонской пятины письма Владимира Безобразова 1575/1576 г.» [Моисеев, 2006], то вкладная запись Тихомировского Пролога приобретает особую ценность, поскольку упоминание схимника Опоцкого монастыря и его контактов со служителями Никольской церкви здесь датируются более ранним временем.

Вопрос о монастырском и церковных книжных собраниях Опоцкого погоста

Описывая свою работу в Опоках, Н. К. Рерих упоминал легенду о затерянном монастырском подвале и библиотеке. Она основана на рассказе могильщиков, которые «наткнулись на неизвестный старый свод, который не были в состоянии сломать и потому снова зарыли» [Рерих, 1899. С. 16–17]. К сожалению,

каких-то подлинных сведений о книжных собраниях опочских церквей и монастыря практически не сохранилось. Важные сведения о библиотеке Ильинской обители содержатся в обнаруженной С. В. Моисеевым описи монастырского имущества, составленной 1 сентября 1596 года³.

Как пишет С. В. Моисеев, опись была составлена по указу царя Феодора Иоанновича сыном боярским Пауком Косицким, священником церкви Николы Андреем Малафеевым с дьячком Антонкой Андреевым. В ней сообщается, что в каменном храме Ильи-пророка наряду с богослужебной утварью есть небольшое книжное собрание — «более 10 богослужебных книг» [Моисеев, 2006]. Заметим, что упомянутый священник Никольской церкви Андрей Малафеев — скорее всего, тот же самый человек, имя которого указано в Писцовой книге 1576 г. («поп Ондрей Малафеев» [НПК. Т. 5. Стлб. 680]).

К сожалению, нам пока не удалось обнаружить каких-либо других сведений о книгах Ильинского монастыря и Никольской церкви. В каталоге славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника упомянута только одна книга, имеющая запись с указанием на храм из Опоцкого погоста. Это Синодик 1663 г. (с дополнениями XIX в.), когда-то хранившийся в Благовещенской церкви в Опоках, а сейчас находящийся в собрании Псковского музея-заповедника под № 38 (2586) [Каталог славяно-русских рукописей, 1991. С. 31]. Закономерно, что опочская рукопись происходит именно из сохранившейся до наших дней Благовещенской церкви (построена в 1772 г.). Эта церковь, по мнению Е. Р. Михайловой, стала «преемницей монастырской церкви св. Ильи с приделом Благовещения» [Михайлова, 1997. С. 71].

Ни Ильинский монастырь, ни Никольская церковь в записях на рукописях псковского музея не упомянуты. В исследовании А. С. Усачева [2018], посвященном выходным записям на рукописях XVI в., вообще не встречаются книги из опочских храмов.

Таким образом, Пролог, насколько нам известно, является единственной рукописью, в записи которой упомянуты Ильинский монастырь и Никольская церковь.

Редакция и текстуальные особенности Тихомировского списка Пролога

Список Тихомировского Пролога, как уже было сказано выше, имеет компилятивную структуру с точки зрения представленных в нем редакций. Большая часть апрельских и майские чтения соответствуют краткой редакции, а остальные — пространной. По нашей классификации имеющиеся тексты пространной редакции в составе Тих. 556 могут свидетельствовать о его принадлежности к Софийской группе списков этой редакции, к которой также относятся следующие рукописи Пролога: РНБ, Софийское собр., № 1344 (вторая половина XVI в.), № 1348 (вторая половина XVI в.), Основное собр. F.I.277 (XVI в.), БАН, собр. П. Н. Доброхотова, № 15 (XVI в.) и НБ ТГУ, В-25164 (вторая четверть XVII в.) [Шилова, 2013. С. 15].

³ РГАДА. Ф. 1209. Д. 16956/797. Л. 105–109.

Сходство проявляется в особенностях состава и структуры сборника. Во-первых, уникальные именно для этой группы списков статьи: Слово св. Григория Чудотворца (19 марта; начало: «Люто же лихоимство и несть единого епистолиею приложити Божественная Писания...», л. 29 об. — 30 об.); Поучение св. Василия (15 августа; начало: «Ангел напишет слово от Господа ко мнящим крестьяном...», л. 294 об. — 295).

Во-вторых, иное расположение житий и поучений, чем в других списках пространной редакции: «Слово о святем Аполинарии, како створи милостыню, притчею обогати человека, зело нища бывша» (20 июля вместо 20 августа, л. 243–245), «Поучение о усцем пути, ведущим ны в жизнь вечную и о широцем пути, ведущим в муку вечную» (18 августа вместо 15 августа, л. 300 об. — 301).

В-третьих, иные названия статей, чем в списках пространной редакции других групп: «Слово о рассуждении» (23 марта, л. 40–40 об.) вместо «Слова о судех и о въпрошании Александра», «Слово, яко добро есть даяти милостыню, нежели оставляти роду своему» (27 марта, л. 52–52 об.) вместо «Слова о не брегшем имения, но Бога».

Укажем на отличительные особенности Тих. 556. В некоторых текстах рукописи встречаются незначительные разночтения со списками пространной редакции. Например, изменено имя мученика в статье за 17 марта «Георгий» вместо «Григорий»: «Слово о Георгии игумени горы Синайския, како ангелом въсхищен бысть и обретесе в Иерусалиме, и паки в своей кельи посажен бысть» (начало: «Беаше игумен в горе Синайский, именем Георгий, велик зело...», л. 25 об. — 26). Ошибочное чтение встречается не только в названии, но последовательно используется во всем тексте.

В списке Тих. 556 есть один дополнительный текст среди чтений за 30 июля — «Слово о жене, заклавши два детища» (начало: «Поведа мних Паладий, глаголя, яко слыша се не от коего корьмника кораблем...», л. 263 об. — 264 об.).

Слово с тем же названием находится в этом и во всех других списках пространной редакции среди чтений за 19 марта (в Тих. 556 на л. 30 об. — 31 об.). Любопытно, что текстуально близкое поучение о грехе матери, убившей своих детей, чтобы второй раз выйти замуж, было обнаружено нами в другой группе списков пространной редакции 18 августа под заголовком «Слово о жене, заклавшей два детища своя».

В списке Тих. 556 тексты статей за 19 марта и 30 июля имеют разночтения, т. е. дополнительная июльская статья имеет какой-то другой источник, а не была скопирована из мартовской части списка. Для сравнения: «*Поведаше мних Паладий, глаголя, яко слышахом се от коего кормника кораблем...*» (30 об., 19 марта) / «*Поведа мних Паладий, глаголя, яко слыша се неоткоего корьмника кораблем...*» (263 об., 30 июля); «*Но сице умыслих, и рех ей: се и аз пребываю в корабли, да веси, жено, аще не поидет корабль, тамо греси держать корабль, тако же възвах корабленики // и свесиша сандал...*» (31–31 об., 19 марта) / «*По сице умыслих, рех ей: „Повелю свесити сандал и сниду в него, аще поидет корабль, то мои греси держа корабль“*» (264 об., 30 июля) (курсив наш. — И. Ш.).

Но самой яркой особенностью списка все же является его структура, объединяющая чтения пространной и краткой редакций. Подобный принцип

соединения чтений разных редакций, но в несколько другом виде, был обнаружен нами в группе списков пространной редакции (по списку Российской национальной библиотеки, собрание Общества любителей древней письменности, F. 453): в марте и апреле они содержат чтения краткой редакции, а в остальные месяцы — пространной [Шилова, 2013. С. 17]. Однако в данном случае можно говорить о целом ряде списков с определенной компилятивной структурой, в то время как Пролог Тих. 556 с другим вариантом соединения чтений краткой и пространной редакций пока является единственным известным нам списком с такой особенностью.

* * *

Рукопись Пролога из М. Н. Тихомирова Древлехранилища им. Е. И. Дергачевой-Скоп ГПНТБ СО РАН, № 556 датируется 1520-ми годами. Она содержит запись дьякона Матвея 1527 г. о том, что книга была вкладом в Никольскую церковь в Опоках схимника Ильинского Опоцкого монастыря Киприана. В ней также упомянуты священник Василий Ивлев и староста погоста Иван Спрода. На наш взгляд, вкладная запись является ценным историческим источником сведений о причте Никольской церкви Опоцкого погоста 20-х годов XVI в.

Судьба церковной библиотеки неизвестна, к настоящему времени не сохранились даже сами здания Никольского храма и Ильинского монастыря. Пролог является второй известной нам на данный момент книгой из Опоцкого погоста после рукописи Синодика 1663 г. (с дополнениями XIX в.) из Благовещенской церкви, которая сейчас находится в собрании славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника.

Список Тих. 556 имеет компилятивную структуру: большая часть апрельских и майские чтения соответствуют краткой редакции памятника, а остальные — пространной. Тихомировский Пролог можно отнести к Софийской группе списков пространной редакции. Однако наличие в нем чтений из краткой редакции позволяет говорить об особом варианте структуры Пролога, представленном в этом списке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; под ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV — начало XX вв.) / [сост. Н. П. Осипова]. Ч. 1. Псков: [б. и.], 1991. 207 с.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886. 584 стлб.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. 5: Книги Шелонской пятины. СПб., 1905. 696 стлб.

Поссевино А. Исторические сведения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М.: Изд-во МГУ, 1983. 272 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дмитриева Р. П. Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 491–499.

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 3. Монастыри закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897. 259 с.

Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3.

Михайлова Е. Р. Городок Опока // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997). Т. 2. СПб., Псков: Невельская типография, 1997. С. 67–71.

Моисеев С. В. Церковная жизнь Опоцкого погоста в XV–XVIII вв. // Краеведческие чт. Порхов-Холомки: мат-лы науч. конф. Псков: Издательство Псковского областного центра народного творчества, 2006. С. 147–158.

Охотникова В. И., Родникова И. С. Иоаким // Православная энциклопедия. Т. 23. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. С. 134–136.

Раннопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 248 с.

Рерих Н. К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. СПб., 1899. 31 с.

Седов В. В. Архив архитектуры. Новгородская архитектура на Шелони. М.: О-во историков архитектуры, 2001. 159 с.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 384 с.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М., Л.: Альянс-Архео, 2018. Т. 1. 469 с.

Шилова И. А. Динамические процессы в литературной истории древнерусского Пролога (конец XIV – начало XVII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 24 с.

Briquet C. M. Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907. Vol. 1–4.

REFERENCES

Briquet C. M. Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907, vol. 1–4. (In Fren.).

Dmitrieva R. P. Proekt serii monograficheskikh issledovaniy-izdaniy pamyatnikov drevnerusskoi literatury [Project of a Series of Monographic Studies and Publications of Monuments of Old Russian Literature]. In: Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1955, vol. 11, pp. 491–499. (In Russ.).

Likhachev N. P. Paleograficheskoe znachenie bumazhnykh vodyanykh znakov [The Palaeographical Significance of Paper Watermarks]. St. Petersburg, 1899, pts. 1–3. (In Russ.).

Mikhailova E. R. Gorodok Opoka [The Town of Opoka]. In: Pamyatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiya. Versii. Pamyati Vasiliya Dmitrievicha Beletskogo (1919–1997) [Monuments of

Antiquity. Concepts. Discoveries. Versions. In Memory of Vasily Dmitrievich Beletsky (1919–1997)]. St. Petersburg, Pskov, Nevel'skaya tipografiya, 1997, vol. 2, pp. 67–71. (In Russ.).

Moiseev S. V. Tserkovnaya zhizn' Opotskogo pogosta v XV–XVIII vv. [Church Life of the Opotsky Pogost in the 15th–18th Centuries]. In: Kraevedcheskie cht. Porkhov-Kholomki: mat-ly nauch. konf. [Local History's Readings. Porkhov-Kholomki: Proceedings of the Scientific Conference]. Pskov, Izdatel'stvo Pskovskogo oblastnogo tsentra narodnogo tvorchestva, 2006, pp. 147–158. (In Russ.).

Okhotnikova V. I., Rodnikova I. S. Ioakim [Joachim]. In: Pravoslavnaya ehntsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya ehntsiklopediya», 2010, vol. 23, pp. 134–136. (In Russ.).

Rappoport P. A. Ocherki po istorii voennogo zodchestva Severo-Vostochnoi i Severo-Zapadnoi Rusi X–XV vv. [Essays on the History of Military Architecture of Northeastern and Northwestern Rus' in the 10th–15th Centuries]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1961, 248 p. (In Russ.).

Rerikh N. K. Nekotorye drevnosti Shelonskoi pyatiny i Bezhetskogo kontsa [Some Antiquities of the Shelonskaia Piatina and the Bezhetsky Konets]. St. Petersburg, 1899, 31 p. (In Russ.).

Sedov V. V. Arhiv arhitektury. Novgorodskaya arkhitektura na Sheloni [Archive of Architecture. Novgorod Architecture on the Shelon River]. Moscow, Society of Architectural Historians, 2001, 159 p. (In Russ.).

Shilova I. A. Dinamicheskie protsessy v literaturnoi istorii drevnerusskogo Prologa (konets XIV – nachalo XVII vv.) [Dynamic Processes in the Literary History of the Old Russian Prologue (Late 14th – Early 17th Centuries)]. Abstract Diss. Cand. Philol. Sci. Ekaterinburg, 2013, 24 p. (In Russ.).

Tikhomirov M. N. Russkoe letopisanie [Russian Chronicle Writing]. Moscow, Nauka, 1979, 384 p. (In Russ.).

Usachev A. S. Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei [Book Writing in Russia in the 16th Century: Based on Dated Colophon Entries]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2018, vol. 1, 469 p.

Zverinsky V. V. Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryakh v Rossiiskoi imperii [Materials for the Historical and Topographical Study of Orthodox Monasteries in the Russian Empire]. Vol. 3. Monastyri zakrytye do tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny II [Monasteries Closed Before the Reign of Empress Catherine II]. St. Petersburg, 1897, 259 p. (In Russ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН – Библиотека Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

НБ ТГУ – Научная библиотека Томского государственного университета (г. Томск).

НПК – Новгородские писцовые книги Шелонской пятины.

РНБ – Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ШИЛОВА Инна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории археографии и источниковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, i.shilova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1434-312X>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

INNA A. SHILOVA, Candidate of Sciences (Philology), researcher of the Laboratory of Archeography and Source Studies of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, i.shilova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1434-312X>.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025;
одобрена после рецензирования 20.09.2025;
принята к публикации 22.09.2025.

The article was submitted on 01.09.2025;
approved after reviewing on 20.09.2025;
accepted for publication on 22.09.2025.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СРАЖЕНИЯ В АЛТАЙСКОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ДАТИРОВКА

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КОРОЛЁВА

Фонд «Сибирский писатель», г. Новосибирск, Россия

e.v.koroleva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2198-2547>

Аннотация. Исследование нацелено на выявление, интерпретацию и датировку исторических сражений, описанных в массиве текстов алтайской несказочной прозы, с опорой на письменные и археологические источники. В алтайской фольклорной традиции зафиксированы описания следующих исторических сражений (некоторые с отсылками к более ранним и более поздним событиям): битва телеутов и дёрбётов (ойратов) на левом берегу р. Томи (1672 г.); осада Эрдени-Дзо войсками Галдан-Бошокту (1688 г.); Тибетский поход Цэван-Рабдана (1717 г.); сражения армий сторонников Дабачи зайсанов Мамута, Мооныша, Кёё-Кёкшина против Амыр-Саны (1754 г.); сражения армий зайсанов Тёддöта, Мола, Кулжука против халха-маньчжурской армии урянхайского зайсана Эр-Чадака (1755 г.), набег отряда Кочкорбая на кочевья зайсана Кёё-Кёкшина (1759 г.). Зафиксированы предания с элементами наложения образов разновременных сражений, имевших место в одной локации и с аналогичным итогом, а также собирательные образы некоторых исторических деятелей. Сделан вывод, что алтайская несказочная проза представляет собой ценный исторический источник для изучения военных действий Джунгарии, телеутского ханства, государства енисейских кыргызов.

Ключевые слова: Алтайские исторические предания, история Джунгарского (Ойратского) государства, история Тибета, сражения кочевников XVII–XVIII вв.

Для цитирования

Королёва Е. В. Исторические сражения в алтайской несказочной прозе: интерпретация и датировка // *Universum Humanitarium*. 2025. № 2. С. 96–109. DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-96-109

HISTORICAL BATTLES IN ALTAI FOLK LEGENDS: INTERPRETATION AND DATING

ELENA V. KOROLEVA

Siberian Writer Foundation, Novosibirsk, Russia

e.v.koroleva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2198-2547>

Abstract. This study seeks to identify, interpret, and date the historical battles described in a collection of Altai folk legends, drawing upon both written and archaeological sources. The Altai folklore tradition contains accounts of several significant historical battles, some of which reference events from both earlier and later periods. These include: the Battle of the Teleuts and Dörbets (Oirats) on the left bank of the Tom River (1672); the Siege of Erdeni-Dzo by the troops of Galdan-Boshoktu (1688); the Tibetan campaign led by Tsewang-Rabdan (1717); the confrontations involving the supporters of Dabachy zaisans Mamut, Moonysh, and Köö-Kökshin against Amyr-Sana (1754); the battles between the armies of zaisans Tödööt, Mola, and Kuljukai against the Khalkha-Manchu army commanded by the Uriankhai zaisan Er-Chadak (1755); and the raid executed by Kochkorbai's detachment on the nomadic camps of zaisan Köö-Kökshin (1759). The study highlights the presence of legends that feature overlapping themes of battles occurring at different times in the same locations, often resulting in similar outcomes, as well as collective portrayals of specific historical figures. The findings suggest that Altai folk legends serve as a valuable historical resource for examining the military actions of Dzungaria, the Teleut Khanate, and the state of the Yenisei Kyrgyz.

Keywords: Altai historical legends, the history of the Dzungarian (Oirat) state and Tibet, battles of the Nomads of the 17th-18th centuries.

For citation

Koroleva E. V. Historical battles in Altai folk legends: interpretation and dating. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 2, pp. 96–109. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-96-109

Целью настоящего исследования является выявление и датировка исторических сражений, запечатленных в алтайских исторических преданиях — *кеп-куучындар* (озогы *куучындар*). В качестве источника используется массив текстов алтайских исторических преданий из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Несказочная проза, 2011], собрания В. И. Вербицкого [1893], Г. П. Потанина [2005] и Б. Я. Бедюрова [Озоги Түүкилер, 2011].

Отечественная фольклористика относит исторические предания к фольклорному жанру несказочной прозы [Несказочная проза. С. 19]. В несказочной прозе отсутствует «трансмиссия текстов», в основе данного жанра лежат «общие представления, а реальные тексты имеют как бы дочерний характер» [Чистов, 2003. С. 448–449]. Структура текста зависит от обстоятельств записи и от того, с какой целью ведется повествование [Абысова, Ойноткинова, 2024. С. 35]. При этом рассказчик уверен в достоверности описываемых событий.

В. Я. Пропп четко определил, что «фольклор есть явление исторического порядка, а фольклористика есть историческая дисциплина» [Пропп, 1975. С. 28]. В этой связи перед исследователями встают как минимум две задачи, направленные на историческую интерпретацию данных фольклора с учетом особенностей жанров. Во-первых, «показать, какие события и какие исторические личности нашли отражение в отдельных памятниках фольклора, и, соответственно, датировать их». Во-вторых, задача изучения «исторической основы» фольклора, под которой подразумевается «вся совокупность реальной жизни народа в процессе ее развития во все эпохи» [Пропп, 1975. С. 116–117].

Исторические предания наилучшим образом подходят для решения первой задачи, поскольку фиксируют отношение народа к историческим событиям, определившим его актуальное положение в социальном и географическом пространстве. Аккумулируя представления об истории, предания одновременно содержат актуальные для народа политические идеи и могут быть использованы политиками для формирования политических целей. В алтайском историческом фольклоре запечатлены места и участники сражений прошлого, даны нравственные оценки сторонам конфликтов. Будучи частью народной литературы, предания содержат элементы художественного вымысла. Например, в них могут присутствовать собирательные образы некоторых исторических героев и событий, если их ретроспективная оценка совпадает. Нередко для вынесения оценочных суждений народные рассказчики используют архаические сюжеты и мотивы [Королёва, 2018; Королёва, 2024].

Преимущество массива текстов несказочной прозы в качестве исторического источника в сравнении с другими жанрами фольклора заключается в отсутствии канона, определяющего стиль и содержание повествования, при наличии устойчивости сюжетов, которые фиксируются многократно, в различных вариантах. Полнота и сохранность алтайской традиции позволяет в отдельных случаях говорить о наличии различных линий передачи одного и того же сюжета [Королёва, 2024]. В рамках исторического исследования имеют значение географическая и генеалогическая локализации, обилие исторических фигур в числе героев, чьи имена и обстоятельства жизни могут быть верифицированы с использованием письменных источников. Несказочная проза в целом и исторические предания в частности отражают актуальные для современных алтайцев представления об истории этноса в ареале его расселения. Представляется важным определить, описание каких именно событий традиция сохраняет и транслирует будущим поколениям, датировать упоминаемые сражения и зафиксировать особенности народного исторического нарратива.

Алтайские исторические предания неоднократно оказывались в фокусе внимания исследователей. Традицию привлечения фольклорных текстов как источников информации в области этнической истории заложили В. В. Радлов и Г. П. Потанин. Развитием идей корифеев сибиреведения на протяжении всей жизни последовательно занимается Л. И. Шерстова, кандидатская и докторская диссертации которой посвящены этноконфессиональной и этнополитической истории алтайцев и других тюркских народов Сибири

[Шерстова, 1985; Шерстова, 1999]. Значительный вклад в изучение алтайского фольклора в рамках научной дисциплины филология внесли Т. М. Садалова и Н. Р. Ойноткинова [Садалова, 2022; Ойноткинова, 2013]. Исследования филологов сосредоточены на изучении фольклорных текстов и ритуалов как системы знаков и символов, транслирующих культурный контекст. Несомненным преимуществом Л. И. Шерстовой, Т. М. Садаловой и Н. Р. Ойноткиновой является владение алтайским языком и работа с оригинальными фольклорными текстами. И. В. Октябрьская анализирует исторические предания алтайцев как компоненты этнического самосознания, привлекая письменные исторические источники для сравнения и верификации фольклорных данных, что позволило частично реконструировать биографии некоторых исторических деятелей (Эрельдея, Кочкорбая).

Рассмотрим последовательно сражения, упоминания о которых содержатся в алтайском историческом фольклоре.

Битва телеутов и дёрбётов (ойратов) на левом берегу р. Томи (1672 г.)

Предание, записанное В. И. Вербицким, повествует о переходе телеутов-скедамов в подданство России. Согласно фольклорному тексту, братья князя (белые) телеуты Мамыт и Балык просят помощи русских против преследующих их дёрбётов (ойратов) и, поддержанные томскими казаками, выигрывают битву на левом берегу Томи напротив Кузнецка. Впоследствии младший Балык отправляется на встречу к русскому царю, получает богатые дары и ярлык на княжение в обход старшего брата, что приводит к конфликту между ними. Брат Мамыт со своими людьми нападает на стан Балыка и убивает его, после чего оправдывается перед русскими и остается в подданстве Белого царя [Вербицкий, 1893. С. 121]. Балык (Кожанов) — реальное историческое лицо, в документах XVII в. он назван старшим из Кожановых. По всей видимости, он действительно ездил в Москву, где встречался с царем Алексеем Михайловичем. Тогда как образ его брата, чье настоящее имя, возможно, было Мамрач, сливается с образом предводителя телеутов Мамыта (Торгаева), который принял русское подданство в 1688 г. Баскаул Мамрачев, действуя по приказу князя Табына Кокина (старшего из Абаковичей), возглавил нападение 1674 г. на «выезжих» телеутов, в ходе которого Балык с семьей были убиты. Вследствие ответной акции томских казаков пал сам Баскаул. А оправдывался и мирился с русскими властями после этого нападения князь Табын. Мамыт Торгаев присяге 1688 г. не изменял и многократно участвовал в столкновениях с джунгарами и енисейскими кыргызами на стороне русских [Уманский, 1980. С. 122–124; Голодяев, 2017. С. 18–19]. Исторические фигуры Балыка Кожанова и Мамыта Торгаева стали прототипами героев предания как инициаторы вхождения белых телеутов в состав России.

Осада Эрдени-Дзо войсками Галдан-Бошокту (1688 г.)

Осада Эрдени-Дзо войсками Галдан-Бошокту в 1688 г. упоминается в фольклоре с наложением на события 1732 г. В предании № 127 из собрания Г. П. Потанина

[2005. С. 410–411], записанном от Джамцина¹ в местности Баргу-Солон, повествуется о «хане олёттов» Галдан-бошко, который оставил сан ламы и вступил в схватку за престол после вероломного убийства «халхасцами» его родного брата-хана. Герой предания, пытаясь отомстить за смерть брата, собирает войско, берет приступом город (монастырь) Эрдени-Дзо, после чего врывается в сумун (храм) и «саблём выколупывает бадмарак-эрдени из лба бога Гумбугура». Гумбугур и его каменные собаки оживают, герой и его войско бегут и вскоре бесславно гибнут, преследуемые защитниками святыни. В герое предания без труда угадывается исторический правитель Джунгарии Галдан-Бошокту Каан (1671–1697 гг.)², вступивший в борьбу за престол после убийства его старшего брата Сенге [Златкин, 1983. С. 151]. В 1688 г. войска Галдана-Бошокту взяли приступом монастырь Эрдени-Дзо [Златкин, 1983. С. 179] в рамках кампании против Тушету-хана Чимид Дорджи, направленной на насильственное объединение западных и восточных монголов согласно ойрато-тибетской политической программе реконструкции империи Юань под знаменем школы гелукпа. Фольклорный образ Галдана-Бошокту в этом предании сливается с образом Галдан-Цэрена (1727–1745 гг.), по приказу которого в августе 1732 г. тридцатитысячная армия под руководством Цэрен-Дондоба выступила в поход по направлению к Толе и Керулену, разбила армию халха и осадила Эрдени-Дзо [Златкин, 1983. С. 243–244]. После безуспешной осады монастыря джунгарские войска вынуждены были спешно отступить под натиском Цинской (маньчжуро-халхаской) армии. Рассказчик трактует это поражение в религиозном ключе, как месть оскорбленного Гумбугура. Образы ойратских правителей сливаются не только в силу сходства имен и места действия, но, прежде всего, по причине смыслового единства двух баталлий в рамках джунгарской религиозно-политической доктрины [Китинов, 2020. С. 38, 42].

Тибетский поход Цэван-Рабдана (1717 г.)

Тибетский поход Цэван-Рабдана, предпринятый в 1717 г., запечатлен алтайской традицией в различных версиях легенды о Шуну Баатыре, записанных от Тырмая Торбокова и Табара Чачиякова [Озогы Түүкилер, 2011. С. 88–90; Несказочная проза, 2011. С. 297–303]. Одним из мотивов сюжета легенды является поход героя в благословенную страну Тангыт-Тюбют, следствием которого становятся проклятие героя, эскалация конфликта с Эдьен-Боодо (Цинским императором) и распад государства Тёрбён Ойрот (Джунгарии). Этот мотив относится к «тибетскому следу» в биографии Лобзанга Шуну [Королёва, 2018]. Исторический Лобзанг Шуну по возрасту и статусу действительно мог принимать участие в военном вторжении джунгаров в Тибет в 1717 г., которое возглавил полководец Цэрен-Дондоба старший [Златкин, 1983. С. 225]. Формальным поводом для похода стало сопровождение в Тибет зятя Цэван-Рабдана — сына

¹ Джамцин — солон, представитель одного из народов Джунгарской конфедерации, упоминаемых в алтайских преданиях, на момент знакомства с Потаниным живущий среди дархатов [Потанин, 2005. С. 22].

² Здесь и далее в скобках после имен и фамилий указаны годы правления, если не оговаривается иное.

светского правителя (гьялпо) Тибета Лхавзана (1658–1717 гг.). Реальной причиной являлось недовольство единоличным решением Лхавзана, сместившего малолетнего Далай-Ламу VI и его регента Сангье Гьяцо, что привело к выбору новой реинкарнации [Китинов, 2018. С. 23–24]. Цэван-Рабдан ставил задачей похода «очищение религии от еретиков», что подразумевало вмешательство во внутренние дела школы гелукпа, и объединение всех монгольских народов под руководством одной религиозной школы [Китинов, 2020. С. 8, 43].

Битва между Амыр-Саной и Чаган-Нараттаном на р. Чарас (1754 г.)

Бий Чаган-Нараттан из Тарбагатай, по-видимому, был сторонником Дабачы и противником Амыр-Саны. Предание повествует о сражении в районе р. Чарас летом — осенью 1754 г., во время которого Чаган-Нараттан покинул поле боя. В отсутствие военачальника алтайскую армию возглавил и привел ее к победе Кёо-Кёкшин, реальное историческое лицо, старшина дючины, расположенной в среднем течение Катунь [Моисеев, 1983. С. 103; Вербицкий, 1893. С. 122–123].

Битва между Амыр-Саной и урянхайцами под началом зайсана Мамута на берегу оз. Телецкого (1754 г.)

Предание «Бегство Ойрот-Каана», записанное на диалекте *туба-кижи* в с. Яйлю Турачакского района от А. К. Туймешева, повествует о военных действиях возле оз. Телецкого и р. Чулушмана в начале лета 1754 г., в ходе которых местное население воюет против Ойрот-Каана, применяет партизанскую тактику к отступающему войску и оборонительные сооружения *тибю*, что приводит к поражению и исходу Ойрот-Каана с Алтая [Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 341–345]. Клятва героя на отрезанном хвосте коня, место действия, а также упоминание о гибели членов семьи, по всей вероятности, указывают на фигуру Амыр-Саны — последнего самопровозглашенного правителя Джунгарии. Первый исход Амыр-Саны с Алтая, обладания которым он добивался, произошел на фоне его поражения от армии зайсана Мамута, укомплектованной урянхайцами (предками тувинцев и алтайцев). Маршрут исхода вдоль Чулушмана соответствует историческим данным, как и имена участников сражения [Моисеев, 1983. С. 55; Златкин, 1983. С. 288–289]. Развитие этого исторического сюжета поддерживает предание *Кёошö Агаш*, повествуя о погоне зайсана Мооныша за Амыр-Саной, окружении последнего в местности *Бёкён-Бёре*, вырываясь из которого герой поджигает верблюдов, а также стрелковой дуэли героев в районе *Кёшö-Агаш* и смерти Мооныша [Озоги Түүкилер, 2011. С. 136–137].

В предании «Бегство Ойрот-Каана» есть детали, которые наводят на мысль о наложении сюжетов. Это и указание на прежнее место пребывания каана в Кузнецке, и конфликт с русскими сборщиками ясака. В 1687 г. на берегу Телецкого озера произошло сражение объединенных войск Ойрот-Каана (Галдан-Бошукту хана) и енисейского правителя Еренака (Ярынака) с халха-монголами, в результате которого погиб Еренак, его сын Шап и два пасынка [Шерстова, 2005. С. 83; Шерстова, 2017. С. 28, 64]. Обстоятельства этого

сражения, равно как и многочисленные споры о праве сбора ясака представлены в отписках красноярского воеводы Игната Башковского и кузнецкого воеводы Ивана Конищева, направленных в Сибирский приказ в 1688 г. Так, И. Конищев указывал, что интересы джунгарского правителя в этом сражении представлял тайша Эйзен (Эзен), «алтырский князец» Еренак со своими людьми пришел к нему на помощь, «с ним побито 300 человек, а калмыков и соян побито тысяч с шесть». По итогам сражения поле боя осталось за халха, а джунгары и их союзники отступили «к черни и стоят в крепких местах». В источниках упоминается организованное переселение кыргызов вглубь Джунгарии и гибель брата Ойрот-Каана на войне с халха-монголами [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995. С. 185–188, 195–196, 198]. Наложение разновременных сюжетов в фольклорной традиции возможно, если эти сюжеты могут быть объединены согласно ретроспективной исторической оценке произошедшего. В данном случае оба сражения привели к исходу прежних правителей и в конечном итоге к включению Алтая в состав России.

Поражение Эр-Чадака от армии Төддöта на поле Мунгаш-јалан

В предании Чадак — антагонист и преследует цель привести алтайских зайсанов к покорности Цинской династии, сломив сопротивление военным путем. Зайсан Төддöт наносит ему поражение недалеко от р. Чуи, между реками Ильгумень и Яломан на поле *Мунгаш јаланг* [Вербицкий, 1893. С. 123]. Для датировки событий, описанных в предании, необходимо подробнее остановиться на личности Чадака. Это урянхайский зайсан, неоднократно упомянутый в донесениях как российских, так и маньчжурских служилых людей конца XVIII в., в частности известно, что в ноябре 1754 г. Чадак вместе с другими урянхайскими зайсанами кочевал в бассейнах р. Чуи и р. Кобдо, подчиняясь приказу Дабачы [Моисеев, 1983. С. 60]. Смена политической ориентации героя происходит при драматических обстоятельствах. В конце ноября 1754 г. кочевья зайсанов Чадака, Чилуна и Яэрдун были ограблены Цинской армией, ведомой Амыр-Саной, Саларом и другими ойротскими военачальниками, восставшими против Дабачы. Таким образом, интервенция и гражданская война сопутствуют друг другу. Согласно указанию Цинского императора, пойманных урянхайских зайсанов вместе с подчиненными им людьми предписывалось переселять в район Кобдо, под контроль лояльного Цинам Цэрэна, а оказавших сопротивление — уничтожать. Уже к началу 1755 г. зайсаны Чадак, Чилун и Тубшин перешли на службу к Цинам, следуя за Амыр-Саной и поддержав его претензии на джунгарский престол, после чего их самих и подчиненные им воинские отряды маньчжуры стали использовать для военных действий на Алтае [Моисеев, 1983. С. 62]. Эту линию развивает предание «Сын Эзена — Эр Чадак» [Озогы Түўкилер, 2011. С. 151–153; Несказочная проза, 2011. С. 344–349]. Чадак полагает, что все алтайские зайсаны должны подчиниться маньчжурам, следуя за Амыр-Саной, но значительная часть сохраняет верность Дабачы и сначала уходит от прямого столкновения, а затем вступает в бой, после чего герой называет зайсанов предателями и проклиняет, используя ритуальную формулу.

Битва Эр-Чадака и алтайских зайсанов Молы, Кулжукая и Тузагаша в Урскульской долине (1755 г.)

Битва Эр-Чадака и алтайских зайсанов Молы, Кулжукая и Тузагаша состоялась в Урскульской долине не позднее лета — осени 1755 г. и закончилась победой алтайцев. Когда стало известно о подкреплении для Чадака, которое двигалось со стороны Ябаганского перевала, зайсаны организовали эвакуацию раненых и обозов вниз по Чарышу, по пути устроив засаду с ловушками *жабак* в местности Корогон на берегу Чарыша [Озогы Түўкилер, 2011. С. 151–153; Несказочная проза, 2011. С. 344–349]. Согласно преданию, недалеко от Корогона младший брат павшего богатыря Толдоя тяжело ранил Чадака, после чего тот покинул Алтай. Участие в этом сражении урянхайца Кулжукай примечательно тем, что этот исторический деятель в составе делегации южноалтайских зайсанов Намчи, Кутука и Камыка посетил Пекин, был принят императором, получил цинский титул и дары, а также наказ готовиться присоединиться к походу Цинской армии против Амыр-Саны весной 1756 г. [Моисеев, 1983. С. 71]. Однако ожиданиям императора не суждено было сбыться, уже в декабре 1756 г. Кулжукай был объявлен в розыск как активный участник сопротивления интервентам [Русско-джунгарские отношения, 2006. С. 212].

Предание о сыновьях Солтона приписывает смертельное ранение Чадака братьям Боору и Ак-Билеку во время стрелковой дуэли в местности Чуй-Бажында Тёжу Тайга [Несказочная проза, 2011. С. 356; Озогы Түўкилер, 2011. С. 174–175]. Вполне возможно, что вариативность преданий о победе над Чадаком связана с тем, что это была последняя победа пост-ойратских вооруженных сил на развалинах государства. Традиция делает Чадака исполнителем маньчжурского приказа о насильственном переселении алтайцев, ликвидации всех возможных наследников престола и их наставников и, как следствие, независимости Ойратского государства. Таким образом, Эр-Чадак воплощает идеальный портрет антагониста, в то время как его товарищ по учебе в Тибетском монастыре Боор — идеальный образ героя сопротивления.

Не ясно, когда разошлись пути Чадака и Амыр-Саны, вполне возможно, что Чадак погиб до начала восстания, поскольку его имя не упоминается в русских источниках после 1755 г. После восстания Амыр-Саны в декабре 1755 г., поддержанного алтайскими урянхайцами весной 1756 г., император Цяньлун отдал приказ о тотальном уничтожении ойратов и их союзников. Поэтому сражения после 1756 г. скорее походят на побоища [Озогы Түўкилер, 2011. С. 237]. Цинская интервенция, баранта со стороны казахов, эпидемия оспы в совокупности привели тому, что распад Джунгарского государства пережило не более 10% населения [Моисеев, 1983. С. 66–67, 71–72]. Алтай не был центром страны в период ее расцвета, но стал средоточием событий, которые привели к ее краху. Не удивительно, что устная традиция коренного населения хранит память о последней ойратской войне как о событии эсхатологического масштаба.

Набег отряда Кочкорбая на кочевья зайсана Кёё-Кёкшина в среднем течении р. Катунь (февраль 1759 г.)

Набег был зафиксирован в рапорте сибирского губернатора Ф. И. Соймонова в Коллегию иностранных дел от 19 марта 1759 г. [Международные отношения, 1989. С. 138–141] и наравне с другими казахскими набегами нашел отражение в алтайских исторических преданиях [Потанин, 2005. С. 218; Несказочная проза, 2011. С. 360–369; Озогы Түүкилер, 2011. С. 141–151]. Примечательно, что описание набега Кочкорбая, данное Ф. И. Саймовым, совпадает с фольклорным. Налет был совершен внезапно, застал людей Кёё-Кёкшина врасплох, имел целью угон скота и захват пленных, преимущественно женщин и детей. В нескольких версиях преданий описывается гибель Кочкорбая от пуль героев Бүдүки и Эрельдея [Несказочная проза, 2011. С. 364–366; Озогы Түүкилер, 2011. С. 141–142]. Оба героя являются историческими личностями: Эрельдей Маачаков в рапорте И. Шаболина от 1755 г. именуется «таутелеутом», а в том же году в донесении Цэнгуджаба, адресованного Цинскому императору Цаньлуну, дается отчет об «усмирённых урянхах», один из которых – «Бучжукэ» – ушел от преследования [Мойсеев, 1983. С. 69]. История жизни Эрельдея и Бүдүки, а также Кочкорбая, частично реконструирована в трудах Г. П. Самаева [1991. С. 152], Л. И. Шерстовой [2014. С. 24] и И. В. Октябрьской [2011. С. 72–74]. По данным Г. П. Самаева, Кочкорбай был убит в 1759 г. на обратном пути из алтайского набега, о чем было доложено русским пограничным караулам [Самаев, 1991. С. 153]. Таким образом, фабула предания в данном случае соответствует документальным свидетельствам.

Битва в междуречье Бии и Катунь

В алтайской традиции есть описание Битвы в междуречье Бии и Катунь, которая произойдет в будущем в ознаменование завершения прежнего цикла чак и начала нового космологического периода [Озогы Түүкилер, 2011. С. 68–77, 190]. Результатом этой битвы станет победа Ойрот-Каана и восстановление его государства. Подробно обстоятельства и приметы завершения старого цикла описаны в предсказаниях ламы Боора, в заключении предания о сыновьях Солтона. Согласно фольклорной биографии, Боор провел в Тибете как минимум 17 лет, получая религиозное образование [Озогы Түүкилер, 2011. С. 158]. Не удивительно, что его пророчества наполнены буддийской символикой. В версии, записанной Б. Я. Бедюровым от Кейлюка Майчикова и Айылдаша Анатова в с. Кулады в 1969 г., старец Боор повествует о наступлении «Боро Түүки, калганчы чак» – о «Волчьем веке, последнем сроке», когда в страшной войне вся поверхность земли сгорит дотла, а после все живые существа возродятся [Озогы түүкилер, 2011. С. 188]. Далее провидец упоминает о разгуле стихий, измельчании народа, а, следовательно, и о сокращении продолжительности жизни. В буддийской традиционной космогонии продолжительность жизненного цикла напрямую связана с размерами тела живого существа, а также характеристиками среды обитания [Ермакова, Островская, 2009. С. 124–131]. Конец кальпы сопровождается нарушением равновесия стихий и катастрофами. Именно о таком периоде завершения рассказывает Боор.

Но как бы ни был страшен *Боро Түүки*, после снова наступит *амыр* — мир и покой [Несказочная проза алтайцев, 2011. С. 360]. Восстановление утраченного равновесия после воплощения³ праведного государя сопровождается возвращением золотой кукушки *алтын күүк* на священное дерево *Бай-Терек*, восстановлением государства *Төрбөн Ойрот* с его храмами *сүме* и геральдическими атрибутами [Озогы Түүкилер, 2011. С. 68–77, 190].

Большая часть алтайских исторических преданий, опубликованных в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», в собраниях Б. Я. Бедюрова, В. И. Вербицкого и Г. П. Потанина, повествуют об истории III Ойратской конфедерации (Джунгарского государства) XVII–XVIII вв. и описывают вооружение, фортификацию и сражения трех периодов: джунгарского / ойратского (1635–1745 гг.); ойратской гражданской войны, спровоцированной конфликтами из-за престолонаследия (1745–1755 гг.); Цинской интервенции (1754 г. — 1760-е годы).

Исторические предания алтайцев запечатлели имена таких исторических деятелей, как князь енисейских кыргызов Ярынак (Иренак, Еренак, погиб в 1687 г.), ойротские правители Галдан Бошокту (1671–1697 гг.), Цэван-Рабдан (1697–1727 гг.), Галдан-Цэрен (1727–1745 гг.), Дабачы (1752–1755 гг.), Амыр-Санаа (умер в 1757 г.)⁴, член чороской династии Эр-Шуну (годы жизни — около 1698–1732 гг.), родственники ойратских правителей Солтон и его сыновья, урянхайские зайсаны Мамут, Эр-Чадак, Молы, Кулжукай и Тузагаш, зайсаны кан-каракольской земли Кёё-Кёкшин, Эрельдей, Эскинчек, Бүдүки, телеутские зайсаны Балык Кожанов и Мамыт Торгаев и другие. Большинство перечисленных героев имеют прямых потомков среди алтайцев.

Рассуждая о фольклорном наследии сибирских народов, В. Я. Пропп предполагал, что «фольклор для некоторых народов окажется драгоценным историческим источником, по которому этнограф реконструирует и социальный строй, и представления народа» [Пропп, 1975. С. 30]. Приведенные выше примеры свидетельствуют, что алтайские исторические предания представляют собой ценный исторический источник, который может применяться, в частности, для изучения военных действий Джунгарии, телеутского ханства, государства енисейских кыргызов. Представления о грядущих событиях, включенные в исторические предания алтайцев, характеризуют актуальные для того времени политические нарративы. Исторические предания аккумулируют современные представления об этнической истории, границах этнической территории, об осознаваемом прошлом и ожидаемом будущем алтайского народа.

³ Возвращение в значении воплощение передается в алтайском языке синонимичной парой глаголов *айлан* и *кубул* (отсюда *кубулган*).

⁴ Подробно о биографии правителей и членов их семей см.: [Златкин, 1983. С. 159, 214, 235, 282; Тулохонов, 1973. С. 147; Моисеев, 1983. С. 64, 86].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Озогы Түүкилер // Алтайские легенды и предания ойротской и царской эпох / сост. Я. Бедюрова. Горно-Алтайск: Алтан-Туу, 2011. 424 с.

Международные отношения в Центральной Азии, XVII–XVIII вв. Документы и материалы / сост. Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 340 с.

Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30).

Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик, отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абысова С. В., Ойроткинова Н. Р. Несказочная проза алтайцев: теоретические аспекты. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2024. 320 с.

Бутанаев В. А., Абдыкалыков А. Н. Материалы по истории Хакасии: XVII – начало XVIII вв. Абакан: Лаборатория этнографии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1995. 260 с.

Вербицкий И. В. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / под ред. А. А. Иванковского. М., 1893. 221 с.

Голодяев К. А. Телеутская межа (история неизвестной столетней войны) // Развитие территорий. 2017. № 3 (9). С. 13–20.

Ермакова Т. В., Островская Е. П. Классический буддизм. СПб.: Издательский Дом «Азбука-Классика»; «Петербургское Востоковедение», 2009. 256 с.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства: 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 334 с.

Китинов Б. У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 53 с.

Китинов Б. У. Тибетский контекст в хошутско-цинских отношениях: от равенства к подчинению // Oriental Studies. 2018. Т. 36. № 2. С. 20–28.

Королёва Е. В. «Зоны умолчания» алтайских исторических преданий: генезис и эволюция во времени // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 1 (35). С. 58–65.

Королёва Е. В. Образ Ойрот-Каана в исторических преданиях алтайцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 33–40.

Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Наука, 1983. 149 с.

Октябрьская И. В. «Свой» и «чужие». Этническая история Алтая сквозь призму фольклора // Tartaria Magna. 2011. № 1. С. 66–84.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. 2-е изд. Репринт. воспроизведение изд. 1883 г. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. 1025 с.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976. 326 с.

Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1991. 256 с.

Тулохонов М. И. Бурятские исторические песни. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1973. 245 с.

Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.

Чистов К. В. Русская народная утопия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 540 с.

Шерстова Л. И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XIX – начало XX в.: учебное пособие. Томск: Издательство Томского университета, 2017. 252 с.

Шерстова Л. И. Алтай-кижи в конце XIX – начале XX вв.: история формирования этноконфессиональной общности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.

Шерстова Л. И. История не пишется – история рассказывается... // Алтайские исторические предания Ойротской эпохи: XVII–XIX вв. / гл. ред. и сост. Б. Я. Бедюров; пер. Е. В. Королёвой. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2014. С. 23–32.

Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

Шерстова Л. И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири. XVII – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1999. 46 с.

REFERENCES

Abysova S. V., Oynotkinova N. R. Neskazochnaya proza altaitsev: teoreticheskie aspekty [Altai Non-Fairy Tale Prose: Theoretical Aspects]. Gorno-Altai, NII altaistiki im. S. S. Surazakova, 2024, 320 p. (In Russ.).

Butanaev V. A., Abdykalykov A. N. Materialy po istorii Hakasii: XVII – nachalo XVIII vv. [Materials on the History of Khakassia: 17th – Early 18th Centuries]. Abakan, Laboratoriya etnografi Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova, 1995, 260 p. (In Russ.).

Chistov K. V. Russkaya narodnaya utopiya [The Russian Folk Utopia]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2003, 540 p. (In Russ.).

Ermakova T. V., Ostrovskaya E. P. Klassicheskii buddizm [Classical Buddhism]. St. Petersburg, Izdatel'skii Dom «Azbuka-Klassika»; «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2009, 256 p. (In Russ.).

Golodyaev K. A. Teleutskaya mezha (istoriya neizvestnoi stoletnei voiny) [The Teleut Boundary (The History of an Unknown Hundred-Year War)]. *Territory Development*, 2017, no. 3 (9), pp. 13–20. (In Russ.).

Kitinov B. U. Buddiiskii faktor v politicheskoi i etnicheskoi istorii oiratov (seredina XV v. – 1771 g.) [The Buddhist Factor in the Political and Ethnic History of the Oirats (mid-15th – 1771)]. Diss. Dr. Hist. Sci. Moscow, 2020, 53 p. (In Russ.).

Kitinov B. U. Tibetskii kontekst v khoshutsko-tsinskih otnosheniyakh: ot ravenstva k podchineniyu [The Tibetan Context in Khoshut-Qing Relations: From Equality to Subordination]. *Oriental Studies*, 2018, vol. 36, no. 2, pp. 20–28. (In Russ.).

Koroleva E. V. Obraz Oirot-Kaana v istoricheskikh predaniyakh altaitsev [The Image of Oirot-Kaan in the Context of the Altai Historical Legends]. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2024, vol. 31, no. 2, pp. 33–40. (In Russ.).

Koroleva E. V. «Zony umolchaniya» altaiskikh istoricheskikh predanii: genezis i evolyutsiya vo vremeni [“Zones of Silence” in the Altai Historical Legends: Genesis and Evolution in Time]. *Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia*, 2018, no. 1 (35), pp. 58–65. (In Russ.).

Moiseev V. A. Tsinskaya imperiya i narody Sayano-Altaya v XVIII v. [The Qing Empire and the Peoples of the Sayan-Altai in the 18th Century]. Moscow, Nauka, 1983, 149 p. (In Russ.).

Oktyabrskaya I. V. «Svoi» i «chuzhie». Etnicheskaya istoriya Altaya skvoz' prizmu fol'klora [“Ours” and “Others”. The Ethnic History of Altai through the Prism of Folklore]. *Tartaria Magna*, 2011, no. 1, pp. 66–84. (In Russ.).

Potantin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays on North-Western Mongolia] / 2nd ed. Reprint reproduction of the 1883 ed. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 2005, 1025 p. (In Russ.).

Propp V. Ya. Fol'klor i dejstvitel'nost': izbrannye stat'i [Folklore and Reality: Selected Articles]. Moscow, Nauka, 1976, 326 p. (In Russ.).

Samaev G. P. Gornyi Altai v XVII – seredine XIX v.: problem politicheskoi istorii i prisoedineniya k Rossii [The Mountain Altai in the 17th – Mid-19th Century: Problems of Political History and Accession to Russia]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskoe otdelenie Altaiskogo knizhnogo izd-va, 1991, 256 p. (In Russ.).

Sherstova L. I. Aborigennaya politika Rossii i etnopoliticheskie protsessy v Sibiri: konets XIX – nachalo XX v.: uchebnoe posobie [Aboriginal Policy of Russia and Ethnopolitical Processes in Siberia: Late 19th – Early 20th Centuries: A Textbook]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2017, 252 p. (In Russ.).

Sherstova L. I. Altai-kizhi v kontse XIX – nachale XX vv.: istoriya formirovaniya etno-konfessional'noi obshchnosti [Altai-Kizhi in the Late 19th – Early 20th Centuries: The History of the Formation of an Ethno-Confessional Community]. Abstract Diss. Cand. Hist. Sci. Leningrad, 1985, 16 p. (In Russ.).

Sherstova L. I. Etnopoliticheskaya istoriya tyurkov Yuzhnoi Sibiri. XVII – nachalo XX vv. [Ethnopolitical History of the Turks of Southern Siberia. 17th – Early 20th Century]. Abstract Diss. Dr. Hist. Sci. Tomsk, 1999, 46 p. (In Russ.).

Sherstova L. I. Istoriya ne pishetsya – istoriya rasskazyvaetsya... [History is not Written – History is Told...]. In: Altaiskie istoricheskie predaniya Oirotskoi epokhi: XVII–XIX vv. [Altai Historical Legends of the Oirot Era: 17th – 19th Centuries] / ed. and comp. by B. Ya. Bedyurov; transl. by E. V. Koroleva. Novosibirsk, Akademicheskoe izdatel'stvo «Geo», 2014, pp. 23–32. (In Russ.).

Sherstova L. I. Tyurki i russkie v Yuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka. [Turks and Russians in Southern Siberia: Ethnopolitical Processes and Ethnocultural Dynamics of the 17th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk, IAET SO RAN, 2005, 312 p. (In Russ.).

Tulokhonov M. I. Buryatskie istoricheskie pesni [Buryat Historical Songs]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973, 245 p. (In Russ.).

Umansky A. P. Teleuty i russkie v XVII–XVIII vekakh [The Teleuts and the Russians in the 17th–18th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 296 p. (In Russ.).

Verbitsky I. V. Altaiskie inorodtsy. Sbornik etnograficheskikh statei i issledovaniy altaiskogo missionera, protoiereya V. I. Verbitskogo [Altai Indigenous Peoples. A Collection of Ethnographic Articles and Studies by the Altai Missionary, Archpriest V. I. Verbitsky] / ed. A. A. Ivanovsky. Moscow, 1893, 221 p. (In Russ.).

Zlatkin I. Ya. Istoriya Dzhungarskogo khanstva: 1635–1758 [History of the Dzungar Khanate: 1635–1758] / 2nd ed. Moscow, Nauka, 1983, 334 p. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КОРОЛЁВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, эксперт-консультант Фонда «Сибирский писатель», г. Новосибирск, Россия, e.v.koroleva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2198-2547>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ELENA V. KOROLEVA, expert-consultant of the Siberian Writer Foundation, Novosibirsk, Russia, e.v.koroleva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2198-2547>.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025;
одобрена после рецензирования 03.10.2025;
принята к публикации 05.10.2025.

The article was submitted on 30.04.2025;
approved after reviewing on 03.10.2025;
accepted for publication on 05.10.2025.

«ПОВЕСТЬ О БОВЕ-КОРОЛЕВИЧЕ» В СБОРНИКЕ ИЗ СОБРАНИЯ АКАДЕМИКА М. Н. ТИХОМИРОВА

ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА ТУРУК¹,
ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА БОГДАНОВА²

^{1,2} Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

¹ e.turuk@ngsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9499-9129>

² t.bogdanova1@ngsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1974-4594>

Аннотация. Статья посвящена изучению «Повести о Бове-королевиче» в составе сборника XVIII в. Исследование проведено на материале рукописного сборника № 365 из собрания академика М. Н. Тихомирова, хранящегося в Отделе редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН. Эта рукопись не была известна исследователям Повести о Бове и не упоминалась ни в одном перечне списков произведения. В статье дается подробное археографическое описание рукописи, в результате анализа состава делается вывод о типе сборника (по классификации М. Н. Сперанского). Анализ текстуальных особенностей Повести о Бове показал, что список наиболее близок к третьей редакции, однако в нем есть специфические черты: расширяется и сокращается повествование, имеются фактологические разночтения (изменены имена и судьбы некоторых персонажей, есть различия в числительных, меняется сюжет). Эти разночтения позволяют предположить, что в Тихомировском списке представлена особая разновидность третьей редакции памятника.

Ключевые слова: Повесть о Бове-королевиче, рукописный сборник, поздняя рукописная традиция.

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» в Новосибирском государственном университете.

Для цитирования

Турук Е. А., Богданова Т. А. «Повесть о Бове-королевиче» в сборнике из собрания академика М. Н. Тихомирова // Universum Humanitarium. 2025. № 2. С. 110–125. DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-110-125

“THE TALE OF BOVA THE PRINCE” IN THE MANUSCRIPT FROM THE COLLECTION OF ACADEMICIAN M. N. TIKHOMIROV

EKATERINA A. TURUK¹, TAMARA A. BOGDANOVA²

^{1,2} *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

¹ e.turuk@ngsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9499-9129>

² t.bogdanova1@ngsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1974-4594>

Abstract. This article examines “The Tale of Bova the Prince” as part of an 18th-century collection. The study examines the manuscript collection no. 365 from the collection of Academician M. N. Tikhomirov, which is housed in the Rare Books and Manuscripts Department of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Notably, this manuscript was previously unknown to scholars investigating “The Tale of Bova” and was not referenced in any catalogs of existing copies. The article provides a thorough archaeographic description of the manuscript. An analysis of its composition allows us to draw conclusions regarding the type of collection, based on M. N. Speransky’s classification. Additionally, a close examination of the textual features of “The Tale of Bova” indicates that this copy bears the greatest similarity to the third edition. However, it also exhibits distinct characteristics: the narrative contains both expansions and abbreviations, along with factual discrepancies — including changes to character names and fates, variations in numerals, and alterations to the plot.

Keywords: “The Tale of Bova the Prince”, manuscript collection, late manuscript tradition.

Acknowledgements: The study was funded by the strategic academic leadership program “Priority 2030” at Novosibirsk State University.

For citation

Turuk E. A., Bogdanova T. A. “The Tale of Bova the Prince” in the Manuscript from the Collection of Academician. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 2, pp. 110–125. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-110-125

«Повесть о Бове-королевиче» — памятник древнерусской литературы с уникальной историей. Сказания о приключениях Бово д’Антоня возникли в Европе в XII–XIII вв. и были широко распространены во Франции, Италии, Англии, Нидерландах и других странах. В Россию сложным путем попала итальянская версия, не позднее XVI в. произведение получило широкое распространение на русской почве [Кузьмина, 1964. С. 23–24], где приобрело популярность, не угасавшую на протяжении более трех столетий: читателям очень понравился богатырь, храбро сражающийся с чудовищами и врагами, чтобы вернуть себе несправедливо отобранный отцовский престол и завоевать любовь прекрасной королевны. Так, «Повесть о Бове-королевиче» стала ярким примером того, как западноевропейский авантурный сюжет,

переосмысленный в контексте русской культуры, обрел новую жизнь и стал частью национального культурного наследия.

Наиболее крупный вклад в изучение Повести внесли А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский и В. Д. Кузьмина. А. Н. Пыпин вписал произведение в рамки развития русской словесности, установил ее связи с западноевропейскими источниками [Пыпин, 1857]. А. Н. Веселовский подробно исследовал связь «Повести о Бове-королевиче» со старофранцузской поэмой, выявляя общие сюжетные элементы и различия, он акцентировал внимание на проникновении в повесть сказочных мотивов и образов [Веселовский, 1888]. В. Д. Кузьмина занималась текстологическим изучением произведения [Кузьмина, 1941; Кузьмина, 1964]. Дополнив в 1964 г. свое исследование новыми сведениями о рукописных текстах, она выделила пять редакций повести, опираясь на один белорусский список (так называемый «познаниский») и 60 русских списков XVII–XIX вв.

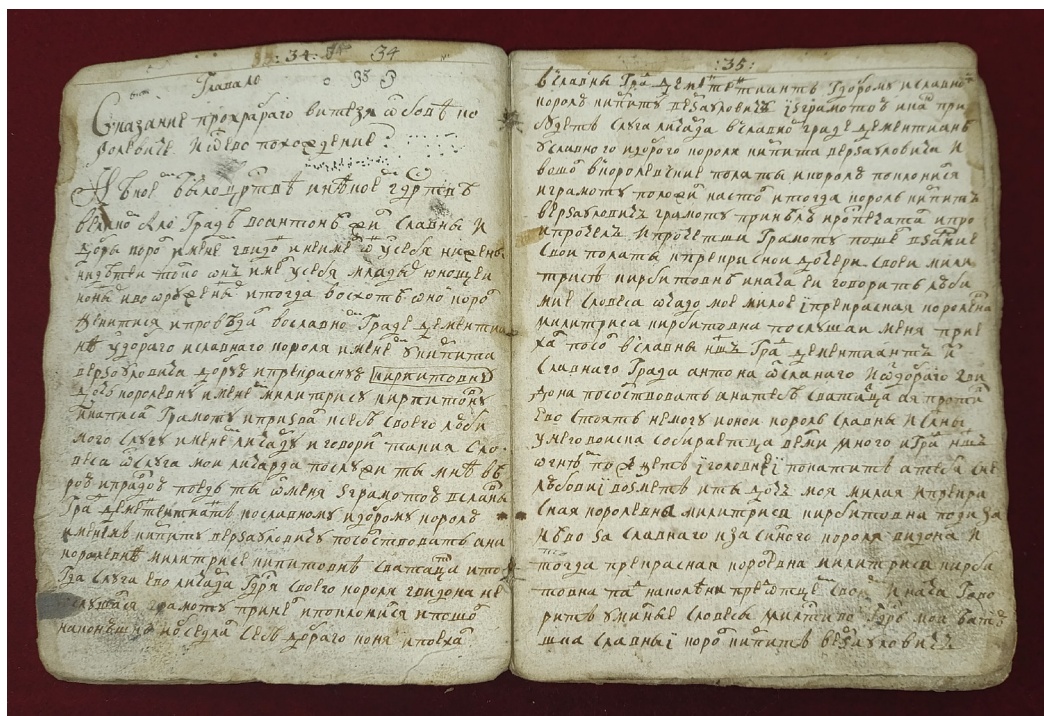
В собрании М. Н. Тихомирова, хранящемся в Отделе редких книг и рукописей (Древлехранилище им. Е. И. Дергачевой-Скоп) ГПНТБ СО РАН содержится список № 365, датированный XVIII в. К настоящему времени опубликовано краткое описание этой рукописи [Тихомиров, 1968]. Исследовательницей Т. Н. Аpsит было установлено, что в описании сборника «Повестью о Францеле Венециане» ошибочно названа «Повесть о Франце Иммензолиусе» [Аpsит, 1981. С. 107]. Отдельному изучению «Повести о Франце Мемзонзилиусе» именно в составе этого сборника посвящена публикация А. А. Михалиной [1977. С. 125–135]. Больше эта рукопись к исследованию не привлекалась.

В данной статье впервые проанализирована Повесть о Бове в составе списка № 365 из собрания М. Н. Тихомирова Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. Кроме того, поскольку существующее описание сборника занимает всего шесть строк, первоочередной задачей представляется составление нового, более полного описания рукописи в целом.

Описание рукописного сборника № 365 из собрания М. Н. Тихомирова

Рукопись представляет собой сборник формата 4° (16,7 см × 21,5 см). Его сохранность оценивается как удовлетворительная: крышка переплета и первые листы утрачены, на корешке видны жгуты, на плотной пожелтевшей бумаге с верхе и понтюзо часто встречаются пятна, следы от воска и огня, но при этом текст хорошо читается, поскольку написан разборчивой скорописью, яркими железистыми и черными чернилами. Рукопись написана на 73 л. разными почерками, но не является конволютом. Отчетливо различимы два почерка XVIII в., чередующиеся как внутри отдельных произведений, так и между ними: первый почерк на с. 17–28, 31–94, 97–146, 157–162, 164–168; второй почерк – с. 153–156, 162–164, 168–169 (илл. 1).

Фолиация: 1–6, [7], 8–39, [40], 41–65, [66, 67, 68], 69–78 = 73 л. Писцовая пагинация: 17–28, 31–94, 97–146, 153–169, 171–172, [173] = 146 с. Нумерация темными железистыми чернилами вдоль верхнего края посередине листа арабскими цифрами.

Илл. 1. Начало Повести о Бове

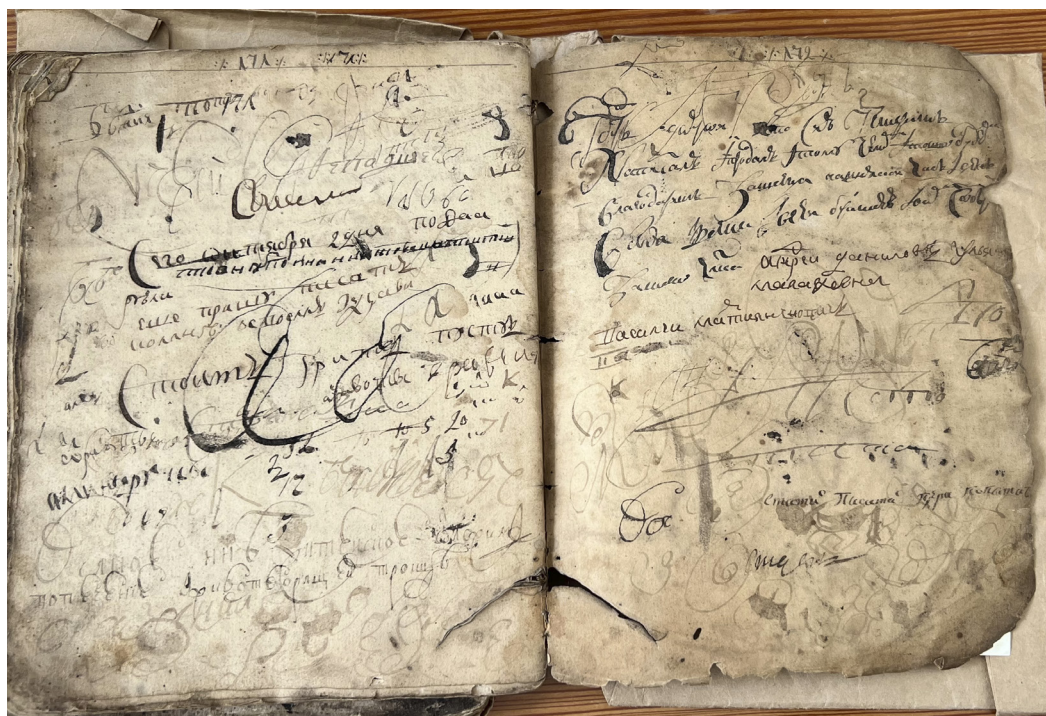
Источник: ГПНТБ СО РАН, собрание М. Н. Тихомирова, рукопись № 365, с. 34–35

Fig. 1. The beginning of the Tale of Bova

Source: SPSTL SB RAS, collection of M. N. Tikhomirov, the manuscript № 365, pp. 34–35

Сигнатуры: $[1]^6 + [2-5]^8 + [6]^{10} + [7]^{16-1} + [8]^{10} = 73$ л. Нумерация тетрадей отсутствует. Между тетрадами 1 и 2 – сбой пагинации, пропущены с. 29–30. Между тетрадами 7 и 8 – сбой пагинации, пропущены с. 147–152. В тетради 7 последний лист обрезан. Орнамент рукописи отсутствует.

Записи: на бумаге, в которую обернут книжный блок: «Тих. № 365», «Сказание про храбраго витезя о бове королевиче и ево похождение (с. 34–102)», «История о королевиче ишпанском Франце. Стр 110–143», «Житие по природе остроумнаго езопа Стр 143–169» (скоропись XX в., синий карандаш, на всей лицевой стороне листа); «Экслибрис см на последнем листе рукописи» (скоропись XX в., черная ручка, верхний внешний угол); на с. 34 проба пера и цифры «33», «34» и «3» (скоропись XVIII в., черные чернила, верхний внутренний угол листа); на с. 47 цифра «17» (скоропись XVIII в., черные чернила, верхний край листа); на с. 46 проба пера и цифры «8», «10», «4», «25» (скоропись XVIII в., черные чернила, верхний внутренний угол листа); на с. 110 проба пера, буква «Б» и «Бово» (скоропись XVIII в., бледные черные чернила, нижний внутренний край листа); на с. 111 проба пера и цифра «111» (скоропись XVIII в., черные чернила, верхний край листа); на с. 143 проба пера и «?//осе число» (скоропись XVIII в., черные чернила, правая сторона листа); на с. 171 цифры «171», «171» и записи

Илл. 2. Разворот с записями

Источник: ГПНТБ СО РАН, собрание М. Н. Тихомирова, рукопись № 365, с. 171-172

Fig. 2. A spread with notes

Source: SPSTL SB RAS, collection of M. N. Tikhomirov, the manuscript № 365, pp. 171-172

«Сего октября 2 дня», «еще прошу писать ко мне о своемъ ...ави», «стоитъ гра... пусту», «Всякое ныне житеиское отложимъ попечение и животворящей троице»; на с. 172 «Государь добрый кто сию <...> написал и продал тому человеку <...> Благодарил за <...>», «Андрей Данилович», «Ульяна Макаровна», «Василий Мартианович»; на с. 173 «Всепросветлейшая», «Елисавете», «и прочая и прочая» (илл. 2).

Бумага основной части листов книжного блока белая, пожелтевшая, плотная, различимы филигранны: 1) КОМЕРЦЪ КОЛЕГИИ (близкий: Участкина, № 622-1737 г.; Komerts kolegii) [Uchastkina, 1962]; 2) 1742(?) ГОДУ (без двуглавого орла в круге, последняя цифра под вопросом, несколько схожий: Клепиков, № 601-1742 г.) [Клепиков, 1959]; 3) МК 1745 ГОДУ (близкий: Участкина, № 353-1755 г.; Manufaktur-kolegia) [Uchastkina, 1962]; 4) Pro Patria, с контрамаркой «GR» под короной (встречается начиная со с. 117 сборника, подобный: Лауцявичюс, № 2893-1765 г.) [Лауцявичюс, 1979]. Анализ бумажных знаков показал, что в первых тетрадах составитель сборника использовал залежалую казенную бумагу русского производства конца 1730-1740-х годов, а в последних — бумагу 1760-х годов иностранного производства, что смещает датировку сборника не ранее чем на 1765 г.

Состав:

- 1) л. 1. Текст без начала, заключительный фрагмент текста со слов: «Не рещи о себе азъ несмь человекъ но диавол...»¹ (это текст из «Великого Зерцала» «О некоем воине, иже о имени пресвятыя богородица избавися», текст опубликован [Державина, 1965. С. 195–196]);
- 2) л. 1–3. «Глава 5». Нач.: «Пречистыя Богородица раба своего иже божественную с радостью послушаше...» (аналогично легенде из «Великого Зерцала»: «Пречистыя Богородица раба своего, иже божественную литургию с радостью послушаше, от огня избави и на носящего же зло обрати»);
- 3) л. 3–3 об. «Глава 6». Нач.: «Отроча умершее у жены и убицу показа неповинную от смерти свободи...»;
- 4) л. 3 об. — 5. «Глава 7». Нач.: «Честна рода некто богатыи человек богатство свое не разсудными...»;
- 5) л. 5–7. «Глава 8». Нач.: «О некоеи жене еже предстательством пресвятыя Богородицы паки ожеве и покаяся»;
- 6) л. 7 об. — 8. Нач.: «...Яко и [зело] возлюб ея и по лете оны призываи девицу...» (это небольшие рассказы с лаконичным назидательным сюжетом, стилистически и содержательно близкие, что позволяет предположить их общий источник из «Великого Зерцала»);
- 7) л. 8 об. — 39; 41–43 об. «Глава 10. Сказание про храброго витезя о Бове королевиче и о ево похождение». Нач.: «Некоем было царстве и некоем государстве великом было граде во Антоне жил славны и добры корол именем Гвидон...»;
- 8) л. 44–47 об. «Сказание о ризе Господа нашего Иисуса Христа». Нач.: «Когда в Ерусалиме распяли Господа нашего Исуса Христа...»;
- 9) л. 48–64. «История о королевиче Ишпанском Франце». Нач.: «Бысть в Испани король именем Фридрих имея у себя жену французскаго короля дочь...»;
- 10) л. 64–65, 69–77. «Житие по природе остроумнаго Есопа». Нач.: «Природу вещей иже есть въ человецех испытали и инии мнози и предали оную премникам своим...».

Типологические особенности Тихомировского сборника

Первой монографией, посвященной типологии сборников XVIII в., стала работа М. Н. Сперанского [1963]. На основе анализа состава более чем 500 сборников исследователь вывел такие характерные черты рукописного сборника XVIII в., как широта и разнообразие вкусов, хронологическая пестрота, «смесь самого разнообразного содержания, старое и новое, восточная притча <...> и вчерашний курьез, подслушанный на базаре, эпизод из Овидиевых „Превращений“ и благочестивая легенда» [Сперанский, 1963. С. 25].

В основе типологии М. Н. Сперанского лежит концепция усиления «мирского» (светского) содержания в составе сборников. Спустя почти полвека,

¹ Здесь и далее текст сборника из собрания М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН № 365 приводится в упрощенной орфографии по принципам, принятым в Трудах Отдела древнерусской литературы [Дмитриева, 1955. С. 495].

основываясь на читательских интересах и таких понятиях, как «тип чтения», «репертуар» и «круг чтения», О. Н. Фокина предложила другие принципы выделения видов сборников XVIII в. [Фокина, 2003. С. 243–262], однако работа М. Н. Сперанского не утратила актуальности. Для нас важно, что одним из критериев при выделении типов для М. Н. Сперанского является время составления сборников: «Наблюдение над хронологией сборников помогает нам следить за процессом „обмирщения“ и эволюции литературы вплоть до конца века» [Сперанский, 1963. С. 28].

М. Н. Сперанским было выделено пять групп. В первую включены сборники, в которых переписаны произведения XVII в. и более ранние (произведений петровского времени в этих сборниках еще нет). Вторая группа представлена сборниками, в которых при наличии старой традиции наблюдается «тяготение к занимательной повести». Третью группу составляют сборники, в которых увеличивается количество произведений XVIII в. Четвертую группу М. Н. Сперанский считает наиболее показательной для развития демократической литературы первой половины XVIII в.: в нее входят сборники, содержание которых тесно связано с литературой того времени, здесь часто попадаются статьи, переписанные с печатных изданий 1700–1740-х годов, преобладают статьи исторического, политического, делового характера. Пятая группа включает стихотворные сборники.

Чтобы определить место Тихомировского сборника в типологии сборников XVIII в., рассмотрим чуть подробнее характер и датировку произведений-спутников Повести о Бове в составе анализируемой нами рукописи. Поскольку сразу несколько текстов переписано из «Великого Зерцала», следует уточнить, что это сборник, включающий в себя около 800 нравоучительных рассказов, составленный в 1605 г. бельгийским иезуитом-богословом Иоанном Майором [Державина, 1965. С. 18–19]. В основу сборника легли многие сочинения, в основном западного происхождения: Житие Франциска Ассизского, Римский патерик, сборник фацций и др. [Ромодановская, 1992. С. 165–171]. П. В. Владимиров, автор первого фундаментального исследования о «Великом Зерцале» [Владимиров, 1884], установил, что в начале XVII в. сборник из Западной Европы попал в Польшу, там неоднократно издавался, дважды переводился на русский язык: первый перевод с польского был осуществлен в 1677 г. по указу царя Алексея Михайловича, вскоре после чего был сделан второй перевод. П. В. Владимиров на основе содержания разделил все новеллы сборника на два типа: нравоучительные и легендарные. К первым исследователь относит сюжеты, осуждающие неверность, пьянство, нежелание каяться в грехах; легендарными П. В. Владимиров называет новеллы о чудесах, житийного характера, близкие по направленности к древнерусской литературе. Впрочем, О. А. Державина отмечала, что все повести «Великого Зерцала» носят нравоучительный характер и все легендарны.

К произведениям легендарного характера можно отнести «Сказание о ризе Господа нашего Иисуса Христа», входящее в состав Тихомировского сборника. Этот сюжет стал известен на Руси после 1625 г., когда персидский шах Аббас I прислал ризу Господню Михаилу Федоровичу Романову и потребовалось

собрать сведения о святыне. Об обстоятельствах перенесения Хитона и Ризы из Иерусалима повествовали разные предания: армянские, грузинские, сирийские [Марр, 1897. С. 67–97]. Наш вариант текста начинается тем, что грузинскому воину, причастному к казни Иисуса Христа, досталась его риза, он перенес ее в Грузию и передал сестре; когда риза оказалась в земле, на ее месте выросло прекрасное дерево, способное исцелять больных. Аналогичный текст опубликован [Белокуров, 1891. С. 13–33].

Входящая в сборник «История о королевиче Ишпанском Франце» (о Франце Мемзонзилиусе) изучена достаточно, в том числе в составе Тихомировского сборника № 365 [Николаева, 1959. С. 3–25; Аpsит, 1980. С. 102–108; Михалина, 1977. С. 25–135; Михалина, 1980. С. 279–291]. Исследователи доказывают русское происхождение повести на основе Повести о Василии Златовласом. Датировки повести несколько разнятся: по мнению исследовательницы М. В. Николаевой, это оригинальная русская повесть 1720–1730-х годов, А. А. Михалина, проводя сопоставительный анализ идейного содержания «Гистории о Франце Мемзонзилиусе» с произведениями петровской эпохи, убедительно доказала, что «гистория» является произведением того же периода [Михалина, 1980. С. 279–291].

Последним текстом в Тихомировском сборнике является «Житие по природе остроумнаго Есопа». Появление и круг древнерусских переводов Эзопа, наиболее ранним из которых является «Притчи, или баснословие, Езопа Фригии», сделанный в 1607 г., детально изучены [Тарковский, Тарковская, 2005]. Для нас сейчас не так важно, с какого именно перевода списан текст в сборник, хотя установление этого — задача будущего, но важно, что произведения Эзопа были необычайно популярны и нередко встречались в тех или иных вариациях в составе рукописных сборников XVII–XVIII вв. [Тарковский, 1972. С. 247].

Таким образом, мы видим, что для Тихомировского сборника характерны пестрота в жанровом и хронологическом отношении, смесь разнообразного содержания. Так, нравоучительные, душеполезные рассказы из «Великого Зеркала» соседствуют с занимательными повестями (стоит отметить тяготение всего сборника к занимательности). При наличии старой традиции в сборник включается произведение, точно датированное петровским временем («История о королевиче Ишпанском Франце»). Все это позволяет отнести Тихомировский сборник ко второй группе и, возможно, назвать его переходным к третьей, в сборниках которой все больше произведений XVIII в., так как граница между группами достаточно размыта.

Текстуальные особенности «Повести о Бове-королевиче» в списке Тихомировского собрания

Список «Повести о Бове-королевиче» в составе сборника № 365 из коллекции академика М. Н. Тихомирова содержит почти полный текст произведения. Выпущен только один лист (по писцовой пагинации с. 95–96) с фрагментом казни царя Додона и королевны Милитрисы.

В. Д. Кузьмина выделила пять редакций произведения на основании сравнения списков XVII–XIX вв. с белорусским образцом Познанского списка конца

XVI в. (он считается отправной точкой для русских списков Повести о Бове, в настоящее время хранится в публичной библиотеке им. Э. Рачиньского в Польше) [Кузьмина, 1964. С. 17–108].

Анализ структуры и текстуальных особенностей Тихомировского списка показал, что он наиболее близок к третьей редакции памятника. В. Д. Кузьминой было известно 23 русских списка этой редакции [Кузьмина, 1964. С. 247–248].

В. Д. Кузьмина описала характерные черты третьей редакции «Повести о Бове-королевиче» [Кузьмина, 1964. С. 37–48]. Рассмотрим, как они отразились в Тихомировском списке. В первую очередь обращают на себя внимание персонажи и их имена, полностью адаптированные к русскому слуху: Бова, Дружневна, Минчигрия, Никита / Дмитрий, Милитриса и др. (для сравнения, в первой редакции они звучат иначе: Бово, Друженна, Малгария, Тервез, Меретрыс).

С третьей редакцией Тихомировский текст сближают и ключевые элементы сюжета: пилигрим дает Бове три зелья (не два, как это было в первой и второй редакциях), исчезает брат Синбалды, отсутствует эпизод погони племянников Салтана за Бовой, Малгария — здесь Минчигрия — играет значительную роль в развитии сюжета (в первой и второй редакциях она упоминается лишь в конце, когда Бова к ней сватается).

О том, что Тихомировский список из всех редакций наиболее близок к третьей, говорит высокая степень адаптации текста к русской культуре. Это не авантурный роман, рассказывающий о приключениях героя, перед нами богатырская повесть с множеством сказочных элементов, выдержанная в характерной стилистике с устойчивыми эпитетами, фольклорной фразеологией и эпическими повторами. События разворачиваются в королевствах, но их обстановка типично русская: герои живут в палатах, теремах, хоромах; имеют в услужении поваров, сенных девиц, нянек; справляют пиры, где играют на гусях. Описание богатырей, их боев продолжают былинную традицию, а упоминание тридесятого царства / тридесятой земли, волшебных зелий — сказочную.

Важно отметить, что в Тихомировском списке, несмотря на фольклорно-эпическую стилистику, встречаются реалии более позднего времени: варганы, концерты, церемонии, обращения «госпожа / господин» и т. д.

Однако, несмотря на близость к третьей редакции, Тихомировский список обладает рядом особенностей². Передача текстов таким способом объясняется тем, что в центре нашего внимания находилась прежде всего содержательная сторона Повести. Мы будем сопоставлять его с Толстовским списком Q.XVII.27 XVII в. из собрания Российской национальной библиотеки (текст опубликован А. М. Панченко в Библиотеке литературы Древней Руси), так как В. Д. Кузьмина называет его типичным представителем третьей редакции.

Выявленные различия предлагаем организовать в три группы: расширение повествования, сокращение повествования, фактологические разночтения.

² Здесь и далее текст Повести о Бове приводится в упрощенной орфографии по принципам, принятым в Трудях Отдела древнерусской литературы [Дмитриева, 1955. С. 495].

Расширение повествования. Первая группа особенностей связана с расширением повествования. Они бывают разного характера и объема.

В тексте Тихомировского списка больше внимания уделяется упоминанию грамот. Происходит это регулярно. Так, Видон не только передает грамоту Личарде, но и пишет ее, упоминает в обращении к слуге.

Иногда расширение повествования привносит в историю эмоциональности и красок. Например, если в Толстовском списке Салтан Салтанович, узнав о приезде Бовы в его шатры, сразу бежит на корабль и уезжает в Рахленское царство, то в Тихомировском – реакция Салтана драматичнее: он «ударил себя в груди», упал на землю как мертвый, но восстал, стал метаться и только потом побежал на корабль. Или в другом фрагменте, когда Дружневна провожает Бову на бой с Лукопером, мы можем прочитать эмоциональную реакцию королевны на рассказ Бовы о его истинном происхождении (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

РАСШИРЕННОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ*
EXTENDED NARRATIVE

Толст. Q.XVII.27, РНБ	Тих. № 365, ГПНТБ СО РАН
«,...Скажу яз тебе истинную правду. Не понамарева яз роду, яз роду королевскаго, славнаго короля сынъ Видона, а матушка моя, прекрасная королева Милитриса, добраго и славнаго короля Кирбита Везауловича дочь“. И Бова досталь Дружневне песку к сердцу присыпаль»	«,...Скажу я тебе теперь всю свою правду истина. Я не понамарескаго сын, я роду королевскаго, града Антона, добраго короля Видона, а мати прекрасная королевны Милитрисы Кирпитишны“. Бова же достал Дружневне горести къ серце. И тогда прекрасная королевна Дружневна, видя Бовину отечество, ухватило Бову за шею и учела целовати любезно, сама рада, что Бовина отечество допыталася» (Л. 23)

* Составлена по: Толстовский список Q.XVII.27 XVII в. из собрания РНБ; Тихомировский список № 365 XVIII в. из собрания ГПНТБ СО РАН.

Часто повествование расширяется за счет вставленных диалогов между персонажами; их обращений к Богу, Богородице; за счет их внутренних размышлений. Например, эпизод, когда Бова просыпается после усыпляющего зелья и понимает, что пилигрим его обманул и обокрал. В Толстовском списке Бова прослезился, печально констатировал факты и пошел, куда очи несут. В Тихомировском списке он активно размышляет о том, как события могут развиваться дальше. Он лишился золотой ризы, меча-кладенца и теперь не может предстать перед царем, ему не чем «пооборониться» от воровских рахленских людей, ему грозит темница. Он думает и о том, что будет делать, если на него нападут звери.

В Тихомировском списке появляются и довольно крупные фрагменты текста, дополняющие сюжет. Таков, например, эпизод, когда Дружневна слышит гусли и просит девицу привести к ней музыканта. Конечно, им оказывается Бова. Придя в палаты, он играет на гуслях наигрыш, который «полюбился» Дружневне. Она начинает целовать Бову, а тот «играючи утомился и просица

на конюшню». Перед тем как отпустить Бову, королевна напаивает его «всякими питьями сахарными» и напивается сама.

Стоит отметить, что в тексте Тихомировского списка меньше смысловых лакун, многие эпизоды логически завершены. Например, когда Дружневна уезжает из шатра после гибели Полкана, в Толстовском списке она берет с собой только детей и, доехав до реки под Арменским царством, умывается черным зельем. В Тихомировском списке переписчик упоминает, что, покидая шатер, Дружневна взяла с собой и детей, и по половине трех зелий, поэтому, когда она умывается черным зельем у реки, у читателя не возникает вопросов о том, откуда оно появилось.

Сокращение повествования. Другая группа разночтений связана с сокращением повествования. Происходит это тоже по-разному. Например, некоторые диалоги переводятся в косвенную речь или сжимаются до смыслового ядра (табл. 2).

Таблица 2

Table 2

СОКРАЩЕННОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ*
ABRIDGED NARRATIVE

Толст. Q.XVII.27, РНБ	Тих. № 365, ГПНТБ СО РАН
«И пришель Бова, и почел есть прошать: „Государи королевские повары, напойте-накормите прохожева старца для Спаса и Пречистые Богородицы и для ради храброго витезя Бовы королевича“ »	«И пришел на королевску поварню и почал милостины просить для ради Спаса и Пречистыя Богородицы и ради храброго витезя Бовы » (Л. 30 об.)
«И королевна Дружневна почела говорить: „Подите, няньки, да раздуйте злато нищим“ . А сама взяла старца и пошла в задние хоромы, и почела спрашивать...»	«А Дружневна приказала нянькам нищих златом делить , а сама пошла в теплую полату к старцу и почела говорить...» (Л. 31 об. – 32)
«И Дружневна Бову проважала. И отпускает на дело ратное и смертное, и подпоясывала около Бовы меч-кладенец своими руками. И Бова садился на доброго коня богатырского, а в стремя ногою не вступаючи. И прекрасная королевна Дружневна ухватила Бовину ногу, и ставила в стремя своими руками, и примала Бову за буйную главу, целовала его во уста, и во очи, и во уши. И рече прекрасная королевна Дружневна: „Государь мой Бава! Едеш ты на дело ратное и смертное...“»	«И прекрасная королевна Дружневна отпускает Бову на дело ратное и смертное, и опоясывает меч-кладенец своими руками, и на доброго богатырского коня сажает и нача говорити: „Государь Бова! Едеш ты на дело ратное и смертное...“» (Л. 22 об.)

* Составлена по: Толстовский список Q.XVII.27 XVII в. из собрания РНБ; Тихомировский список № 365 XVIII в. из собрания ГПНТБ СО РАН.

Фактологические разночтения касаются прежде всего имен и судеб некоторых персонажей. Так, например, в Тихомировском списке сына Синбальды зовут не Дмитрий, а Никита, он не женится на Минчигрии, как это происходит в Толстовском списке. По-разному разворачиваются события и вокруг гибели богатыря Полкана: в Толстовском списке его спящего съедают львы, а в Тихомировском он погибает в бою со львами, защищая Дружневну во время отъезда Бовы.

Отличия наблюдаются также в количестве царских войск, дней сражений, темничного заточения, странствий и т. д. Многие числа совпадают, но иногда они расходятся, присутствуют в одном тексте, но отсутствуют в другом (табл. 3).

Таблица 3

Количественные различия*

QUANTITATIVE DIFFERENCES

Table 3

Толст. Q.XVII.27, РНБ	Тих. № 365, ГПНТБ СО РАН
«И трехнулъ Бова правую рукою и 30 юношей ушиб, и тряхнулъ Бова левою рукою и другую 30 юношей убиль»	«И Бова правую рукою стряхнул, то 20 человекъ пали на землю аки мертвы лежат, а левою рукою стряхнул, и другия юношей пали на землю потому ж, аки мертвь» (Л. 27–27 об.)
«И Бова пришелъ на конюшню, и легъ спать, и спаль 9 дней и 9 ночей »	«И тако прииде Бова на конюшню и лег спать» (Л. 19 об.)

* Составлена по: Толстовский список Q.XVII.27 XVII в. из собрания РНБ; Тихомировский список № 365 XVIII в. из собрания ГПНТБ СО РАН.

Сравнение разных списков позволило также выявить отличия в сюжетах при сохранении фабулы. Изменения в хронологии проиллюстрируем цепочкой событий, которая разворачивается после того, как Полкан погибает, Дружневна уезжает с детьми из шатра, а Бова, обнаружив эти обстоятельства, отправляется в дорогу. С этого момента можно проследить две сюжетные линии: одна политическая, разворачивается вокруг возвращения престола законному наследнику, а другая – семейная – вокруг воссоединения Бовы с Дружневной и детьми. В Толстовском списке сначала происходит развязка семейной линии, а потом политической, а в Тихомировском списке – наоборот: сначала происходит развязка политической линии, а потом семейной. При этом месть дворецкому плотно вплетается в торжественный финал: про Орлопа Бова узнаёт от Дружневны на пиру, которого нет в Толстовском списке, и тут же собирает поход, в результате которого приказывает повесить врага. Так, казнь Орлопа становится частью счастливого конца повести.

* * *

Таким образом, можно утверждать, что текст «Повести о Бове-королевиче» в составе сборника № 365 из коллекции академика М. Н. Тихомирова наиболее

близок к третьей редакции памятника по классификации В. Д. Кузьминой: это богатырская повесть, выдержанная в характерной стилистике с устойчивыми эпитетами, фольклорной фразеологией и эпическими повторами, имена персонажей адаптированы к русскому слуху, события разворачиваются в королевствах, но их обстановка типично русская, с третьей редакцией текст сближают и ключевые элементы сюжета. Однако текст Тихомировского сборника содержит заметные разночтения с другими версиями: повествование то расширяется, то сокращается. Все это позволяет предположить, что перед нами особая разновидность третьей редакции повести. Установление точного времени создания этой разновидности должно стать предметом отдельного изучения, как и сопоставление с другими списками редакции.

Анализ состава всего сборника, характера входящих в него произведений показал, что автор-составитель не просто переписывал тексты, у него была своя концепция, видение структуры сборника, он продумал композицию, репертуар входящих в него сочинений и их последовательность, о чем свидетельствует наличие оглавления с нумерацией глав. Репертуар текстов отражает вкусы автора-составителя, являвшегося уже не средневековым книжником, а человеком Нового времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Белокуров С. А. Дело о присылке шахом Аббасом ризы Господней царю Михаилу Федоровичу в 1625 году. М., 1891. 48 с.

Повесть о Бове-королевиче // Библиотека литературы Древней Руси / ред. Д. С. Лихачев и др. СПб.: Наука, 2006. Т. 15: XVII век. С. 235–258.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апсит Т. Н. «Повесть о Францеле Венециане» в собрании М. Н. Тихомирова // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии: сборник научных трудов. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1981. С. 102–108.

Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. 2. СПб., 1888. 361 с.

Владимиров П. В. Великое Зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884. 79 с.

Державина О. А. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965. 438 с.

Дмитриева Р. П. Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 491–499.

Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные надписи на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты. 1959. 306 с.

Кузьмина В. Д. Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции XVII–XIX вв. // Старинная русская повесть: статьи и исследования. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 83–134.

- Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр златых ключей. М.: Наука, 1964. 344 с.
- Лауцвявичюс Э. Бумага в Литве XV–XVIII веках. Вильнюс: Мокслас, 1979. 187 с.
- Марр Н. Я. Хитон Господень в книжных легендах армян, грузин и сирийцев // Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции, 13 ноября 1872–1897. СПб., 1897. С. 67–96.
- Михалина А. А. «Гистория о Франце Мемзонзилиусе» и ее отношение к фольклору // Материалы XV всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1977. С. 125–135.
- Михалина А. А. Проблемы датировки «Гистории о Франце Мемзонзилиусе» // Источниковедение литературы Древней Руси. Л.: Наука, 1980. С. 279–291.
- Николаева М. В. Повесть о Франце Иммезелиусе Гишпанском. Из истории рукописной литературы XVIII в. // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1959. Т. 198. С. 3–25.
- Пылин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. 360 с.
- Ромодановская Е. К. Великое зеркало // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Ч. 1. А – З. С. 165–171.
- Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века: материалы для истории русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 266 с.
- Тарковский Р. Б. К истории повествовательных форм русской басни XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1972. Т. 27. С. 247–256.
- Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII: исследования, тексты, комментарии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 543 с.
- Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. 198 с.
- Фокина О. Н. Рукописные сборники XVIII века: проблемы исторической типологии // Книга и литература в культурном контексте: сборник научных статей, посвященный 35-летию начала археографической работы в Сибири 1965–2000. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. С. 243–262.
- Uchastkina Z. V. A history of russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum. Holland: The paper publications society, 1962, 297 p.

REFERENCES

- Apsit T. N. «Povest' o Frantsele Venetsiane» v sobranii M. N. Tikhomirova [“The Tale of Franzel Venetian” in the Collection of M. N. Tikhomirov]. In: Sibirskoe sobranie M. N. Tikhomirova i problemy arkheografii: sbornik nauchnykh trudov [Siberian Collection of M. N. Tikhomirov and Problems of Archeography: Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk, GPNTB SO RAN, 1981, pp. 102–108. (In Russ.).
- Derzhavina O. A. «Velikoe zertsalo» i ego sud'ba na russkoi pochve [“The Great Mirror” and Its Fate on Russian Soil]. Moscow, Nauka, 1965, 438 p. (In Russ.).
- Dmitrieva R. P. Proekt serii monograficheskikh issledovaniy-izdaniy pamyatnikov drevnerusskoi literatury [Project of a Series of Monographic Studies and Publications of Monuments of

Old Russian Literature]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1955, vol. 11, pp. 491–499. (In Russ.).

Fokina O. N. Rukopisnye sborniki XVIII veka: problemy istoricheskoi tipologii [Manuscript Collections of the 18th Century: Problems of Historical Typology]. In: *Kniga i literatura v kul'turnom kontekste: sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 35-letiyu nachala arkhеографической работы в Sibiri 1965–2000* [Book and Literature in the Cultural Context: A Collection of Scientific Articles Dedicated to the 35th Anniversary of the Beginning of Archaeographic Work in Siberia 1965–2000]. Novosibirsk, 2003, pp. 243–262. (In Russ.).

Klepikov S. A. Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX vv. [Filigree and Stamps on Paper of Russian and Foreign Production of the 17th–20th Centuries]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuznoi knizhnoi palaty, 1959, 306 p. (In Russ.).

Kuz'mina V. D. Povest' o Bove-koroleviche v russkoi rukopisnoi traditsii XVII–XIX vv. [The Tale of Bova the Prince in the Russian Manuscript Tradition of the 17th–19th Centuries]. In: *Starinnaya russkaya povest': stat'i i issledovaniya* [Old Russian Tale: Articles and Research]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1941, pp. 83–134. (In Russ.).

Kuz'mina V. D. Rytsarskii roman na Rusi: Bova, Petr zlatykh klyuchei [Chivalric Novel in Rus': Bova, Peter of the Golden Keys]. Moscow, Nauka, 1964, 344 p. (In Russ.).

Lautsyavichyus E. Bumaga v Litve XV–XVIII vekakh [Paper in Lithuania in the 15th–18th Centuries]. Vilnius, Mokslas, 1979, 187 p. (In Russ.).

Marr N. Ya. Khiton Gospoden' v knizhnykh legendakh armyan, gruzin i siriitsev [The Lord's Tunic in the Book Legends of the Armenians, Georgians, and Syrians]. In: *Sbornik statei uchenikov professora barona Viktora Romanovicha Rozena ko dnyu dvadtsatipyatiletiya ego pervoi leksii, 13 noyabrya 1872–1897* [Collection of Articles by Students of Professor Baron Viktor Romanovich Rozen on the Occasion of the Twenty-fifth Anniversary of His First Lecture, November 13, 1872–1897]. St. Petersburg, 1897, pp. 67–96. (In Russ.).

Mikhailina A. A. «Gistoriya o Frantse Memzonziliuse» i ee otnoshenie k fol'kloru [“The Story of Franz Memzonzilius” and Its Relation to Folklore]. In: *Materialy XV vsesoyuznoi nauchnoi studencheskoi konferentsii «Student i nauchno–tekhnicheskii progress»*. Filologiya [Proceedings of the 15th All-Union Scientific Student Conference “Student and Scientific and Technological Progress”. Philology]. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 1977, pp. 125–135. (In Russ.).

Mikhailina A. A. Problemy datirovki «Gistorii o Frantse Memzonziliuse» [Problems of Dating the “History of Franz Memzonsilius”]. In: *Istochnikovedenie literatury Drevnei Rusi* [Source Studies of the Literature of Ancient Rus]. Leningrad, Nauka, 1980, pp. 279–291. (In Russ.).

Nikolaeva M. V. Povest' o Frantse Imemzeliuse Gishpanskom. Iz istorii rukopisnoi literatury XVIII v. [The Tale of Franz Imemzelius of Hispania. From the History of Manuscript Literature of the 18th Century]. In: *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. Gertsena* [Scientific Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen]. Leningrad, LGPI im. A. I. Gertsena, 1959, vol. 198, pp. 3–25. (In Russ.).

Pypin A. N. Ocherk literaturnoi istorii starinnykh povestei i skazok russkikh [Essay on the Literary History of Old Russian Stories and Fairy Tales]. St. Petersburg, 1857, 360 p. (In Russ.).

Romodanovskaya E. K. Velikoe zertsalo [The Great Mirror]. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. XVII vek* [Dictionary of Scribes and Book Culture of Ancient Rus. 17th Century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1992, pt. 1, pp. 165–171. (In Russ.).

Speransky M. N. Rukopisnye sborniki XVIII veka: materialy dlya istorii russkoi literatury [Manuscript Collections of the 18th Century: Materials for the History of Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1963, 266 p. (In Russ.).

Tarkovsky R. B. K istorii povestvovatel'nykh form russkoi basni XVII veka [On the History of Narrative Forms of Russian Fables of the 17th Century]. In: Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka, 1972, vol. 27, pp. 247–256. (In Russ.).

Tarkovsky R. B., Tarkovskaya L. R. Ezop na Rusi. Vek XVII: issledovaniya, teksty, kommentarii [Aesop in Rus'. Century 18th: research, texts, comments]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2005, 543 p. (In Russ.).

Tikhomirov M. N. Opisanie Tikhomirovskogo sobraniya rukopisei [Description of the Tikhomirov's Collection of Manuscripts]. Moscow, Nauka, 1968, 198 p. (In Russ.).

Uchastkina Z. V. A History of Russian Hand Paper-mills and Their Watermarks. Hilversum. Holland, The paper publications society, 1962, 297 p.

Veselovskii A. N. Iz istorii romana i povesti [From the History of the Novel and Tale]. St. Petersburg, 1888, iss. 2, 361 p. (In Russ.).

Vladimirov P. V. Velikoe Zertsalo (Iz istorii russkoi perevodnoi literatury XVII veka) [The Great Mirror (From the History of Russian Translated Literature of the 17th Century)]. Moscow, 1884, 79 p. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ТУРУК ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА, научный сотрудник лаборатории археографии и источниковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, e.turuk@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9499-9129>.

БОГДАНОВА ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА, студент Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, t.bogdanova1@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1974-4594>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

EKATERINA A. TURUK, researcher of the Laboratory of Archeography and Source Studies of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e.turuk@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9499-9129>.

TAMARA A. BOGDANOVA, student of the Institute for the Humanities of Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, t.bogdanova1@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1974-4594>.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025;
одобрена после рецензирования 10.10.2025;
принята к публикации 12.10.2025.

The article was submitted on 01.09.2025;
approved after reviewing on 10.10.2025;
accepted for publication on 12.10.2025.

Документальные публикации

ФОТОПОРТРЕТЫ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ПЕТРА ЕФИМОВИЧА КУЛАКОВА (1867–1937)

ДЕНИС ЮРЬЕВИЧ ХОМЕНКО

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
Красноярский медицинский техникум, г. Красноярск, Россия*
khomenko_denis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7262-5673>

Аннотация. В научный оборот впервые вводятся фотографические портреты Петра Ефимовича Кулакова — административно-ссылного, водворенного в Иркутскую губернию в конце XIX в. П. Е. Кулаков известен как автор статистико-экономических исследований коренных народов Восточной Сибири. Доказано, что обнаруженные в Государственном архиве Российской Федерации фотографии П. Е. Кулакова планировались к включению в словарь «Деятели революционного движения в России» еще в 1935 г. Однако в связи с роспуском готовившего это издание Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев до настоящего времени оставались неопубликованными.

Ключевые слова: П. Е. Кулаков, политическая ссылка, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, фотодокументы.

Для цитирования

Хоменко Д. Ю. Фотопортреты в контексте изучения биографии Петра Ефимовича Кулакова (1867–1937) // *Universum Humanitarium*. 2025. № 2. С. 127–137. DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-127-137

PHOTOGRAPHIC PORTRAITS IN THE CONTEXT OF STUDYING THE BIOGRAPHY OF PYOTR EFIMOVICH KULAKOV (1867–1937)

DENIS YU. KHOMENKO

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev,
Krasnoyarsk Medical Vocational School, Krasnoyarsk, Russian Federation*
khomenko_denis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7262-5673>

Abstract. This article presents, for the first time in scholarly discourse, the photographic portraits of Pyotr Efimovich Kulakov, an administratively exiled individual who settled in the Irkutsk Governorate at the end

of the 19th century. Kulakov is recognized for his statistical and economic research on the indigenous peoples of Eastern Siberia. The photographs of Kulakov, discovered in the State Archive of the Russian Federation, were initially intended for inclusion in the dictionary “Figures of the Revolutionary Movement in Russia” as early as 1935. However, due to the dissolution of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, which was responsible for preparing the publication, these photographs have remained unpublished to this day.

Keywords: Pyotr Efimovich Kulakov, political exile, All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, photographs.

For citation

Khomenko D. Yu. Photographic portraits in the context of studying the biography of Pyotr Efimovich Kulakov (1867–1937). *Universum Humanitarium*, 2025, no. 2, pp. 127–137. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-127-137

Использование фотодокументов в исторических исследованиях долгое время носило преимущественно иллюстративный характер [Магидов, 2005. С. 242–243]. Однако в последние десятилетия роль этого вида источников заметно выросла: свет увидели сотни публикаций, которые рассматривают источниковедческий потенциал тех или иных фотографий (см., например: [Пурыгин, 2019; Зотова, Полторак, 2019]), специальному изучению подверглись теория и практика визуалистики [Оче-видная история, 2008].

Несмотря на большой потенциал фотодокументов, их использование зачастую связано с объективными трудностями. Во-первых, появившись как жанр в XIX в., фотография долгое время оставалась недоступной широким слоям населения. Во-вторых, сохранившиеся фотографии далеко не всегда подписывались, что зачастую серьезно затрудняет идентификацию запечатленных на них людей и событий.

Обозначенные проблемы в полной мере относятся к изучению самого широкого спектра тем в области отечественной истории конца XIX – начала XX столетия. Одной из них является исследование жизни и деятельности представителей сибирской интеллигенции.

Задачей данной публикации является введение в научный оборот четырех фотографий Петра Ефимовича Кулакова – административно-ссыльного, проводившего этнографические и статистические исследования в Сибири. Он удостоился упоминаний в справочных изданиях [Кулаков, 1930; Чистяков, 1998; Шиловский, 2019], учебной [Красноярье, 2005] и научной литературе [Федорова, 2016. С. 307–308]. При этом то, как выглядел П. Е. Кулаков, до сих пор оставалось неизвестным.

Петр Ефимович родился в Симферополе в 1867 г. П. Е. Кулаков окончил гимназию в Санкт-Петербурге, где в 1890 г. был арестован и в 1892 г. выслан в Восточную Сибирь в административном порядке «за участие в террористическом кружке» [Кулаков, 1930]. Находясь в Иркутской губернии, предпринял статистико-экономическое исследование бурятских хозяйств.

По истечении срока ссылки, в 1896 г., участвовал в подготовке экспозиции павильона Восточной Сибири на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде.

С февраля 1897 г. П. Е. Кулаков работал секретарем статистического комитета в Енисейской губернии. В том же году он организовал экспедицию по изучению хозяйства «минусинских и ачинских инородцев» (предков современных хакасов). В августе 1897 г. участвовал в экспедиции в Туруханский край. Результатами исследовательской деятельности П. Е. Кулакова стали публикации о сельском хозяйстве Иркутской губернии [Молодых, Кулаков, 1896], этнографии бурятского [Кулаков, 1898а] и хакасского населения [Кузнецова, Кулаков, 1898], рыболовном хозяйстве низовьев Енисея [Кулаков, 1898б].

Не ранее 1898 г. П. Е. Кулаков подал в отставку с поста секретаря статистического комитета, уехал из Енисейской губернии и жил за пределами Сибири [Хоменко, 2010]. Сведения о его дальнейшей судьбе носят отрывочный характер. Известно, что в декабре 1937 г. П. Е. Кулаков был арестован в Алма-Ате и приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1957 г. [Шиловский, 2019].

Таким образом, биография П. Е. Кулакова и его научное наследие представляют несомненный интерес для ученых, занимающихся изучением политической ссылки и исследованием коренных народов Сибири. Однако первым интерес к личности П. Е. Кулакова, по всей видимости, проявило Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, на протяжении 1928–1934 гг. занимавшееся подготовкой и изданием словаря «Деятели революционного движения в России».

За шесть лет общество издало четыре тома в 10 выпусках. В 1934 г. в свет вышел второй выпуск третьего тома, посвященный 1880-м годам, статьи в котором были доведены до буквы «З». Вероятно, на 1935 г. планировалось издание третьего выпуска третьего тома. Косвенным свидетельством этого служит сохранившееся в фонде Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев Государственного архива Российской Федерации дело под заголовком «Клише фотографий для биословаря „Деятели революционного движения“ восьмидесятые годы, т. 3, вып. 3: Косменко ... Кулаков П. Е. ...»¹. К сожалению, в силу технических особенностей дело не выдается в читальный зал архива, поэтому ознакомиться с его содержанием не представляется возможным. Тем не менее уже по заголовку можно предположить, что в очередном выпуске биобиблиографического словаря планировалась публикация статьи, посвященной П. Е. Кулакову, и его фотографии или фотографий. Но в связи с роспуском общества [Юнге, 2015. С. 489–491; Лурье, 2004. С. 17] издание словаря прекращено, а собранные для очередного тома материалы так и не увидели свет.

Изучение описей фонда Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев позволило обнаружить также архивное дело, представляющее собой конверт с надписью «Кулаков П. Е. КП^а 2212 № 11713»². В нем хранятся

¹ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1519.

² ГА РФ. Ф. 533. Оп. 6. Д. 2324.

четыре фотопортрета, каждый из которых на обороте подписан фамилией Кулакова. На двух из четырех фотографий, наряду с фамилией, имеются цифры (334 и 17872), определить назначение которых не удалось. Самая информативная надпись содержится на обороте фотографии, по всей видимости, сделанной в 1896 г. в связи с проведением в Нижнем Новгороде Всероссийской промышленной и художественной выставки: «Кулаков Петр Ефимович. Администрат[ивно] ссыльный 1892–1895» (фото № 1). Совпадение имени, фамилии, отчества, дат пребывания в административной ссылке и факта участия в Нижегородской выставке с биографическими сведениями описанного нами П. Е. Кулакова позволяют с уверенностью утверждать, что на этой и других обнаруженных в деле фотографиях запечатлен именно он.

На фотографии, датированной нами 1896 г., вверху имеется надпись «На память о выставке», а сам Кулаков сфотографирован с бутоньеркой, на которой можно прочесть часть надписи «[вы]ставка в Нижнем Новгороде». Фотография свидетельствует, что Петр Ефимович не только занимался подготовкой материалов, но и лично присутствовал на Всероссийской выставке.

Несмотря на то, что три из четырех фотографий не датированы, в данной публикации предпринята попытка расположить их в хронологическом порядке, опираясь на внешние данные П. Е. Кулакова. Наличие серии разновременных фотографий позволяет проследить, как менялась его внешность, а также установить факт снижения зрения. Представляется, что введение в научный оборот фотопортретов П. Е. Кулакова служит предпосылкой для обнаружения его на коллективных фотографиях конца XIX — начала XX в. Появление такой возможности является перспективным с точки зрения уточнения и дополнения биографии Петра Ефимовича: позволит определить круг его общения и установить причастность к тем или иным историческим событиям.

№ 1. П. Е. Кулаков

[г. Нижний Новгород, 1896 г.]

ГА РФ. Ф. 533. Оп. 6. Д. 2324. Л. 4.

На обороте — рукописная надпись «Кулаков Петр Ефимович. Администрат[ивно-]ссылный 1892–1895».

No. 1. P. E. Kulakov

[Nizhny Novgorod, 1896]

**State Archives of the Russian Federation.
Collection 533. Inventory 6. File 2324. Sheet 4.**

On the reverse side is the handwritten inscription: “Kulakov Petr Efimovich. Administratively exiled 1892–1895”.

№ 2. П. Е. Кулаков

[Б. м., б. д.]

ГА РФ. Ф. 533. Оп. 6. Д. 2324. Л. 2.

На обороте — штамп музея каторги и ссылки Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев; рукописная надпись «П. Е. Кулаков от З. О. Хлуевич*».

* Установить, о ком идет речь, на сегодняшний день не удалось.

No. 2. P. E. Kulakov

[No location, no date]

**State Archives of the Russian Federation.
Collection 533. Inventory 6. File 2324. Sheet 2.**

On the reverse side is a stamp from the Museum of Penal Labor and Exile of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers; the handwritten inscription "P. E. Kulakov from Z. O. Khluevich".

№ 3. П. Е. Кулаков

[Б. м., б. д.]

ГА РФ. Ф. 533. Оп. 6. Д. 2324. Л. 3.

На обороте — рукописная надпись «Кулаков Петр. 17872».

No. 3. P. E. Kulakov

[No location, no date]

State Archives of the Russian Federation.
Collection 533. Inventory 6. File 2324. Sheet 3.

On the reverse side is a handwritten inscription:
"Kulakov Petr. 17872".

№ 4. П. Е. Кулаков

[Б. м., б. д.]

ГАРФ. Ф. 533. Оп. 6. Д. 2324. Л. 1.

На обороте — рукописная надпись «Кулаков Петр 334».

No. 4. P. E. Kulakov

[No location, no date]

State Archives of the Russian Federation.
Collection 533. Inventory 6. File 2324. Sheet 1.

On the reverse side is a handwritten inscription:
"Kulakov Petr. 334".

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Кузнецова А. А., Кулаков П. Е. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для их изучения). Красноярск, 1898. 298 с.

Кулаков П. Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств (бывшего Ольхонского ведомства) Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб., 1898. 245 с. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т. 8. Вып. 1).

Кулаков П. Е. Рыбный промысел и рыбная торговля в низовьях Енисея (в Туруханском крае) // Русское судоходство. 1898. № 12. С. 49–104.

Молодых И. А., Кулаков П. Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896. 242 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дроздов Н. И., Артемьев Е. В., Безруких В. А., Быконя Г. Ф., Федорова В. И. Красноярье: пять веков истории: учебное пособие по краеведению. Ч. 1: Край с древнейших времен до 1916 года. Красноярск: Платина, 2005. 238 с.

Зотова А. В., Полторак С. Н. Архивные фотографии писателя Даниила Гранина как исторический источник // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 738–750.

Кулаков // Сибирская советская энциклопедия. М.: ОГИЗ: Зап-Сиб. отд., 1930. Т. 2. С. 1108.

Лурье А. Г. Время и люди // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: образование, развитие, ликвидация: материалы международной научной конференции. М.: Мемориал, Звенья, 2004. С. 14–17.

Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.

Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2008. 476 с.

Пурьгин А. Е. Фотографии Л. Н. Толстого как источник по формированию культурной памяти // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 1. С. 43–49.

Федорова В. И. Енисейская губерния 1861–1917 гг.: Экономика. Общество. Культура: монография. Красноярск: КГПУ, 2016. 344 с.

Хоменко Д. Ю. Деятельность этнографа П. Е. Кулакова в Енисейской губернии // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: материалы докладов V (I) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 52–54.

Чистяков Н. С. Кулаков // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. С. 337.

Шиловский М. В. Кулаков Петр Ефимович // Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX — начале XX в.: энциклопедический словарь. Новосибирск: Параллель, 2019. С. 158.

Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. М.: АИРО-XXI, 2015. 636 с.

REFERENCES

- Chistyakov N. S.* Kulakov. In: *Eniseiskii entsiklopedicheskii slovar'* [Yenisei Encyclopedic Dictionary]. Krasnoyarsk, KOO Assotsiatsiya «Russkaya entsiklopediya», 1998, p. 337. (In Russ.).
- Drozdov N. I., Artem'ev E. V., Bezrukih V. A., Bykonya G. F., Fedorova V. I.* Krasnoyar'e: pyat' vekov istorii: uchebnoe posobie po kraevedeniyu. Ch. 1: Krai s drevneishikh vremen do 1916 goda [Krasnoyar'ye: Five Centuries of History: A Textbook on Local History. Pt. 1: Krai from Ancient Times to 1916]. Krasnoyarsk, Platina, 2005, 238 p. (In Russ.).
- Fedorova V. I.* Eniseiskaya guberniya 1861–1917 gg.: Ekonomika. Obshchestvo. Kul'tura: monografiya [Yenisei Governorate 1861–1917: Economy. Society. Culture: Monograph]. Krasnoyarsk, KSPU, 2016, 344 p. (In Russ.).
- Khomenko D. Yu.* Deyatel'nost' etnografa P. E. Kulakova v Eniseiskoi gubernii [Activities of the Ethnographer P. E. Kulakov in the Yenisei Governorate]. In: *Evraziiskoe kul'turnoe prostranstvo. Arkheologiya, etnologiya, antropologiya: materialy dokladov V (L) Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Eurasian Cultural Space. Archaeology, Ethnology, Anthropology: Proceedings of the 5th (L) Russian (with International Participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists]. Irkutsk, Ottisk, 2010, pp. 52–54. (In Russ.).
- Kulakov.* In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Moscow, OGIZ, Zap-Sib. otd., 1930, vol. 2, pp. 1108. (In Russ.).
- Lur'e A. G.* Vremya i lyudi [Time and People]. In: *Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'noposelentsev: obrazovanie, razvitie, likvidatsiya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers: Education, Development, Liquidation: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, Memorial, Zven'ya, 2004, pp. 14–17. (In Russ.).
- Magidov V. M.* Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya [Film and Photo Documents in the Context of Historical Knowledge]. Moscow, RSGU, 2005, 394 p. (In Russ.).
- Oche-vidnaya istoriya. Problemy vizual'noi istorii Rossii XX stoletiya* [Vis-ible History. Problems of Visual History of Russia in the 20th Century: A Collection of Articles]. Chelyabinsk, Kamennyi poyas, 2008, 476 p. (In Russ.).
- Purygin A. E.* Fotografii L. N. Tolstogo kak istochnik po formirovaniyu kul'turnoi pamyati [Photos of L. N. Tolstoy as a Source of Formation of Cultural Memory]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, vol. 25, no. 1, pp. 43–49. (In Russ.).
- Shilovskii M. V.* Kulakov Petr Efimovich. In: *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.: entsiklopedicheskii slovar'* [Socio-political Life of Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries: Encyclopedic Dictionary]. Novosibirsk, Parallel', 2019, p. 158. (In Russ.).
- Yunge M.* Revolyutsionery na pensii. Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 1921–1935 [Revolutionaries in Retirement. All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1921–1935]. Moscow, AIRO-XXI, 2015. 636 p. (In Russ.).
- Zotova A. V., Poltorak S. N.* Arkhivnye fotografii pisatelya Daniila Granina kak istoricheskii istochnik [Archival Photographs of the Writer Daniil Granin as a Historical Source]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an archivist], 2019, no. 3, pp. 738–750. (In Russ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ХОМЕНКО ДЕНИС ЮРЬЕВИЧ, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, руководитель центра историко-патриотического воспитания Красноярского медицинского техникума, г. Красноярск, Россия, khomenko_denis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7262-5673>, ResearcherID: JED-3144-2023, SPIN-код: 5025-2215.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

DENIS YU. KHOMENKO, Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of National History of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, Director of the Center for Historical and Patriotic Education of the Krasnoyarsk Medical Vocational School, Krasnoyarsk, Russia, khomenko_denis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7262-5673>, ResearcherID: JED-3144-2023, SPIN-code: 5025-2215.

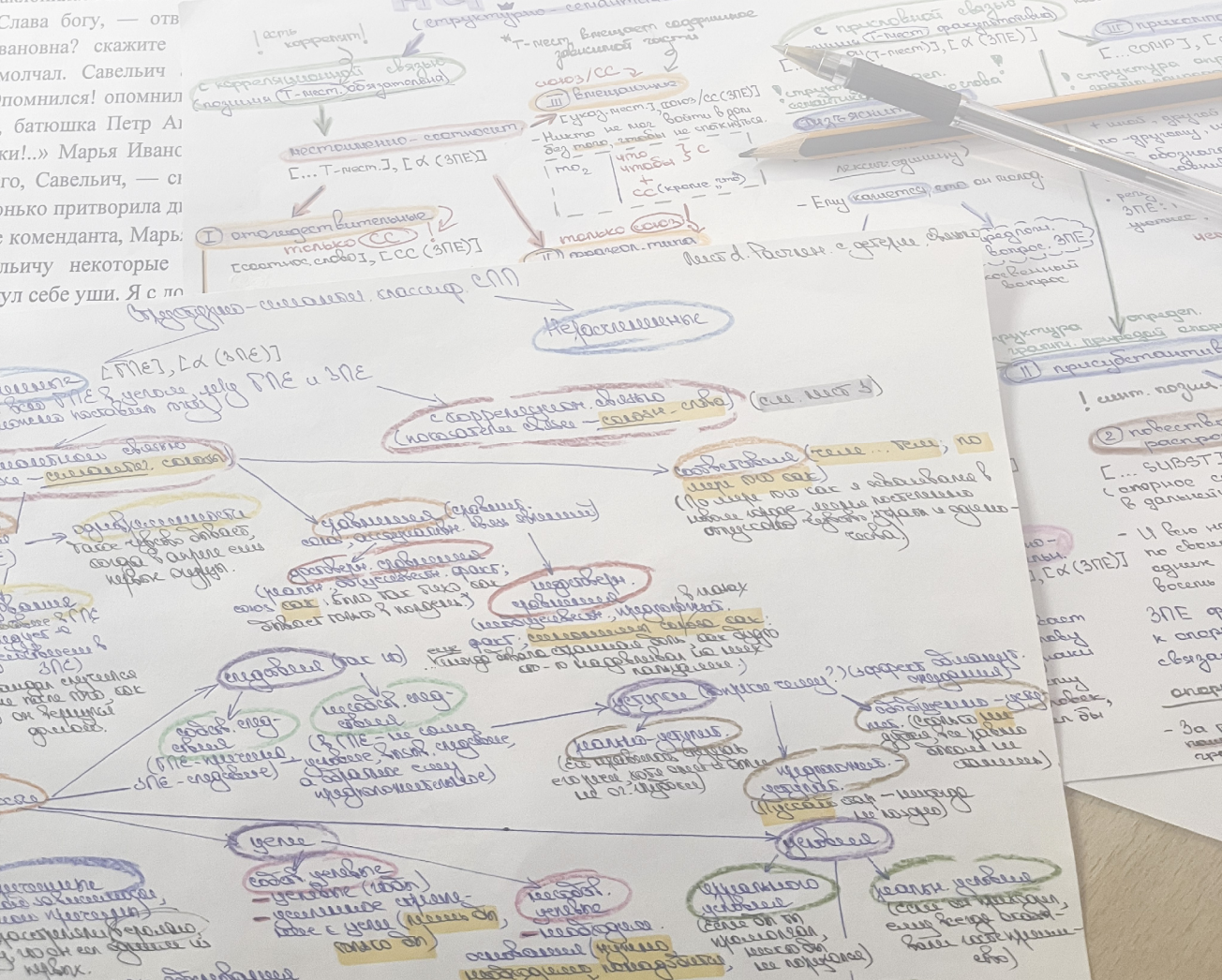
Статья поступила в редакцию 01.09.2025;
одобрена после рецензирования 29.09.2025;
принята к публикации 01.10.2025.

The article was submitted on 01.09.2025;
approved after reviewing on 29.09.2025;
accepted for publication on 01.10.2025.

Языкознание

Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мною сделалось. Я лежал на кровати, в незнакомой горнице, и чувствовал большую слабость. Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то бережно развивал перевязи, которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало-помалу мысли мои прояснились. Я вспомнил свой поединок и догадался, что был ранен. В эту минуту скрипнула дверь. «Что? каков?» — произнес пошепту голос, от которого я затрепетал. «Все в одном положении, — отвечал Савельич со вздохом, — все без памяти вот уже пятые сутки». Я хотел оборотиться, но не мог. «Где я? кто здесь?» — сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати, и аклонила ко мне. «Что? как вы себя?»

Слава богу, — от-
вановна? скажите
молчал. Савельич
помнил! опомнил
батьюшка Петр Ал-
ки!..» Марья Иванс-
го, Савельич, — си-
нько притворила д-
е коменданта, Марь-
льичу некоторые
ул себе уши. Я с по-

ПИСЬМО КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ НАУКИ: СЕМИОТИКА, ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА И ПАРАЛИНГВИСТИКА ПИСЬМА

Игорь Ефимович Ким

*Институт филологии Сибирского отделения Российской
академии наук, г. Новосибирск, Россия*

kimkim27601@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

Аннотация. Целью статьи является систематизация филологических и семиотических наук, изучающих с разных точек зрения феномен письма как репрезентативной формы языка, как коммуникативной системы общественно-языковой практики, как фактуры речи, как знаковой системы с особой формой знаков. Многоаспектность письма обусловила разнообразие теоретических и прикладных научных дисциплин, связанных с письмом. Было установлено, что науки о письме относятся к четырем большим областям знания: семиотике, филологии, лингвистике, паралингвистике. Выделение этих четырех областей знания связано с общей логикой развития филологической в широком смысле науки и деятельности. Кроме того, можно отметить, что внутри этих областей могут выделяться общетеоретические (общая филология, грамматология), частно-теоретические (графика и графика, метаграфика), прикладные (палеография, текстология, сфрагистика и др.), ортологические (орфография и пунктуация) и практические (типографика, расшифровка письменностей) дисциплины и даже художественные практики (каллиграфия, дизайн шрифтов).

Ключевые слова: письмо, грамматология, параграфика, графика, типографика.

Для цитирования

Ким И. Е. Письмо как объект и предмет науки: семиотика, филология, лингвистика и паралингвистика письма // *Universum Humanitarium*. 2025. № 2. С. 139–157. DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-139-157

WRITING AS AN OBJECT AND SUBJECT OF SCIENCE: SEMIOTICS, PHILOLOGY, LINGUISTICS AND PARALINGUISTICS OF WRITING

IGOR E. KIM

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

kimkim27601@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

Abstract. The purpose of this article is to systematically organize the philological and semiotic sciences that examine the phenomenon of writing from various perspectives: as a representative form of language, a communicative system of sociolinguistic practice, a texture of speech, and a sign system characterized by a distinct set of signs. The multifaceted nature of writing has given rise to a wide array of theoretical and applied scientific disciplines connected to it. It has been established that the study of writing encompasses four primary areas of knowledge: semiotics, philology, linguistics, and paralinguistics. This classification aligns with the overall trajectory of philological science and its broader activities. Moreover, within these areas, we can identify several subfields: general theoretical disciplines (such as general philology and grammatology), specific theoretical disciplines (including graphics, graphemics, and metagraphemics), applied disciplines (like paleography, textology, and sphragistics), orthological studies (pertaining to spelling and punctuation), practical disciplines (such as typography and script decipherment), and even artistic practices (like calligraphy and font design).

Keywords: Writing, grammatology, paragraphemics, graphics, typography.

For citation

Kim I. E. Writing as an object and subject of science: semiotics, philology, linguistics, and paralinguistics of writing. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 2, pp. 139–157. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-139-157

Письмо представляет собой, с одной стороны, многоаспектную деятельность, в которую вовлечена большая часть человечества, и, с другой стороны, удивительно организованную знаковую систему, обладающую множеством внутренних отношений, связей со звуковой формой языка и использующим систему письма обществом. Это не могло не сказаться на том, как письмо рефлектируется в обществе.

Сложность организации письма, его связей с акустической репрезентативной формой языка и социумом привели к тому, что множество гуманитарных, прежде всего филологических наук отражают его организацию, функционирование, историю, взаимосвязи с другими коммуникативными системами, его материальное воплощение. В каждой из этих наук сделаны выдающиеся открытия, обнаружены удивительные факты и закономерности, и совершенно

естественно выглядит желание построить всеобъемлющую теорию письма, в которой бы органично соединились разные и порой противоречащие друг другу знания об этой коммуникативной системе.

Поэтому целью автора данной статьи является сведение воедино очень многих научных дисциплин, предметом которых является письмо в каком-либо из своих проявлений. Эта цель, конечно же, на первый взгляд не кажется выполнимой, поэтому ограничимся первой из задач, возникающих на этом пути – учете научных и научно-практических дисциплин, посвященных письму.

В данном случае к письму необходимо присоединить печать и графическую электронную коммуникацию, которые составляют по отношению к письму отдельные фактуры речи [Рождественский, 1979. С. 8], то есть способы материального воплощения языковых знаков, но вместе с письмом реализуют графическую репрезентативную форму языка (статическую и визуальную по характеру восприятия и линейно-фигурную по характеру исполнения), или форму представления языка [Степанов, 1976. С. 30].

Следует оговориться, что меня в данном случае интересует русское письмо, что выводит за границы обсуждения такие вопросы, как типология письма по характеру отражаемых языковых единиц. Русское письмо фонографическое, алфавитное с элементами условной иероглифики. Другие типы письма не попадают в поле зрения настоящего исследования.

Письмо отражается в системе гуманитарных дисциплин, объектом и / или предметом которых оно служит. В каждой из них отражены или акцентированы характеристики или аспекты письма, отличные от тех, которые изучаются в других дисциплинах, конечно же, с большой областью пересечения.

Отдельной задачей является систематизация и формирование порядка перечисления наук о письме. Универсальная десятичная классификация (УДК) относит письмо к нескольким предметным областям, из которых наиболее детализированы 003 – «Системы письма и письменности. Знаки и символы. Семиотика в целом. Коды. Графическое представление мысли»; 651.9 – «Составление документов (рукописное, машинописное). Размножение. Перевод. Стенография»; 655 – «Полиграфическая промышленность. Издательское дело. Книжная торговля»; 81'35 «Графемика. Орфография. Правописание». Как видим, многоаспектность письма отражается и в современной классификации наук о письме.

Соответственно, требуется более компактное представление таких наук.

Первый напрашивающийся принцип – от наиболее общих к наиболее частным и от наиболее теоретических к наиболее прикладным гуманитарным и филологическим дисциплинам. Такой порядок не всегда возможно выдержать вследствие по сути полевой организации многообразия гуманитарных дисциплин, тесно связанных с изучением письма.

Более перспективным является подход к классификации, связанный с областью науки, к которой относится конкретная научная дисциплина, изучающая письмо.

Можно говорить по большому счету о четырех основных научных подходах к письму.

Одно из важнейших делений письменной практики, важное для классификации научных дисциплин, изучающих письмо, проведено в рамках грамматологии. Это различие письма и письменности, проведенное А. А. Волковым [1982]. Он предлагает провести деление следующим образом: «К письму относятся зафиксированный в специальных текстах норматив построения и интерпретации письменного произведения, азбука, пропись, учебная грамматика, а к письменности – система текстов, соотносимых по определенным признакам между собой и с текстами других письменностей, образующих ареал» [Волков, 1982. С. 19]. К промежуточным между письмом и письменностью явлениям он относит «систему укладов письма с тремя их основными типами – уставные (каллиграфические), полууставными и скорописные (курсивные)» [Волков, 1982. С. 19]. Таким образом, он относит к письму графику в составе набора знаков для отражения вербальных компонентов (азбуку), суперсегментную графику (орфографию) в виде сочетаемостных правил ввода знаков для формирования текста и правил интерпретации сочетаний знаков для его восприятия и шире стилистику в ее прикладном значении (норматив построения и интерпретации письменного произведения), а также эталонные написания (пропись) и способ освоения письма и отраженной в нем системы языка (учебную грамматику). К письменности он относит систему (и корпус) текстов. Далее А. А. Волков показал, что младограмматики задали различие филологического и лингвистического подходов к изучению письма, то есть, «с одной стороны, теории и истории письменности, которые оказались за пределами собственно лингвистики, а с другой стороны, проблем письма, то есть алфавита, графики (приемов отражения на письме звукового ряда) и орфографии (норм письма), имеющих отношение к лингвистическому исследованию языка. Такая трактовка письма осталась практически без изменения и до настоящего времени» [Волков, 1982. С. 65]. Таким образом, одним из ключевых является различие лингвистического и филологического подходов к письму.

Однако это разделение не было единственным в истории изучения письма.

Еще два направления были заданы благодаря развитию в каком-то смысле более широкого взгляда на человеческую коммуникацию, чем филологический. Этот взгляд связан с самостоятельным изучением знаковых систем – семиотикой [Peirce, 1931–1958; Степанов, 1971; Семиотика, 1983 и др.].

Первое направление – собственно семиотическое. В таком подходе возможно обсуждать письмо как самостоятельную знаковую систему, только в некоторой части связанную с акустической формой языка и устным общением как таковым.

Второе направление выделилось благодаря пониманию, в основе своей семиотическому, ограниченности языка как коммуникативного инструмента. Объем суммарной информации, передаваемой в ходе речевого контакта, оказался значительно больше, чем транслируемый через посредство языкового кода. Поэтому в противовес лингвистике и в дополнение к ней сформировалась паралингвистика, в одном из своих пониманий являющаяся частью невербальной семиотики [Крейдлин, 2002]. В результате

«аналогического выравнивания» наук была открыта еще одна наука о письме – параграфемика: лингвистика / пара-лингвистика = графемика / пара-графемика [Намр, 1959].

Таким образом, можно говорить о четырех научных подходах, в которых рассматривается письмо. Расположим их в порядке обобщенности / специфичности:

- 1) семиотический;
- 2) филологический;
- 3) лингвистический;
- 4) паралингвистический.

Дальнейшее описание наук о письме будет вестись именно в этом порядке. Внутри, насколько это возможно, систематизация пойдет от более общих и теоретических к более частным и прикладным и даже практическим дисциплинам.

1. Семиотический подход

1.1. *Грамматология*. Гуманитарной дисциплиной, предметом которой является только графическая форма языка, является грамматология, междисциплинарная теория письма. Эта наука понимается как философская [Деррида, 2000], семиотическая [Волков, 1982 и др.], филологическая [Гельб, 1982] и лингвистическая [Амирова, 1985] дисциплина¹. Появление грамматологии обусловлено тем обстоятельством, что письмо, будучи объектом изучения большого количества частных филологических дисциплин, было лишено обобщающего взгляда, который бы позволил за множеством частных наблюдений и обобщений обнаружить сущностные свойства этой знаковой системы и коммуникативной практики. Разница в понимании предмета и в подходах тем не менее оставляет грамматологии большой список общих проблем: систематизация научных подходов к письму, происхождение и развитие письма, организация систем письма и письменности, типология письменных систем, закономерности их функционирования; соотношение письма и языка. В условных рамках этой дисциплины существует и гипертрофированный взгляд на письмо, который реализован в идеях Ж. Деррида: он считает, в отличие от большинства лингвистов, что письмо более всеобъемлющая коммуникативная и познавательная система, чем (акустический) язык, который является по своим возможностям только подступом к системе письма [Деррида, 2000. С. 121–122]. Для понимания этой позиции важна национальная научно-философская традиция, в которую вписана философская деятельность постструктуралиста и постмодерниста Ж. Деррида, а также его культурно-языковой опыт, в логике которого опыты его философского этимологизирования связывают с письмом все слова французского языка с корнями *graph-* и *gramm-*. Графики, чертежи, программы, пиктограммы и др. знаковые объекты, которые другие грамматологи описывают как близкие

¹ Т. А. Амирова тем не менее использует для этой дисциплины другой термин – графическая лингвистика [Амирова, 1985].

к письму или даже производные от него знаки [Волков, 1982. С. 21], Ж. Деррида относит к фактам письма [Деррида, 2000. С. 122–124].

2. Филологический подход

2.1. Помимо грамматиологии, имеющей по большей части семиотический характер, наиболее широкий взгляд на письмо, как мне кажется, реализован в *общей филологии*. Это наука, изучающая общественно-языковую практику, понимаемую как обращение текстов в социуме [Рождественский, 1979]. Понятие фактуры речи, введенное в широкий научный обиход Ю. В. Рождественским, позволило соединить в плане выражения знаковых единиц не только формальные, но и материально-практические, и деятельностные аспекты языковой коммуникации. За письменной фактурой речи скрывается одно из важнейших ремесел и искусств, а также целая серия социальных институтов, обеспечивающих полноценное обращение письменных текстов: почта, школа, архивы и библиотеки, канцелярии, в истории человечества – скриптории. А печатная фактура открыла промышленные масштабы языковой коммуникации, выделив позиции филологического предпринимательства (издательской деятельности), производства (типографий и полиграфических предприятий) и торговли (книжных магазинов). Интересно, что отечественные грамматиологи А. А. Волков и Т. А. Амирова связаны научной традицией или сотрудничеством с Ю. В. Рождественским, создавшим учебный курс по этой дисциплине. В рамках общей филологии письмо и печать представлены как частные фактуры речи, наряду с устной фактурой и массовой коммуникацией, но способ представления письменной и печатной коммуникации оказывается максимально широким.

Далее мы можем выделить две научных дисциплины, предметом которых выступают графические системы в их фактурном своеобразии.

2.2. *Палеография*, в большей степени прикладная филологическая дисциплина, связанная с изучением письменной составляющей древних текстов, что отражено в морфемной структуре термина. Если грамматиология ставит теоретические вопросы существования и организации системы письма, то палеография изучает письменную форму, характер письменных начертаний, материальные аспекты исполнения письменных знаков. В каком-то смысле наблюдается диспропорция в том, что не очень внятно выделяется дисциплина, посвященная современному письму. Для нее мог бы быть применен термин неография, но он уже «занят»: так называется раздел лексикографии – словарное отражение новых слов, лексико-семантических вариантов и фразеологизмов. Поэтому исследования и современных рукописей называют палеографическими, ср. [Рейсер, 1970. С. 5] о палеографии нового времени (XIX–XX вв.). Такое несоответствие вызвано, как мне кажется, еще и тем, что с развитием печати письмо потеряло фактурный интерес, что выразилось, в частности, в утрате ценности русской каллиграфии, особенно бытовой; письмо как предмет изучения и овладения переместилось в младшую школу, а письменные навыки, развиваемые при освоении черчения, перестали быть востребованы из-за того, что соответствующий курс

был исключен из школьной программы, а современная проектная деятельность связана с развитыми компьютерными инструментами. Еще одним существенным ограничением использования термина является фактурный аспект: палеография изучает письменные памятники, исполненные специализированным инструментом письма на специализированном писчем материале [Рождественский, 1979. С. 53–54].

2.3. *Типографика*, прикладная и теоретическая филологическая дисциплина для описания теории и практики печати [Гессен, 1935; Рудер, 1982; Шицгал, 1985; Феличи, 2004 и др.]. Типографика как филологическая дисциплина связана с фактурными, техническими, производственными и эстетическими сторонами типографического и полиграфического производства. В этой дисциплине очень большое внимание уделяется исполнению графических знаков и очень конкретным визуальным особенностям графики. Для некоторых специалистов по теории письма участие в типографической и, шире, издательской практике дало более широкий взгляд на письмо и даже язык. В. А. Истрин, в свое время занимавшийся проблемами стандартизации форматов бумаги и печатных изданий, высказал идею о существовании докириллического славянского протописьма [Истрин, 1965; 1988]. А. А. Реформатский в соавторстве с М. М. Каушанским написал интересную работу по техническому редактированию книги, в которой продемонстрировал приемы анализа материала, характерные для лингвистического подхода Московской филологической школы, но в каком-то смысле вышел за пределы этой методологии, показав глубокое понимание визуально-пространственной природы печатного текста [Реформатский, 1933].

К области типографики относится практическая и творческая дисциплина — разработка гарнитур шрифтов.

Далее следуют филологические дисциплины, в большей степени прикладные, ориентированные на филологическое изучение письма в его фактурном разнообразии. Прикладной характер этих дисциплин проявляется в том, что обычно их относят к вспомогательным историческим дисциплинам, но также они востребованы как вспомогательные дисциплины в изучении древнерусской литературы, археографии и исторических лингвистических дисциплин: исторической грамматики и истории литературного языка. Отмечу также, что к дисциплинам этого круга относят и палеографию.

2.4. Дисциплины, изучающие письменные и печатные тексты.

2.4.1. *Текстология*. Это наиболее широкая из научных дисциплин, посвященная текстам. Ю. В. Рождественский определяет задачу текстологии, которая заключается «в установлении обстоятельств создания источника, его авторской атрибуции, истории хранения и пользования им, в сопоставлении разных списков с этого источника и, наконец, в реконструкции сводного, так называемого критического текста источника по имеющимся разным спискам с него, именуемым в текстологии „дипломатическими текстами“» [Рождественский, 1979. С. 54].

2.4.2. *Берестология* — разновидность палеографии и текстологии, ориентированная на изучение берестяных грамот. Уникальность этой дисциплины

связана с локальной ограниченностью использования бересты как писчего материала и совокупностью условий, способствовавших сохранению этого недолговечного материала, использовавшегося в повседневной письменной коммуникации [Зализняк, 2000; Лебедев, 2018]. В каком-то смысле данная дисциплина примыкает к следующей группе наук благодаря тому, что в них существенную роль играет фактурный аспект.

Следующие дисциплины связаны с изучением «многостраничных» текстов, выполненных на листах писчего материала, стационарно скрепленных между собой. Такие тексты имеют большой объем и требуют использования дополнительных приемов формирования и исполнения. Основная сложность для таких текстов заключалась в необходимости стационарности, жесткой последовательности страниц, и компактности, то есть удобства хранения и перемещения. Тем не менее отмечу также то, что деление дисциплин связано и с фактурным аспектом — материалом и характером изготовления текста, что позволяет включить в состав этих дисциплин и берестологию (2.4.2).

2.4.3. *Папирология* — прикладная филологическая дисциплина, изучающая рукописные книги в форме, характерной для использования папируса в качестве писчего материала. Книги из листов папируса склеивались последовательно нижним краем одного листа к верхнему краю другого листа и тем самым образовывали свитки, компактность которых создавалась сворачиванием в виде цилиндра [Фихман, 1987 и др.].

2.4.4. *Кодикология* — прикладная филологическая дисциплина, изучающая рукописные книги в форме, привычной для нас: в ней листы скреплялись по одной боковой стороне, образуя кодексы — книжные блоки, в отличие от свитков папируса [Специальные исторические дисциплины, 1992. С. 156].

2.4.5. *Книговедение* — более широкая дисциплина, изучающая как рукописные, так и печатные книги, несмотря на очевидные фактурные различия [Саутина, 2013 и др.]. Книговедение по номенклатуре научных областей не относится к филологическим наукам, и в этом проявляется общее отношение к письму в современной системе наук, о котором говорилось выше.

Следующая дисциплина выделяется по жанровой специфике.

2.4.6. *Дипломатика* в отечественной исторической традиции изучает «акты», в широком понимании документы [Каштанов, 1970. С. 5–7]. Предметно к дипломатике примыкает тематически более широкая наука документоведение, как и книговедение, не относящееся к филологическим дисциплинам [Илюшенко, Кузнецова, Лившиц, 1977; Панафидин, 2012 и др.].

2.5. Следующая группа дисциплин связана непосредственно с фактурными особенностями текстов. В этот список включается и палеография.

2.5.1. *Эпиграфика* — филологическое изучение надписей на неписчей поверхности: утвари, например, пряслицах, глиняных сосудах, церковных зданиях, могильных знаках [Рождественский, 1979. С. 52–53 и др.]. Эпиграфика получила широкое развитие в связи с изучением современного языка города [Шмелева, 1997 и др.].

2.5.2. *Сфрагистика* — филологическое изучение печатей и штампов [Рождественский, 1979. С. 51–52]. К ней примыкает *бонистика* — дисциплина,

изучающая боны — денежные знаки и ценные бумаги [Беловинский, 2000. С. 64], а также *филателия* и *геральдика* в своей текстовой части (для последней — вензеля и девизы) [Беловинский, 2000. С. 13].

2.5.3. *Нумизматика* — филологическое изучение монет [Рождественский, 1979. С. 51; Беловинский, 2000. С. 25]. К ней примыкает *фалеристика*, изучающая металлические бляхи, нагрудные знаки, ордена, металлические знаки, которые носили на головных уборах и т. п. [Беловинский, 2000. С. 99].

К филологическим дисциплинам, изучающим письмо, стоит причислить еще одну практическую дисциплину, которая по сути является искусством — *каллиграфию*. Это искусство в настоящее время в нашей стране потеряло свое массовое прикладное значение (как чистописание), но сохранилось как прикладная дисциплина в образовании и практике художников и дизайнеров [Богдеско, 2005 и др.].

3. Лингвистический подход

3.1. *Графика и графемика*, лингвистические дисциплины, предметом которых является письмо. Лингвистическая графика основана на идее об опосредованном отношении письма к языку и изучает только тот аспект письма, который связан с отражением в нем единиц акустической формы языка. Наиболее последовательно этот взгляд отражен в учебном пособии В. Ф. Ивановой [1976].

Парадоксально, что отношение науки, именуемой графемикой как теорией сегментных единиц, к графике не всегда сопоставимо с отношением фонологии (*фонемикой²) к фонетике. Помимо терминологических сложностей, существует и разница в подходах к содержанию этих дисциплин. Наиболее распространен взгляд, что графемика — это наука о системе графических единиц и их функциях безотносительно к тому, как они соотносятся с фонетическими единицами, на чем делается акцент в теории графики [Амирова, 1985. С. 53]. Интересен состав науки о письме, которую Т. А. Амирова называет графической лингвистикой. В нее, по мнению автора, входят графемика, графика, орфография и палеография [Амирова, 1985. С. 57–60].

3.2. *Теория пунктуации*, описывающая одну из подсистем письма — пунктуационные знаки и их использование в тексте и его единицах. До работ А. Б. Шапира [1955], а затем А. Н. Пеньковского и Б. С. Шварцкопфа [1979], включая монографию [Шварцкопф, 1988], пунктуация воспринималась в большей степени как ортологическая дисциплина (см. ниже 3.3), но перечисленные исследования показали, что пунктуацию можно рассматривать как подсистему письма с четко очерчиваемым набором функций, что позволяет применять к ней функционально-системный подход. Дальнейшее

² Культурная плотность существования письма и производных от нее систем сделала невозможными многие терминологические параллели. Так триада фонема — аллофон — фон не может повторяться в тираде графема — аллограф — *граф, поскольку граф даже не в социальном смысле имеет собственное значение и употребление в математике. Также и графология не вполне уместна для обозначения теории языковых сегментных письменных единиц, поскольку термин уже занят и обозначает «псевдонауку» о влиянии характера человека на почерк — манеру письма. В зарубежной лингвистике используются и термины граф и графология (см. о последнем: [Амирова, 1985. С. 54]).

развитие системного подхода к пунктуации связано с учетом формальных (пространственно-кинематических) характеристик пунктуационных знаков [Ким, 2019]. Существует зона пересечения теории пунктуации и типографики. Так, под влиянием опыта, полученного в изучении и описании типографики [Реформатский, 1933], А. А. Реформатский, а вслед за ним многие другие лингвисты, например Л. Г. Веденина [1975], Б. С. Шварцкопф [1988. С. 66], Е. Н. Широкова [2019] и др., различают пунктуацию письма и расширенную пунктуацию печатного текста (в иных терминах – лингвистическую и типографскую пунктуацию). Другая зона пересечения – с метаграфемикой, о которой речь пойдет ниже [Шубина, 2006].

3.3. *Лингвистическая ортология. Орфография и пунктуация*, понимаемые как описание нормы графической и пунктуационной подсистем языка, являются областями ортологии, которые относятся именно к письму [Правила русской орфографии и пунктуации, 2007. С. 11]. Их предмет имеет обобщенное название правописания. Правописанием также можно назвать и объединяющую эти разделы учебную и ортологическую дисциплину. В связи с особым отношением к языковой норме в нашем обществе существует колоссальная по объему и степени проработанности частных вопросов правописания литература кодифицирующего, справочного, описательного, методического и учебного характера.

К лингвистическим научным дисциплинам, изучающим письмо, примыкают прикладные дисциплины, использующие лингвистические и лингвостатистические методы:

3.4. *Стилеметрия* – изучение стилевых характеристик текстов и авторов с использованием лингво-статистических методов [Мартыненко, 1988 и др.].

3.5. *Почерковедение и автороведение* – криминалистические дисциплины, целью которых является установление автора и / или его психосоциальных характеристик на основании почерка и языковых особенностей текста [Почерковедение, 2007; Литвинова, Громова, 2020 и др.].

Можно выделить еще одну группу лингвистических дисциплин, ограниченных изучением письменной репрезентативной формы языка в разных фактурах и в разных сферах общения:

3.6. *Теория естественной письменной речи*, в базе своей ориентированная на изучение ненормированного письма и выявление механизмов формирования письменного текста, не связанных с влиянием нормы [Тискова, 2002; Власов, 2005; 2007 и др.]. Прекрасную работу по стихийной русской пунктуации начала XX в. написала О. Йокойама [2005], не будучи включена в эту традицию.

3.7. *Лингвистическое изучение текстов СМИ и интернета* [Шалимова, 2008; Стурикова, Кирпичикова, 2014; Басалаева, Шпильман, 2015; Широкова, 2015; Басалаева, Ружа, Шпильман, 2016 и др.]. Одно из перспективных направлений изучения языка интернета связано с пересечением пунктуации и смайликов (эмотиконов) [Нашхоева, 2011 и др.].

Отдельную область исследования, предполагающую применение эвристических и криптографических методик, составляет *расшифровка письменностей*, в том числе петроглифов.

И наконец, можно выделить условную область, которая может быть покрыта термином *лингвистическая инженерия*. В нее входят создание письменностей для бесписьменных языков, а также для языков, заимствовавших письменность, не соответствующую их фонетической системе, эксперименты по созданию языков несуществующих народов и их письменности в научной фантастике и фэнтези.

4. Паралингвистический подход

4.1. *Метаграфемика* (параграфемика, паралингвистика письма). Метаграфемика описывает как раз ту часть письма, которая выходит за пределы графики в ее лингвистическом понимании. Собственно паралингвистика письма изучается в рамках параграфемики, но состав и границы системы параграфемных средств представляют дискуссионный вопрос, который решается разными специалистами по-разному.

А. Н. Баранов и Б. П. Паршин выделяют в составе параграфемики (метаграфемики) следующие типы средств: субстанциональную метаграфемiku, связанную с материалом и инструментами письма; хромографемiku, связанную с цветовым оформлением графем; синграфемiku (пунктуационное оформление); супраграфемiku (шрифтовое оформление и выделение, пробелы и др.); иконическую супраграфемiku (использование изображений); топографемiku (пространственное расположение текста); кинемографемiku (анимацию) [Баранов, Паршин, 2018].

Кроме того, к параграфемным средствам относят также несегментные дискретные элементы письма [Ким, 2025].

Таким образом, в изучение письма вовлечено большое количество научных дисциплин, связанных с четырьмя гуманитарными областями: семиотикой, филологией, лингвистикой, паралингвистикой. При этом обнаруживается разнообразие и в научно-практическом характере дисциплин: часть из них являются методологическими и общетеоретическими, часть относятся к частным теоретическим дисциплинам, большое количество имеет прикладной характер, но обнаруживаются и дисциплины, связанные с креативной деятельностью: каллиграфия, проектирование шрифтов, создание фантастических языков с их письменностью, изобретение письменностей для бесписьменных языков, а также с целью замены заимствованной письменности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирова Т. А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. М.: Наука, 1985. 286 с.

Баранов А. Н., Паршин П. Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемики // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН, 1989. С. 41–115.

Басалаева Е. Г., Ружа О. А., Шпильман М. В. Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 59–69. DOI 10.17223/18137083/56/6

Басалаева Е. Г., Шпильман М. В. Многоточие как объект языковой рефлексии в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 248–255.

Беловинский Л. В. Вспомогательные исторические дисциплины: учеб.-справочное пособие для студентов вузов специальности «Музейное дело и охрана памятников». М.: Профиздат: Изд-во Моск. ун-та культуры и искусства, 2000. 120 с.

Богдеско И. Т. Каллиграфия. СПб.: Агат, 2005. 176 с.

Веденина Л. Г. Пунктуация французского языка: [учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз]. М.: Высшая школа, 1975. 168 с.

Власов М. С. Исследование восприятия текстов с нормативной и ненормативной пунктуацией носителями русского и английского языков методом лингвоакустического анализа // Вестник Читинского государственного университета. 2007. № 4 (45). С. 86–94.

Власов М. С. Проблема восприятия и порождения «естественной» пунктуации // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: труды Междунар. науч.-практ. конф. (г. Бийск, 31 октября – 1 ноября 2005 г.). Бийск: РИО БПГУ имени В. М. Шукшина, 2005. С. 160–166.

Волков А. А. Грамматология: Семиотика письменной речи. М.: МГУ, 1982. 176 с.

Гельб И. Е. Опыт изучения письма (основы грамматологии) / пер. с англ. Л. С. Горбовицкой, И. М. Дунаевской; под ред. и с предисл. И. М. Дьяконова. М.: Радуга, 1982. 366 с.

Гессен Л. И. Оформление книги: руководство по подготовке рукописи к печати. 2-е изд. Л.: Соцэкгиз. Ленингр. отделение, 1935. 335 с.

Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad marginem, 2000. 511 с.

Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Палеография берестяных грамот и их внестратигр. датирование. М.: Русские словари, 2000. Т. 10: Из раскопок 1990–1996 гг. С. 134–274.

Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. 288 с.

Илюшенко М. П., Кузнецова Т. В., Лившиц Я. З. Документоведение. Документ и системы документации: учеб. пособие. М.: [Б. и.], 1977. 84 с.

Иоффе А. М. Введение в книговедение: учеб. пособие по курсу «Книговедение и история книги», для студентов библиотечного факультета институтов культуры. М.: МГИК, 1984. 74 с.

Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 192 с.

Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М.: URSS, 1965. 599 с.

Йокояма О. Б. Знаки препинания в крестьянских письмах XIX в. // Язык. Личность. Текст: сб. ст. в честь Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 619–636.

Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики: моногр. М.: Наука, 1970. 498 с.

Ким И. Е. Графика и параграфемика: где проходит граница между лингвистикой и паралингвистикой письма // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 225–249. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-225-249

Ким И. Е. Современная русская пунктуация как знаковая система // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 302–318. DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-302-318

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с. (Научное приложение. Вып. XXXIX).

Лебедев А. В. Русская палеография: учеб.-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 36 с.

Литвинова Т. А., Громова А. В. Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 77–88. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.1.7

Мартыненко Г. Я. Основы стилиметрии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 174 с.

Нашхоева М. Р. Взаимодействие пунктуационных знаков и эмотиконов в текстах форумов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия: Филология и Искусствоведение. 2011. № 12. С. 321–327.

Панафидин Ф. А. Теоретические основы документоведения: учеб. пособие. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. 106 с.

Пеньковский А. Б., Шварцкопф Б. С. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы // Современная русская пунктуация: сб. ст. М.: Наука, 1979. С. 5–25.

Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030502.65 «Судебная экспертиза» / под ред. В. В. Серегина. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2007. 339 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 479 с.

Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М.: Просвещение, 1970. 335 с.

Реформатский А. А. Техническая редакция книги. Теория и методика работы / при участии М. М. Каушанского, под ред. Д. Л. Вейса. М.: Гизлегпром, 1933. 414 с.

Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М.: Высш. школа, 1979. 224 с.

Рудер Ж. Типографика. Руководство по оформлению / пер. с нем. М. Жуков. М.: Книга, 1982. 286 с.

Саутина Е. В. Книга в системе книговедческого знания: анализ подходов и дефиниций // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. Вып. 4 (36). С. 20–27.

Семиотика: сб. ст. / общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. 634 с.

Специальные исторические дисциплины / под ред. В. О. Замлинского, М. Ф. Дмитриенко. Киев: НМК ВО, 1992. 323 с.

Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. 224 с.

Стурикова М. В., Кирпичикова М. Е. Пунктуация в текстах социальных сетей // Социокультурное пространство России и Зарубежья: Общество, образование, язык. 2014. № 3. С. 154–159.

Тискова О. В. Русская пунктуация как коммуникативный феномен (к постановке проблемы) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты: сб. материалов конференции. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. Ч. 1. С. 288–294.

Феличи Д. Типографика: шрифт, верстка, дизайн / [пер. с англ. и коммент. С. И. Пономаренко]. СПб.: БХВ-Петербург, 2004. 470 с.

Фигман И. Ф. Введение в документальную папирологию. М.: Наука, 1987. 524 с.

Шалимова Ю. М. Функции знаков препинания в текстах региональных периодических изданий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. № 2 (8). С. 175–178.

Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 398 с.

Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 191 с.

Широкова Е. Н. Пунктуация как динамическая функциональная система // Пацукова О. А., Петрова Н. Е., Широкова Е. Н. Динамические явления в русском языке и русской речи. Н. Новгород: Мининский ун-т, 2019. С. 154–220.

Широкова Е. Н. Тенденции оформления чужой речи в масс-медийном дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 6: Журналистика. С. 191–195.

Шицгал А. Г. Русский типографский шрифт. Вопросы истории и практика применения: моногр. 2-е изд. М.: Книга, 1985. 255 с.

Шмелева Т. В. Письменность городской среды // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике. Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 1997. Вып. 1. С. 114–123.

Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 050300 «Филологическое образование». М.: Академия, 2006. 249 с.

Hamp E. P. Graphemics and Paragraphemics. *Studies in Linguistics*, 1959, vol. 14, no. 1, pp. 1–6.

Peirce Ch. S. *Collected Papers*. Vol. 1–6, eds. C. Hartshorne, P. Weiss; vol. 7–8, ed. A. W. Burks. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1931–1958.

REFERENCES

Amirova T. A. Funktsional'naya vzaimosvyaz' pis'mennogo i zvukovogo yazyka [The Functional Interrelation of Written and Spoken Language]. Moscow, Nauka, 1985, 286 p. (In Russ.).

Baranov A. N., Parshin P. B. Vozdeistviyushchii potentsial var'irovaniya v sfere metagrafemiki [The Exertive Potential of Variation in Metagraphemics]. In: Problemy effektivnosti rechevoi kommunikatsii: sb. nauch.-analit. obzorov [Problems of Speech Communication Effectiveness: Collection of Scientific and Analytical Reviews]. Moscow, INION, 1989, pp. 41–115. (In Russ.).

Basalaeva E. G., Ruzha O. A., Shpil'man M. V. Russkaya orfografiya i punktuatsiya skvoz' prizmu naivnogo soznaniya [Russian Orthography and Punctuation through the Prism of Naïve

Conscioucness]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2016, no. 3, pp. 59–69. DOI 10.17223/18137083/56/6 (In Russ.).

Basalaeva E. G., Shpil'man M. V. Mnogotochie kak ob'ekt yazykovoi refleksii v internet-diskurse [Dots as an Object of Language Reflection in Internet-Discourse]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2015, no. 3, pp. 248–255. (In Russ.).

Belovinskii L. V. Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: ucheb.-spravochnoe posobie dlya studentov vuzov spetsial'nosti «Muzeinoe delo i okhrana pamyatnikov» [Auxiliary Sciences of History: A Textbook for Students Majoring in “Museum Studies and Monument Protection”]. Moscow, Profizdat, Izd-vo Mosk un-ta kul'tury i iskusstva, 2000, 120 p. (In Russ.).

Bogdesko I. T. Kalligrafiya [Calligraphy]. St. Petersburg, Agat, 2005, 176 p. (In Russ.).

Derrida Zh. O grammatologii [On Grammatology] / transl. from French by N. Avtonomova. Moscow, Ad marginem, 2000, 511 p. (In Russ.).

Felici D. Tipografika: shrift, verstka, dizain [Typography: Font, Layout, Design] / [transl. from English and comments by S. I. Ponomarenko]. St. Petersburg, BKhV-Peterburg, 2004, 470 p. (In Russ.).

Fikhman I. F. Vvedenie v dokumental'nuyu papirologiyu [Introduction to Documentary Papyrology]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya Vostochnoi literatury, 1987, 524 p. (In Russ.).

Gel'b I. E. Opyt izucheniya pis'ma (osnovy grammatologii) [A Study of Writing (The Foundations of Grammatology)] / transl. from English by L. S. Gorbovitskaya. Moscow, Raduga, 1982, 366 p. (In Russ.).

Gessen L. I. Oformlenie knigi: Rukovodstvo po podgotovke rukopisi k pechati [Book Design: A Guide to Preparing a Manuscript for Printing]. 2-e izd. St. Petersburg, Sotsekgiz, Leningr. otd-nie, 1935, 335 p. (In Russ.).

Hamp E. P. Graphemics and Paragraphemics. *Studies in Linguistics*, 1959, vol. 14, no. 1, pp. 1–6.

Ilyushenko M. P., Kuznetsova T. V., Livshits Ya. Z. Dokumentovedenie. Dokument i sistemy dokumentatsii: ucheb. posobie [Documentation Science. Document and Documentation Systems: A Textbook]. Moscow, 1977, 84 p. (In Russ.).

Ioffe A. M. Vvedenie v knigovedenie: uchebnoe posobie po kursu «Knigovedenie i istoriya knigi», dlya studentov bibliotechnogo fakul'teta institutov kul'tury [Introduction to Book Science: A Textbook]. Moscow, MGIK, 1984, 74 p. (In Russ.).

Iokoyama O. B. Znaki prepiniya v krest'yanskikh pis'makh XIX v. [Punctuation Marks in 19th-Century Peasant Letters]. In: Yazyk. Lichnost'. Tekst: sb. st. v chest' T. M. Nikolaevoi [Language. Personality. Text: Collection of Articles in Honor of T. M. Nikolaeva]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005, pp. 619–636. (In Russ.).

Istrin V. A. 1100 let slavyanskoi azbuki [1100 Years of the Slavic Alphabet]. 2nd ed. Moscow, Nauka, 1988, 192 p. (In Russ.).

Istrin V. A. Vozniknovenie i razvitie pis'ma [The Origin and Development of Writing]. Moscow, URSS, 1965, 599 p. (In Russ.).

Ivanova V. F. Sovremennyi russkii yazyk. Grafika i orfografiya. Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po spetsial'nosti «Rus. yaz. i literature» [Modern Russian Language. Graphics and Orthography: A Textbook]. 2nd ed. Moscow, Prosveshchenie, 1976, 288 p. (In Russ.).

Kashtanov S. M. Ocherki russkoi diplomatiki: monogr [Essays on Russian Diplomatics: A Monograph]. Moscow, Nauka, 1970, 498 p. (In Russ.).

Kim I. E. Grafika i paragrafemika: gde prokhorit granitsa mezhdu lingvistikoi i paralingvistikoi pis'ma [Graphics and Paragraphemics: Where is the Boundary between Linguistics and Paralinguistics of Writing]. *Kritika i semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 2, pp. 225–249. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-225-249 (In Russ.).

Kim I. E. Sovremennaya russkaya punktuatsiya kak znakovaya Sistema [Russian Punctuation as a Sign System]. *Kritika i semiotika [Critique and Semiotics]*, 2019, no. 2, pp. 302–318. DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-302-318 (In Russ.).

Kreidlin G. E. Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk [Non-Verbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 592 p. (Nauchnoe prilozhenie. Vyp. XXXIX). (In Russ.).

Lebedev A. V. Russkaya paleografiya: ucheb.-metodicheskoe posobie [Russian Paleography: A Study Guide]. Yaroslavl', YargU, 2018, 36 p. (In Russ.).

Litvinova T. A., Gromova A. V. Komp'yuternye tekhnologii v sudebnoi avtorovedcheskoi ekspertize: problemy i perspektivy ispol'zovaniya [Current Problems of Forensic Authorship Analysis and the Possibility of Their Solution with the Use of Computer Methods: Problems and Prospects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 77–88. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.1.7 (In Russ.).

Martynenko G. Ya. Osnovy stilemetrii [Fundamentals of Stylemetrics]. St. Petersburg, Izd-vo LGU, 1988, 174 p. (In Russ.).

Nashkhoeva M. R. Vzaimodeistvie punktuatsionnykh znakov i emotikonov v tekstakh forumov [Punctuation Signs and Emoticons' Interaction in Forum Texts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya i Iskusstvovedenie [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University. Series: Philology and Art History]*, 2011, no. 12, pp. 321–327. (In Russ.).

Panafidin F. A. Teoreticheskie osnovy dokumentovedeniya: ucheb. Posobie [Theoretical Foundations of Document Science: A Textbook]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2012, 106 p. (In Russ.).

Peirce Ch. S. Collected Papers. Vol. 1–6, eds. C. Hartshorne, P. Weiss; vol. 7–8, ed. A. W. Burks. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1931–1958.

Pen'kovskii A. B., Shvartskopf B. S. Opyt opisaniya russkoi punktuatsii kak funktsional'noi sistemy [An Attempt to Describe Russian Punctuation as a Functional System]. In: *Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sb. st. [Modern Russian Punctuation: Collection of Articles]* Moscow, Nauka, 1979, pp. 5–25. (In Russ.).

Pocherkovedenie i pocherkovedcheskaya ekspertiza: uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 030502.65 «Sudebnaya ekspertiza» [Handwriting Studies and Handwriting Examination: A Textbook for Students of Higher Education Institutions Majoring in 030502.65 “Forensic Examination”] / ed. V. V. Seregin. Volgograd, Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2007, 339 p. (In Russ.).

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian Orthography and Punctuation: A Complete Academic Reference] / ed. V. V. Lopatina. Moscow, Eksmo, 2007, 479 p. (In Russ.).

Reformatskii A. A. Tekhnicheskaya redaktsiya knigi. Teoriya i metodika raboty [Technical Editing of a Book. Theory and Methodology of Work] / with M. M. Kaushansky, ed. D. L. Veisa. Moscow, Gizlegprom, 1933, 414 p. (In Russ.).

Reiser S. A. Paleografiya i tekstologiya novogo vremeni [Palaeography and Textology of the Modern Era]. Moscow, Prosveshchenie, 1970, 335 p. (In Russ.).

Rozhdestvenskii Yu. V. Vvedeniye v obshchuyu filologiyu [Introduction to General Philology]. Moscow, Vysshaya shkola, 1979, 224 p. (In Russ.).

Ruder Zh. Tipografika. Rukovodstvo po oformleniyu [Typography: A Manual of Design] / transl. from German. Moscow, Kniga, 1982, 286 p. (In Russ.).

Sautina E. V. Kniga v sisteme knigovedcheskogo znaniya: analiz podkhodov i definitsii [Book in Bibliology Knowledge System: Definition and Approaches Analysis]. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]*, 2013, iss. 4 (36), pp. 20–27. (In Russ.).

Semiotika: sb. st. [Semiotics: Collection of Articles] / eds. Yu. S. Stepanov, M. F. Dmitrienko. Moscow, Raduga, 1983, 634 p. (In Russ.).

Shalimova Yu. M. Funktsii znakov prepinaniya v tekstakh regional'nykh periodicheskikh izdaniy [Functions of Punctuation Marks in the Texts of Regional Periodicals]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 2008, no. 2 (8), pp. 175–178. (In Russ.).

Shapiro A. B. Osnovy russkoi punktuatsii [Fundamentals of Russian Punctuation]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1955, 398 p. (In Russ.).

Shirokova E. N. Punktuatsiya kak dinamicheskaya funktsional'naya sistema [Punctuation as a Dynamic Functional System]. In: Patsyukova O. A., Petrova N. E., Shirokova E. N. *Dinamicheskie yavleniya v russkom yazyke i russkoi rechi: monografiya [Dynamic Phenomena in the Russian Language and Russian Speech]*. Nizhny Novgorod, Mininskii un-t, 2019, pp. 154–220. (In Russ.).

Shirokova E. N. Tendentsii oformleniya chuzhoi rechi v mass-mediinom diskurse [Tendencies in Representing Reported Speech in Mass-Media Discourse]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 6: Journalism, pp. 191–195. (In Russ.).

Shitsgal A. G. Russkii tipografskii shrift. Voprosy istorii i praktika primeneniya: monogr. [Russian Typeface. Issues of History and Practical Application: A Monograph]. 2nd ed. Moscow, Kniga, 1985, 255 p. (In Russ.).

Shmeleva T. V. Pis'mennost' gorodskoi sredy [The Written Language of the Urban Environment]. In: *Fonetika – orfoepiya – pis'mo v teorii i praktike: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Phonetics – Orthoepey – Writing in Theory and Practice: Inter-University Collection of Scientific Works]*. Krasnoyarsk, 1997, iss. 1, pp. 114–123. (In Russ.).

Shubina N. L. Punktuatsiya sovremennogo russkogo yazyka: ucheb. dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu 050300 «Filologicheskoe obrazovanie» [Punctuation of the Modern Russian Language: A Textbook for University Students Majoring in 050300 "Philological Education"]. Moscow, Akademiya, 2006, 256 p. (In Russ.).

Shvartskopf B. S. Sovremennaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie [Modern Russian Punctuation: System and its Functioning]. Moscow, Nauka, 1988, 191 p. (In Russ.).

Spetsial'nye istoricheskie distsipliny [Special Historical Disciplines] / ed. V. O. Zamlinskii. Kiev, NMK VO, 1992, 323 p. (In Russ.).

Stepanov G. V. Tipologiya yazykovykh sostoyaniy i situatsiy v stranakh romanskoy rechi [Typology of Language States and Situations in Romance Languages-Speaking Countries]. Moscow, Nauka, 1976, 224 p. (In Russ.).

Sturikova M. V., Kirpichikova M. E. Punktuaitsiya v tekstakh sotsial'nykh setei [Punctuation in the Texts of Social Networks]. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossii i Zarubezh'ya: Obshchestvo, obrazovanie, yazyk* [Sociocultural Space of Russia and Abroad: Society, Education, Language], 2014, no. 3, pp. 154–159. (In Russ.).

Tiskova O. V. Russkaya punktuaitsiya kak kommunikativnyi fenomen (k postanovke problemy) [Russian Punctuation as a Communicative Phenomenon (Toward the Statement of the Problem)]. In: *Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': issledovatel'skii i obrazovatel'nyi aspekty: sb. materialov konferentsii* [Natural Written Russian Speech: Research and Educational Aspects: Proceedings of the Conference]. Barnaul, Izd-vo AltGU, 2002, pt. 1, pp. 288–294. (In Russ.).

Vedenina L. G. Punktuaitsiya frantsuzskogo yazyka: [ucheb. posobie dlya stud. in-tov i fak. in. yazykov] [French Punctuation: A Textbook for Students of Institutes and Faculties of Foreign Languages]. Moscow, Vysshaya shkola, 1975, 168 p. (In Russ.).

Vlasov M. S. Issledovanie vospriyatiya tekstov s normativnoi i nenormativnoi punktuaitsiei nositelyami russkogo i angliiskogo yazykov metodom lingvoakusticheskogo analiza [The Research of Perception of Normally and Abnormally Punctuated Texts by Russian-speaking and English-speaking Persons by the Method of Lingvo-acoustic Analysis]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chita State University Journal], 2007, no. 4 (45), pp. 86–94. (In Russ.).

Vlasov M. S. Problema vospriyatiya i porozhdeniya «estestvennoi» punktuaitsii [The Problem of Perception and Generation of "Natural" Punctuation]. In: *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy yazykoznanii: trudy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Biisk, 31 oktyabrya – 1 noyabrya 2005 g)* [General Theoretical and Typological Problems of Linguistics: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Biysk, October 31 – November 1, 2005)]. Biisk, RIO BPGU imeni V. M. Shukshina, 2005, pp. 160–166. (In Russ.).

Volkov A. A. Grammatologiya: Semiotika pis'mennoi rechi [Grammatology: Semiotics of Written Speech]. Moscow, MGU, 1982, 176 p. (In Russ.).

Zaliznyak A. A. Paleografiya berestyanykh gramot [Palaeography of Birch-Bark Manuscripts]. In: Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste: Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigr. datirovanie* [Novgorod Birch-Bark Manuscripts: Palaeography of Birch-Bark Manuscripts and Their Non-Stratigraphic Dating]. Moscow, Russkie slovari, 2000, vol. 10: Iz raskopok 1990–1996 gg. [From excavation of 1990–1996], pp. 134–274. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ким Игорь Ефимович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия, kimkim27601@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>, Scopus Author ID: 57196724322, WoS ResearcherID: S-351-2016, SPIN-код автора: 6955-7931.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IGOR E. KIM, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Chief Researcher of the Sector of Russian Language in Siberia of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, kimkim27601@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>, Scopus Author ID: 57196724322, WoS ResearcherID: S-351-2016, SPIN-code: 6955-7931.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025;
одобрена после рецензирования 08.10.2025;
принята к публикации 15.10.2025.

The article was submitted on 01.09.2025;
approved after reviewing on 08.10.2025;
accepted for publication on 15.10.2025.

ТЕКСТ В РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И СЕМИОТИКЕ: ФОРМАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СЕМАНТИКА

АЛИНА ЭДУАРДОВНА КЛАДОВА

Независимый исследователь, г. Новосибирск, Россия
a.stepenok@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2600-1592>

Аннотация. Статья представляет собой обзор работ, посвященных пониманию сущности и свойств текста как многоаспектного явления. Исследование нацелено на выявление общих для разных филологических дисциплин представлений о феномене текста. Рассмотрев его с позиций палеографии, кодикологии, эпиграфики, текстологии, литературоведения, стилистики, семиотики, прагматики, психолингвистики, лингвистики текста и когнитивной лингвистики, автор выявила и систематизировала ряд конституирующих характеристик текста. Полученные данные сопоставительного анализа в дальнейшем могут послужить базой для формирования нового, всестороннего и комплексного направления, в центре исследований которого находится текст.

Ключевые слова: конституирующие свойства текста, цельность, связность.

Для цитирования

Кладова А. Э. Текст в русской филологии и семиотике: формальная организация и семантика // Universum Humanitarium. 2025. № 2. С. 158–182. DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-158-182

TEXT IN RUSSIAN PHILOLOGY AND SEMIOTICS: FORMAL ORGANIZATION AND SEMANTICS

ALINA E. KLADOVA

Independent researcher, Novosibirsk, Russia
a.stepenok@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2600-1592>

Abstract. This article reviews scholarly works that focus on understanding the nature and characteristics of text as a complex phenomenon. The study seeks to identify common conceptions of text across various philological disciplines. By exploring text from the perspectives of palaeography, codicology, epigraphy, textology, literary studies, stylistics, semiotics, pragmatics, psycholinguistics, text linguistics, and cognitive linguistics, the author identifies and organizes a range of its defining attributes. The comparative analysis presented in this article may serve as a foundation for establishing a new, comprehensive, and integrated research field centered on the study of text.

Keywords: constitutive properties of text, wholeness, coherence.

For citation

Kladova A. E. Text in Russian Philology and Semiotics: Formal Organization and Semantics. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 2, pp. 158–182. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-158-182

В последние десятилетия текст находится в центре внимания языковедения и смежных дисциплин. Несмотря на растущее количество работ, посвященных исследованию феномена текста, научное сообщество до сих пор не пришло к единому представлению о том, каким должно быть универсальное определение этого явления. По подсчетам В. Е. Чернявской, к 2009 г. в науках, так или иначе связанных с исследованием языка, речи и дискурса, насчитывалось более 300 дефиниций текста [Чернявская, 2009. С. 12]. Можно предположить, что за последующие 16 лет их количество значительно увеличилось. Определения варьируются не только между науками в широком понимании, и даже не только между отдельными лингвистическими дисциплинами, но и в рамках одного научного направления.

Являясь многоаспектным феноменом [Валгина, 2003. С. 7], текст представляет собой объект научного интереса таких направлений, как психолингвистика, прагматика, стилистика, семиотика, риторика, теория литературы, поэтика, теория речевой деятельности и, конечно, лингвистика текста. О. И. Москальская отмечает, что именно в риторике, поэтике и стилистике были сделаны первые шаги к появлению понятия «текст» [Москальская, 1981. С. 4]. Не стоит забывать и о текстологии, кодикологии, палеографии – тех филологических дисциплинах, которые ориентированы на материальную составляющую бытования текстов. При этом изучение текста не ограничивается рамками исключительно языковедческих и литературоведческих дисциплин. Рассматриваемый в экстралингвистическом аспекте, он становится объектом изучения и нелингвистических наук (социологии, антропологии, философии и др.) [Сенченко, 2009. С. 9].

Очевидно, что представители каждого из названных направлений имеют свой взгляд на природу текста, выделяют актуальные для них категории, составляют типологии, релевантные для той или иной сферы знания. Текст для специалиста по кодикологии не тот же, что и для психолингвиста. Цель данного обзора заключается в том, чтобы выявить общие для разных филологических дисциплин представления о феномене текста.

М. М. Бахтин называет текст первичной данностью всего гуманитарно-филологического мышления [Бахтин, 1986. С. 297]. Такую тесную связь гуманитарного знания и текста описывает и Л. А. Новиков, отмечая, что филология зародилась именно благодаря изучению текстов, став некой единой отраслью знания о них [Новиков Л. А., 2007. С. 6]. В дальнейшем, с развитием филологических представлений, текст на время уступил место изучению семантики, истории языка, его структуры и отдельных единиц, однако в XX в. вернулся в лингвистику в качестве полноправного объекта ее изучения.

Текст «переместился в центр» филологических исследований относительно недавно — в 1960–1970-е годы, хотя интерес к нему возник значительно раньше: в середине XX в. лингвисты начали осознавать неправомерность причисления предложения к высшему уровню языковой системы. Выделение таких единиц, как синтаксическо-семантическое целое [Белич, 1947], сложное синтаксическое целое [Поспелов, 1948], компонент целого текста [Фигуровский, 1961], позволило задуматься о необходимости вписать предложение в контекст [Алексеев, 2017. С. 73], заложило основу дальнейшего восприятия текста как более крупной единицы.

В 1980–1990-е годы сформировалось относительно единое представление о том, что текст — независимая высшая единица коммуникативной иерархии. Однако сейчас такой подход неактуален: сам текст тоже должен быть вписан в некий «фон» [Чернявская, 2009. С. 12]. По мнению некоторых исследователей, таким фоном является дискурс¹, культура [Мурзин, Штерн, 1991], семиотическое пространство [Лотман, 1992].

Важность текста для лингвистики подчеркивали П. Хартман, В. Дресслер, М. Халлидей. Именно текст М. Халлидей считал основной единицей языка [Halliday, 1970. P. 1]. Это представление способствовало зарождению новой дисциплины, ставшей центральной в вопросах изучения текста — лингвистики текста. О. И. Москальская выделяет следующие положения, возникшие во время формирования этого направления: 1) текст является высшей единицей синтаксического уровня и основной единицей речи, выражающей законченное высказывание; 2) текст является также единицей языка, поскольку в его основе лежат общие принципы построения текстов; 3) текст является частью знаковой системы языка; 4) изучение текста требует возникновения новой дисциплины — лингвистики текста [Москальская, 1981. С. 9].

«Ориентация на текст» современных лингвистических и смежных дисциплин объясняется растущим интересом к процессам, объединяющим информацию, ее восприятие и культуру, то есть смещением внимания в сторону междисциплинарных исследований. Выходя за рамки изучения одних лишь элементов текста и его структуры, исследователи делают шаги в сторону постижения психического освоения знания, текста как отражения социальной действительности [Чернявская, 2009. С. 11]. Возрастает интерес к социолингвистике, прагмалингвистике, функциональной лингвистике и стилистике [Поветкина, 2005. С. 110]. Текст начинает рассматриваться не только как зеркало, но и как инструмент изменения мира: тексты продуцируют те или иные социальные феномены [Пилюгина, 2013. С. 94].

Кажется, что, прежде чем перейти к описанию характеристик текста, необходимо представить хотя бы некоторую часть того многообразия определений, которые были собраны в попытках исчерпывающе объяснить суть данного явления. Однако, как уже было отмечено, дефиниции эти слишком разнородны, поэтому целесообразнее рассматривать их по мере представления разных филологических дисциплин в их отношении к тексту.

¹ Обзор работ, посвященных понятию дискурса, представлен в статье Алексеева [2017].

З. Я. Тураева описывает следующие аспекты изучения текста:

- 1) онтологический (предполагает изучение характера существования текста, его статус, отличие от устной речи);
- 2) гносеологический (исследования характера отражения объективной действительности в тексте или отражения реального мира в идеальном мире эстетической действительности);
- 3) собственно лингвистический (изучение характера языкового оформления текста);
- 4) психологический (изучение характера восприятия текста);
- 5) прагматический (исследование характера отношения автора к объективной действительности и к содержательному материалу) [Тураева, 1986. С. 8].

Несложно догадаться, что в центре исследований психолингвистики будет находиться психологический аспект, когнитивной лингвистики — гносеологический, прагматики — прагматический и т. д. Однако описанные аспекты не исчерпывают существующего многообразия подходов к изучению текста.

Как уже было сказано, филология зародилась как наука, служащая для изучения текстов. На протяжении долгого времени в центре исследований находились рукописи (как основной источник информации о языке) и их внешние характеристики. Такие дисциплины, как *палеография* (изучение истории письма и памятников древней письменности), а с конца XIX в. и *эпиграфика* (изучение надписей на твердом материале), *папирология* (изучение текстов на папирусах), позднее — *кодикология* (изучение происхождения рукописей) и др., базируются на изучении материального бытования текстов. Вопрос о том, подчеркивает ли такой акцент на материальной составляющей текста значимость графической и иной физической оболочки для бытования текстов или, напротив, увеличивает пропасть между текстом как явлением абстрактным, нематериальным, и рукописью, книгой, как «формой выражения», остается открытым. Ответ на него во многом зависит от интерпретации результатов научных изысканий. В некоторых направлениях исследований можно проследить изменение взгляда на соотношение формы и содержания с течением времени. Так, *книговедение* как дисциплина, изучающая материальные характеристики книги, включая формат, шрифт, художественное оформление и т. д., изначально рассматривала их отдельно от содержания. В последние десятилетия тенденция изменилась: в 1985 г. Д. Ф. Маккензи была высказана мысль о том, что любой текст всегда материален [McKenzie, 1985. P. 14]. Теперь текст и его графическое оформление сосуществуют в объективе данной дисциплины, поскольку «форма оказывает прямое и непосредственное воздействие на смысл» [Стаф, 2019. С. 237].

Текстология подходит к изучению текстов с точки зрения истории их создания, атрибуции, вопроса о датировке и выделении первоисточника. В. Е. Хализев называет текст центральным текстологическим термином [Хализев, 2002. С. 275].

Д. С. Лихачев говорил о неоднозначности понятия текст, о разграничении, например, текста произведения и текста списка произведения. Хотя внешний

вид текстов играет большую роль в текстологических исследованиях, служит источником информации об истории того или иного памятника, при определении понятия «текст» для текстологии неважна изменчивость графической составляющей — несмотря на то, что «оболочка» меняется (появляются ошибки, появляются новые и исчезают прежние буквы), тексты мы признаем идентичными по своей сути. К тексту Д. С. Лихачев относил только выражение произведения в формах языка. Формы графики, описки, результаты случайных вставок и т. п. к тексту не относятся. Иными словами, к нетекстовым явлениям автор причислял «всё то, что не может быть признано языковым выражением определённого смыслового ряда» [Лихачев, 2001. С. 128–129].

Исследование содержательной стороны текста, его трактовок и эстетических характеристик неизбежно повлекло за собой развитие *литературоведения* и *поэтики*. Данные дисциплины прежде всего связаны с художественными текстами. Тексты другой жанровой направленности попадают в объектив литературоведческих исследований из-за интертекстуальных связей с текстами художественными.

Ж. Н. Маслова определяет текст как объект литературоведения следующим образом: «словесное законченное произведение либо его фрагмент, составленный из знаков естественного языка (слов) и сложных эстетических знаков (слагаемых поэтического языка, сюжета, композиции и т. д.)» [Маслова, 2010. С. 174]. Автор настаивает на разделении понятий «текст» и «произведение»: второе является частным случаем реализации первого, материально, вербально и композиционно оформленным [Маслова, 2010. С. 179]. О необходимости их разграничения писал еще в начале 1970-х годов Ю. М. Лотман, однако, по его мнению, текст является компонентом художественного произведения, а не наоборот. При взаимодействии текста и комплекса «жизненных и идейно-эстетических представлений» и возникает художественный эффект [Лотман, 1972. С. 24–25].

В литературоведческом представлении, понимающем текст как строго организованную последовательность собственно речевых единиц, различаются основной и побочный тексты. К первому относится сам текст произведения, ко второму — заглавия, примечания, эпиграфы и пр. [Хализев, 2002. С. 274–275].

Ю. В. Шатин, И. Е. Ким и И. В. Силантьев предлагают следующие универсальные оппозиции художественного текста: «повтор — контраст», «симметрия — асимметрия», «фон — фигура» (и ее частный случай «линейность — живописность»), «свое — чужое», «дискретное — континуальное». Эти универсалии присущи каждому художественному тексту и характерны для художественного языка в целом [Шатин и др., 2021. С. 40].

Другой дисциплиной, объектом исследования которой выступает текст, является *стилистика*. Стиль есть свойство текста, его «цементирующий материал» [Гаузенблаз, 1978. С. 61], и целью стилистики является решение вопроса оценки коннотативных свойств языковых средств и вопроса выбора языковых средств в соответствии с условиями общения [Захарчук, 2007. С. 70].

Стилистический подход к тексту предполагает следующие его характеристики:

- 1) текст понимается как универсальная форма коммуникации (из-за его способности осуществлять речевое взаимодействие между автором и адресатом);
- 2) текст является не языковой единицей высшего уровня, а речевым производением;
- 3) в основе любого текста лежит концепт, идея, формирующая целостность произведения;
- 4) текст является речевой системой, свойственной определенной сфере общения;
- 5) обязательна ориентация текста на адресата;
- 6) текст обязательно содержит информацию;
- 7) текст обладает эффектом воздействия (прагматическим эффектом) [СЭСРЯ, 2003. С. 528–532].

Главным, инвариантным свойством текста как объекта исследования стилистики О. Е. Захарчук называет системность, предполагающую наличие структуры, иерархичность, целостность и взаимосвязь со средой. Автор отмечает, что в стилистике текст может быть рассмотрен в более широком понимании. В этом случае в понятие включаются элементы «абстрактности», характерной для гуманитарного знания [Захарчук, 2007. С. 69].

На важности отграничения стилистики текста от лингвистики текста настаивал В. В. Одинцов, отмечая, что «стилистика текста изучает структурно-стилистические возможности речевых произведений <...>, композиционно-стилистические типы и формы, конструктивные приёмы и функционирование в речи языковых средств» [Одинцов, 2004. С. 50–51].

В *психолингвистике*, развивающейся с 1950-х годов, текст рассматривается как объект восприятия и понимания [Сенченко, 2009. С. 3]. Обращение к тексту в рамках данного направления обусловлено уже упомянутым растущим интересом ученых к работе человеческого сознания в целом и языкового сознания в частности. Языковое сознание объясняется как «внутренний процесс планирования и регуляции внешней деятельности с помощью языковых знаков» [Белянин, 2003. С. 109]. В каждом тексте проявляется языковая личность, обладающая собственным языковым образом мира.

В. П. Белянин подчеркивает, что текст, являясь сложным семантическим образованием, обладает следующими психолингвистическими характеристиками: цельностью, связностью, эмотивностью, креолизованностью, прецедентностью и скважностью [Белянин, 2003. С. 120]. Наличие этих характеристик отличает текст от слова, словосочетания и фразы. К прочим важным особенностям автор относит высокую степень интерпретативности текста, а также сохранение в нем следов невербального поведения участников коммуникации.

В. П. Белянин указывает на неизбежность обращения к тексту при изучении языковых единиц в рамках психолингвистики, так как тот является «пределной (высшей) единицей общения на знаковом уровне». Таким образом, определяя смысл речи, необходимо учитывать текст как сферу употребления и функционирования языковых единиц [Белянин, 2003. С. 109].

Ю. А. Сорокин относит к базовым понятиям психолингвистики (как и лингвистики текста) связность, цельность (целостность) и эмотивность. Автор отмечает, что в рамках психолингвистических исследований текст — это «любая совокупность знаковых средств, обслуживающих процесс общения» [Сорокин, 2008. С. 29–30].

А. И. Новиков в монографии «Текст и его смысловые доминанты» в качестве психолингвистических признаков текста выделяет внутреннюю целостность, информативность и компрессионность, при этом проявляются они только в процессе понимания текста, тем самым объединяясь под общим требованием осмысленности. Автор отмечает, что психолингвистика, в отличие от лингвистики текста, рассматривает текст как динамическое явление, то есть изучает его «в процессе его порождения, восприятия и понимания» [Новиков А. И., 2007. С. 17]. Изучая динамическое состояние текста, психолингвистика изучает организацию структуры сознания.

Прагматика рассматривает текст в аспекте отношений между адресатом и автором, а также ситуации, в которой локализован текст [Захарчук, 2007. С. 67]. При этом необходимо различать прагматику текста и прагматику составляющих его единиц, таких как слово и предложение, поскольку первое создается посредством объединения прагматических значений всех элементов и их существования в контексте [Борковская, 2014. С. 30].

Для прагматики текста значимы следующие компоненты:

- 1) обязательный прагматический план текста (факт того, что каждый текст формируется с определенной целью);
- 2) адресант и адресат (участники коммуникативного акта);
- 3) значение установки адресанта (цели, сформированные в соответствии с коммуникативными задачами);
- 4) интенция адресата (ожидание определенной информации, содержащейся в тексте);
- 5) прагматическая установка текста (цель осуществления влияния на адресата);
- 6) прагматическое содержание текста (содержание, акцентирующее условия и цель передачи смысла текста);
- 7) прагматический эффект (результативность текста, его адекватность прагматической ситуации) [Борковская, 2014. С. 30–31].

Способность текста осуществлять прагматическое воздействие на адресата, или прагматический потенциал, влечет за собой необходимость выделения особой функции текста — прагматической [Матвеева, 1984].

С точки зрения прагматики текст обладает также такими важными свойствами, как содержательная целостность, синтактико-смысловая связность и внешняя информативность [Урумашвили, 2010. С. 42].

Несколько расширяет понимание текста *когнитивная лингвистика*. В. Я. Шабес называет текст трансформированным знанием [Шабес, 1989. С. 141]. В. Е. Чернявская подчеркивает, что человеческое знание представляется, фиксируется и порождается в текстах, поэтому оно текстуально по своей сути; тексты «упорядочивают рассеянное во многих дискурсах человеческое знание

в определенной социально-культурной и языковой форме» [Чернявская, 2010. С. 126]. Текст при этом является главным, но не единственным элементом в системе человеческой коммуникации [Чернявская, 2005. С. 77].

С точки зрения когнитивной парадигмы исследований текст является зафиксированным фрагментом человеческого опыта, который передается адресату в процессе литературной коммуникации для моделирования и сохранения нового знания. Текст рассматривается как отражение мыслительных структур человека и механизмов познания мира, внутреннего и внешнего [Маслова, 2010. С. 174].

По словам Ж. Н. Масловой, когнитивная лингвистика разграничивает текст и произведение, приписывая первому такую характеристику, как существование отдельно от авторской интенции. Кроме того, текст является информационным полем, наполненным смыслами лингво-ментального происхождения [Маслова, 2010. С. 179].

Когнитивная лингвистика разделяет представления о критериях текстuality, предложенных лингвистикой текста, однако не признает существование общеобязательных, абсолютных текстовых характеристик, поскольку ряд критериев может не быть актуализированным в конкретных текстах [Чернявская, 2005. С. 82–83].

С позиций современного этапа развития филологии основной дисциплиной, изучающей феномен текста, является лингвистика текста. Другие названия этого направления — «теория текста», «структура текста», «герменевтика», «грамматика текста», «стилистика текста» [Валгина, 2003. С. 5]. По мнению Н. С. Валгиной, лингвистика текста представляет собой результат пересечения ряда наук: лингвистики, психологии, риторики, прагматики, информатики, семиотики, герменевтики, книговедения и социологии [Валгина, 2003. С. 4]. Ю. В. Поветкина отмечает тесную связь теории текста с поэтикой, стилистикой и грамматикой [Поветкина, 2005. С. 108].

Предмет изучения лингвистики текста — это построение и порождение текста, «конструктивные элементы с точки зрения как формальной, так и содержательной структуры формирования его смысла» [Реферовская, 1989. С. 37].

Лингвистами, обеспечившими условия для возникновения лингвистики текста, Ю. А. Сорокин называет Ш. Балли и участников Пражского лингвистического кружка, членов общества изучения поэтического языка и общество изучения теории поэтического языка Г. О. Винокура, Н. С. Пospelова, С. С. Смирнова, Н. И. Жинкина, И. А. Фигуровского [Сорокин, 2008. С. 30].

А. И. Новиков разграничивает общую лингвистику и лингвистику текста следующим образом: первая рассматривает текст как область существования языковых фактов, представляющих для нее интерес, вторая в качестве объекта выбирает суперсинтаксические единицы, образующиеся в самом тексте. Лингвистику текста автор определяет как дисциплину, которая ставит своей задачей выявление общих закономерностей, касающихся текста в целом [Новиков А. И., 1983. С. 4].

И. Р. Гальперин, внесший существенный вклад в развитие лингвистики текста, определял эту единицу как сознательно организованный результат

речетворческого процесса, подчиняющийся определенным закономерностям организации. Подспорьем для лингвистики текста в тех случаях, когда в качестве объекта изучения выступают функциональные стили языка или детерминирующие их средства, автор называл стилистику [Гальперин, 2007. С. 6].

Лингвистика текста со времен своего зарождения развивалась благодаря противопоставлениям: текст – предложение, текст – высказывание, письменный текст – устный текст, текст – нетекст. Активно обсуждается лингвистами оппозиция текст – дискурс [Чернявская, 2009. С. 11]. Существует мнение, что понятие дискурса постепенно вытесняет текст из центра внимания лингвистических исследований [Чернявская, 2005. С. 77].

Круг вопросов, изучаемых лингвистикой текста, обширен: это межфразовые связи и отношения, промежуточные между предложением и текстом единицы, структура и свойства текста, его интонационные составляющие, соотношение текста и более крупных единиц (текста и контекста, затекста), признаки текстов разных функциональных стилей и, наконец, выявление культурологической специфики текстов [Сорокин, 2008. С. 31]. Как можно заметить из перечисленного, лингвистика текста затрагивает аспекты изучения текста, которые находятся в объективе и других филологических и лингвистических дисциплин (стилистики, психолингвистики, лингвокультурологии и др.).

Существенно отличается от пусть не унифицированного, но примерно определенного понимания текста лингвистами понимание текста семиотикой. В семиотике текстом является осмысленная последовательность знаков, любая форма коммуникации (танец, обряд, ритуал и др.) [Рахимова, 2021. С. 335]. Это соотносится с широким пониманием текста, предложенным М. М. Бахтиным: текст – это всякий связный знаковый комплекс (в том числе музыка, картины и др.) [Бахтин, 1986. С. 297].

Н. И. Толстому принадлежит следующее определение текста, по содержанию близкое пониманию текста в рамках семиотики: «не последовательность написанных или произнесённых слов, а некая последовательность действий и обращений к предметам, имеющих символический смысл, и связанная с ними речевая деятельность» [Толстой, 1991. С. 247].

Текстом как знаковой системой является любой феномен культуры, в том числе текст в узком понимании [Захарчук, 2007. С. 69]. Описывая тексты с позиций семиотики, мы должны иметь в виду как знаковые комплексы, состоящие из единиц естественного языка, так и несловесные тексты, обращенные к зрению или слуху, или к тому и другому одновременно [Хализев, 2002. С. 275].

С точки зрения В. Т. Садченко, подходя к тексту как к элементу семиотической системы, при его анализе мы должны учитывать не только составляющие текст языковые знаки, но его структуру, сопутствующий иллюстративный материал и т. д. [Садченко, 2009. С. 104]. Семиотика, таким образом, является неким объединяющим звеном между дисциплинами, направленными на изучение материальной стороны бытования текстов, и направлениями, изучающими нематериальные, более абстрактные характеристики этого феномена.

Перед лингвистами, в круг чьих исследований так или иначе входит текст, встает сразу несколько вопросов. Называть ли текстом те знаковые структуры, которые реализуются только в устной речи? Считать текст единицей языка или речи? Какие характеристики присущи тексту как единице высшего (и высшего ли?) уровня? Что считать составляющими текста? Как упорядочить существующие представления о типах текстов?

На современном этапе большинство ученых включают в понятие текста и письменную, и устную реализацию речи [Карамова, 2013. С. 20]. Так, Б. Н. Головин дает следующее определение тексту: «Текст — словесное, письменное или устное, произведение, представляющее собой единство некоторого более или менее завершенного содержания смысла и речи, формирующей и выражающей это содержание» (цит. по: [Стычева и др., 2020. С. 71]). Однако И. Р. Гальперин, один из основателей лингвистики текста как особого направления, настаивал на существовании текста исключительно в письменной форме: «Текст — это сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, и имеющее определенный модальный характер и прагматическую установку» [Гальперин, 2007. С. 18].

Еще одним спорным вопросом, касающимся определения текста, является принадлежность его как единицы к языку или к речи. А. И. Новиков отказывает тексту в определении в качестве единицы языка, настаивая на том, что «это единица речи, элемент системы коммуникации, где единицы языка служат средством его реализации, а содержание задается интеллектом» [Новиков А. И., 1983. С. 4]. О том, что текст «всегда будет принадлежать области речи», писал и Ю. М. Лотман [1970. С. 67]. Существует также точка зрения, согласно которой конкретный текст принадлежит уровню речи, но общие принципы построения текстов позволяют отнести его к системе языка [Стычева и др., 2020. С. 72]. Единицей языка текст считает и М. Халлидей [Halliday, 1970. P. 1]. Независимо от того, является текст единицей языка или речи, он должен обладать определенными характеристиками, категориями. В монографии И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» перечислены следующие обязательные и варьирующиеся категории: информативность, членимость, проспекция, ретроспекция, когезия, континуум, модальность, автосемантия, завершенность, подтекст [Гальперин, 2007]. В другой, не менее важной, книге того же времени авторства В. Дресслера и Р.-А. де Богранда «Лингвистика текста» перечислены семь обязательных признаков текста, или критериев текстуальности: когезия, когерентность, интенциональность, адресованность, информативность, ситуативность, интертекстуальность [Beaugrande, Dressler, 1981].

Л. Н. Мурзин и А. С. Штерн выделяют два важнейших свойства текста: связность и цельность. Первое свойство состоит из двух компонентов. Интрасвязность обеспечивает смысловую преемственность компонентов текста, экстрасвязность — внешнюю, субстанциональную связь. Цельность — единство текста, получившее некое внешнее выражение [Мурзин, Штерн, 1991. С. 11–15].

А. А. Леонтьев, также говоря о связности и цельности, отмечает, что первое свойство лингвистично, второе же психолингвистично, поскольку связность имеет устоявшееся языковое выражение, а цельность — нет [Леонтьев, 1999. С. 135–136].

Кроме того, исследователи выделяют такие характеристики текста, как выраженность, смысловое единство, структурность (она же упорядоченность, системность), отграниченность (отдельность или обособленность), жанровая и стилистическая соотнесенность, коммуникативная значимость, прагматическая установка и интенция, направленности на адресата и адресанта и экстралингвистический фон [Карамова, 2013. С. 20].

В. Е. Чернявская утверждает, что целесообразно выделять три уровня признаков текста: всеобщие признаки, выражающие существенные свойства текста как объекта анализа, типологические признаки, присущие всем текстам как представителям определенных классов, и индивидуальные характеристики, присущие отдельным текстам [Чернявская, 2009. С. 18]. Выше были перечислены всеобщие признаки текста.

Текст, как и другие единицы, может быть разложен на составляющие. Е. А. Реферовская полагает, что следует говорить об отрезках текста. Они входят в его смысловую и формальную структуру, но при этом являются законченными и отграниченными друг от друга элементами. Эти отрезки состоят из предложений, объединенных в сверхфразовые единства [Реферовская, 1989. С. 13].

Существует подход, согласно которому необходимо разделять компоненты семантико-грамматического (синтаксического) и композиционного уровней текста, хотя они и находятся в отношениях взаимной обусловленности. К элементам, составляющим синтаксический уровень текста, относят междфразовые единства, высказывания и их более крупные объединения, к элементам композиционного уровня — абзацы, разделы, главы и т. д. Кроме того, можно выделить невербальные средства, составляющие текст: шрифтовые решения, выделение цветом, курсив и т. д. [Стычева и др., 2020. С. 73].

Рассуждая над вопросом о составляющих текст единицах, не стоит забывать о том, что текст нельзя осмыслять как механическую сумму всех его составляющих, поскольку его свойства обеспечивают существование текста как качественно нового целого [Чернявская, 2009. С. 23].

Для упорядочивания представлений о тексте исследователями были предложены классификации разных типов. Существуют классификации, делящие тексты по степени самостоятельности, учитывающие деривационные отношения между ними. Согласно этой точке зрения, существуют тексты первичные и вторичные. Другой тип классификаций учитывает коммуникативный регистр текстов и делит их на следующие типы: повествование, описание и рассуждение. Коммуникативными регистрами при этом принято считать «однородные структурно-композиционные формы речи, объединенные внутри и противопоставленные друг другу по способу восприятия или познания мира (и соответственно по типу ментального процесса), по категориальному характеру воспринимаемых явлений и по коммуникативным

интенциям говорящего» (цит. по: [Сенченко, 2009. С. 10]). Широко известна классификация текстов по их принадлежности к функциональным стилям, согласно которой выделяются официально-деловой, публицистический, научный, разговорный, художественный и иногда, в зависимости от критериев деления, некоторые другие типы текстов. Составление единой классификации текстов представляет собой сложную и, возможно, невыполнимую задачу, поскольку текст как многоаспектное явление может по разным критериям быть причислен к разным группам, предложенным классификацией [Стычева и др., 2020. С. 73].

И. А. Щирова, обобщая сложившиеся особенности филологического описания текста, сформулировала следующие тенденции в изучении этого объекта:

- 1) прочтение текста в составе открытой системы «искусство — текст»;
- 2) разработка идей диалогизма, полифонии, интертекстуальности;
- 3) обращение к образу автора в его различных ипостасях;
- 4) возрождение интереса к авторской интенции;
- 5) внимание к личности интерпретатора и ситуации интерпретации, связанное с ориентацией на субъективное прочтение текста;
- 6) разработка проблем интерпретации дискуссионных границ («права читателя» vs «права автора» vs «права текста»);
- 7) признание основной задачей интерпретатора конструирование текстового смысла текста с учетом зависимости текста от общественно-исторического контекста;
- 8) выявление механизмов стимулирования когнитивной активности читателя, способного извлечь текстовый смысл без видимой авторской помощи;
- 9) изучение основных антропоцентров текста как «языковых личностей»;
- 10) освоение антропоцентризма и эмотивности как текстовых категорий [Щирова, 2005. С. 12–13].

Предполагаем, что изложенные И. А. Щировой тенденции остаются актуальными и на современном этапе развития филологической мысли.

Ниже располагается таблица (табл. 1), в которой представлены критерии текстуальности, предложенные разными направлениями. Следует отметить, что данная таблица не исчерпывает всех существующих характеристик текста. Последователи одного направления могут предлагать разные наборы критериев текстуальности, не пересекающихся, а иногда и противоречащих друг другу. Кроме того, представители некоторых направлений, в частности, когнитивной лингвистики, настаивают на том, что характеристики текста не могут быть признаны неотъемлемыми, а актуализируются в тексте в процессе его восприятия адресатом. Такие дисциплины, как палеография, кодикология и др., рассматривают текст исключительно с внешней стороны, поэтому почти не предполагают выделения критериев текстуальности.

Таблица была составлена на основе работ, входящих в данный обзор. В целях более лаконичного представления результатов исследования в таблице используются следующие условные обозначения:

- наличие знака «+» предполагает, что направление признает данный критерий текстуальности;

- знак «-» обозначает, что направление не выделяет критерий как значимый;
- знаком «~» обозначены альтернативные названия предложенных критериев;
- под знаком «=» в таблице размещены определения критериев с позиции перечисленных подходов;
- знак «>» заменяет глагол *обеспечивается*;
- знак «>» заменяет глагол *реализуется*;
- после сокращения «Т.Е.» следуют комментарии, уточняющие тот или иной критерий;
- слово *текст* сокращается как «т-т» («т-та», «т-ту» и т. п.).

Прочие комментарии (например, значимость данного критерия для рассматриваемого направления) указаны в круглых скобках (в случае соседства со знаками «+» и «-») или без них. Пояснения, не вытекающие из выводов рассмотренных исследований, но предложенные автором данного обзора как возможные, отмечены квадратными скобками.

Таблица 1

Table 1

**КРИТЕРИИ ТЕКСТУАЛЬНОСТИ,
ПРЕДЛОЖЕННЫЕ РАЗНЫМИ НАПРАВЛЕНИЯМИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
CRITERIA OF TEXTUALITY PROPOSED BY VARIOUS DIRECTIONS OF PHILOLOGICAL RESEARCH**

	Палеография, кодиология, эпиграфика и т. д.	Текстология	Литературо- ведение	Стилистика	Психолингвистика	Прагматика	Лингвистика текста	Когнитивная лингвистика	Семиотика
Цельность		+	+	+ > идеей или концептом в основе т-та	+ » в описании одного и того же предмета речи и в грамматиче- ском единообразии т-та	+ = содержательная цельность	+ ~ когерентность > интеграцией частей т-та	+ > совместной дея- тельностью созна- ний коммуни- кантов » при восприятии	+ Т.Е. последова- тельность зна- ков должна быть прочитана как единое целое
Связность		+	+	+	+ (т-т связный, если является закончен- ной последователь- ностью связанных по смыслу и грам- матически предло- жений)	+ = синтактико- смысловая связ- ность единиц, составляющих т-т	+ ~ когезия = особые виды связи, обеспечи- вающие континуум отдельных сооб- щений	+ ~ когезия = взаимосвязь ком- понентов поверх- ностной структуры т-та	+ Т.Е. знаковая последователь- ность обладает внешними при- знаками связ- ности
Информативность			- [если рассма- тривать тексты, в которых форма превалирует над содержанием или полностью вытес- няет его]	+ Т.Е. т-т обяза- тельно содер- жит в себе информацию	+ Т.Е. предмет тексто- вой деятельности – смысловая информа- ция, объединенная замыслом и позицией говорящего	+ Т.Е. передача информации посредством реа- лизации ком- муникативной функции	+ Т.Е. отражение в т-те новизны смысловых образо- ваний или ее отсут- ствия	+ (семантически ориентированный подход к изучению т-та)	+ Т.Е. система зна- ков несет в себе определенное сообщение
Структурность / иерархичность		+ Т.Е. выделе- ние редакций, изводов, архе- типов и т. д.	+ Т.Е. деление на книги, главы, параграфы и т. п. в соответствии со смысловой структурой	+		+ Т.Е. т-т – струк- тура, состоящая из единиц, объ- единенных связ- ностью	+ (размер частей вариативен, но их наличие обяза- тельно; объемно- прагматическое и контекстно- вариативное чле- нение)	+ ~ членимость	

	Палеография, кодикология, эпиграфика и т. д.	Текстология	Литературоведение	Стилистика	Психолингвистика	Прагматика	Лингвистика текста	Когнитивная лингвистика	Семиотика
Выраженность	+ Т.Е. т-т имеет физическую, письменную оболочку	+ (т-ты могут иметь разное выражение, при этом признаются идентичными)	+	+	– [принимая во внимание изучение феномена так называемой внутренней речи]	+	+ Т.Е. согласно И. Р. Гальперину, т-т – только письменно выраженная речь (в дальнейшем это представление было опровергнуто)	+ Т.Е. т-т – выражение когнитивных процессов	+ Т.Е. любой знак имеет форму выражения
Жанровая и стилистическая соотнесенность		+	+ Т.Е. т-т встроен в систему направлений, жанров, школ	+ (стиль – ключевое понятие стилистики)		+ Т.Е. стиль т-та соответствует прагматической ситуации			
Прагматическая установка и интенция				+		+ ⇒ с помощью языковых средств	+ ~ интенциональность = обусловленность т-та коммуникативной целью		
Коммуникативная значимость				+ Т.Е. т-т – универсальная форма коммуникации	+ Т.Е. т-т – основная единица коммуникации	+ > наличием прагматического плана, т. е. цели создания т-та	+	+ > декодированием, восприятием	+ Т.Е. т-т – форма коммуникации
Отграниченность							+ Т.Е. т-т имеет начало и конец		
Экстралингвистический фон	+ Т.Е. контекст влияет на материалы, художественное оформление и др.	+ ~ исторический контекст	+ Т.Е. т-т вписан в исторический период, эпоху	+ Т.Е. т-т существует в рамках определенной сферы общения	+ Т.Е. предполагается наличие затекста – фрагмента действительности, описанного в т-те; затекст может быть вымышленным	+ Т.Е. широкое понимание прагматической ситуации	+	+ ~ контекстуальность Т.Е. т-т функционирует как социально-языковая структура	
Подтекст			+ (предполагается возможность прочтения скрытых смыслов)		+ = скрытая информация, извлекаемая из т-та. Подтекстом обладает не каждый т-т	+ (интерпретация имплицитного содержания текста – одна из возможностей прагматики)			

	Палеография, кодикология, эпиграфика и т. д.	Текстология	Литературоведение	Стилистика	Психолингвистика	Прагматика	Лингвистика текста	Когнитивная лингвистика	Семиотика
Роль адресата и адресанта		Установление авторства т-та — одна из основных задач текстологии	Фигуры автора и читателя связаны посредством т-та	Т-т обязательно нацелен на адресата	Участники коммуникации играют значимую роль	Адресант решает коммуникативные задачи, адресат определяет структуру т-та и выбор лексики	Коммуникативно-прагматическая направленность на адресата	Принципиально диалогичный характер всех коммуникативных процессов	Особая система порождения и восприятия знака, подчеркнутая значимость адресанта и адресата
Проспекция / ретроспекция							+ = формы дисконтинуума		
Континуум							+ = по Гальперину, последовательность фактов и событий, развертывающихся во времени и пространстве		
Модальность							+ = отношение говорящего к действительности		
Автосемантия							+ = зависимость / независимость отрезков т-та от содержания целого т-та / его части		
Интеграция							+ = категория текста, которая обеспечивает последовательное осмысление содержательного-факультативной информации		
Завершенность			+ [читатель воспринимает т-т как законченный продукт, даже если автор не завершил его]				+ (применимо лишь к целому тексту, а не к его части)		

	Палеография, кодикология, эпиграфика и т. д.	Текстология	Литературоведение	Стилистика	Психолингвистика	Прагматика	Лингвистика текста	Когнитивная лингвистика	Семиотика
Ситуативность				+ Т.Е. т-т связан с окружающей средой	+ Т.Е. ситуация общения влияет на сообщение	+ Т.Е. речевая ситуация определяет содержание и форму т-та	+ = соотносённость т-та с факторами ситуации его порождения	+ ~ интенциональность Т.Е. т-т – всегда ситуативно обусловленное действие	
Интертекстуальность		+ Т.Е. т-т связан с т-ми других списков, разными редакциями и т. д.	+ Т.Е. т-т связан сетью цитат и аллюзий с другими текстами		+ ~ преценденность = наличие отсылок к другим т-м		+	+ = наличие в конкретном т-те признаков т-та-инварианта, определяющего тип т-та	
Статичность / динамичность		[Т-т динамичен, потому что изменчив в своих вариантах]	Т-т статичен	Т-т статичен	Т-т динамичен, изучение «в процессе порождения, восприятия и понимания»			Т-т – вербальная форма речемышлительной деятельности	
Единица речи или языка	Т-т как речевое произведение	Т-т как художественное произведение	Т-т как художественное произведение	Т-т как речевое произведение	Т-т как единица рече-мыслительной деятельности	Т-т как наиболее сложная структура в иерархии языковых единиц	Т-т как основная коммуникативная единица	Т-т как единица языка (противостоит дискурсу)	Т-т как единица и речи, и языка
Эмотивность					+ = способность передавать эмоции				
Креолизованность		- Т.Е. т-т – только языковое выражение	+ Т.Е. возможен синтез языкового и графического наполнения		+ Т.Е. т-т может восприниматься вместе с рисунком, видеорядом и т. д.		+	+ Т.Е. т-т – последовательность языковых и неязыковых знаков	+ Т.Е. т-т – сочетание языковых и неязыковых знаков
Сквозность					+ = наличие смысловых пропусков				
Компрессионность					+ = свойство текста быть представленным в более сжатой форме				

Как видно из представленной таблицы, существуют как критерии текстuality, признаваемые большинством направлений филологических исследований, так и такие критерии, которые релевантны только в рамках одного направления. К первым относятся такие свойства текста, как цельность, связность, информативность, структурность / членимость, значимость адресата и адресанта, выраженность, экстралингвистический фон и др.

Несмотря на то, что существует множество направлений, исследующих текст с точки зрения разных аспектов, можно выделить несколько ключевых моментов, которые объединяют все описанные представления. Это, во-первых, представление о том, что любой текст встроен в контекст, он принадлежит какой-либо системе. Для литературоведения это «встраиваемость» текста в жанр, направление, культурную эпоху, для стилистики — принадлежность функциональному стилю, для лингвистики текста — следование из дискурса и т. д. Текст не может существовать в вакууме. Другое общее представление — осознание текста как делимого целого. Выделение составляющих текст элементов зависит от специфики направления исследований, однако на всех уровнях описания текста можно зафиксировать мысль о том, что его сущность нельзя понять, проанализировав все его структурные элементы по отдельности. Следующим важным элементом, связующим все направления изучения текста, является представление о значимости автора и читателя. Автор как носитель прагматической интенции, автор как языковая личность, автор как создатель мира художественного произведения — во всех случаях его присутствие в круге объектов исследования обязательно. Адресат определяет выбор языковых средств и является носителем трактовки, сформулированной в процессе восприятия. Наконец, это представление о важнейших свойствах текста, связности и цельности, или о когезии и когерентности, без которых, пожалуй, не обходится ни одно определение текста (пусть в некоторых случаях мысль о наличии этих свойств представлена на имплицитном уровне).

С развитием филологической мысли понятие текста расширялось и обростало новыми аспектами. Рассмотрев его с позиций литературоведения, стилистики, прагматики, семиотики и других направлений, мы сформулировали, какие представления об этом феномене были аккумулированы гуманитарными науками к современному этапу их существования. Полученные данные сопоставительного анализа в дальнейшем могут послужить базой для формирования нового, всестороннего и комплексного направления, в центре исследований которого находится текст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. Б. К вопросу разграничения понятий «Текст» и «Дискурс» // Термины в коммуникативном пространстве: материалы научно-практической конференции с международным участием «Современные проблемы экологии языка» (г. Астрахань, 10 февраля 2017 г.). Астрахань: Изд-во Астраханского ГМУ, 2017. С. 73–78.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Белич А. И. К вопросу о распределении грамматического материала по главным грамматическим дисциплинам // Вестник МГУ. 1947. № 7. С. 22.
- Белянин В. П. Психолингвистика: учебник. М.: Флинта, 2003. 232 с.
- Борковская И. Ф. Текст как инструмент языковой коммуникации // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 6 (25), ч. 2. С. 30–32.
- Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 173 с.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд. М.: КомКнига, 2007. 144 с. (Лингвистическое наследие XX века).
- Гаузенблэз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. № 8. С. 57–78.
- Захарчук О. Е. О понятийно-терминологической сущности текста как объекта стилистики // Научная мысль Кавказа. 2007. № 4 (52). С. 67–71.
- Карамова А. А. Текст и дискурс: соотношение понятий // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10, № 2. С. 19–23.
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «Психология». М.: Смысл, 1999. 287 с.
- Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.) / при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. СПб.: Алетейя, 2001. 759 с. (Славянская библиотека. Bibliotheca slavica).
- Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха: пособие для студентов. Ленинград: Просвещение, 1972. 272 с.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
- Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 148–160.
- Маслова Ж. Н. Поэтический текст как объект исследования в рамках когнитивного подхода // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 5. С. 174–182.
- Матвеева Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1984. 131 с.
- Москальская О. И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
- Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.
- Новиков А. И. Семантика текста и её формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.
- Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 223 с.

Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. 3-е изд. М.: URSS, 2007. 301 с.

Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 2004. 263 с.

Плюгина Е. В. Текст как социальная реальность и социальная реальность как текст // Человек в постиндустриальном обществе: сб. науч. ст. по материалам Международной научно-практической конференции (г. Варна – г. Саратов, 30 октября 2013 г.). Саратов: Пресс-лицей, 2013. С. 93–98.

Поветкина Ю. В. Текст как объект изучения лингвистики текста // Иностранные языки в высшей школе. 2005. № 3. С. 109–112.

Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Ученые записки Московского государственного университета. 1948. Вып. 137: Труды кафедры русского языка и литературы. Кн. 2. С. 31–41.

Рахимова С. Р. Обзор подходов к определению понятий «текст», «рекламный текст» // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 12. С. 334–338.

Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Л.: Наука, 1989. 167 с.

Садченко В. Т. Текст как объект лингвистической семиотики // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5. С. 104–111.

Сенченко Т. А. Структуры текста и их восприятие: экспериментальное исследование (на материале текстов разных типов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2009. 20 с.

Сорокин Ю. А. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик (ретроспективный обзор) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 29–40.

Стаф И. К. Книгоиздательские практики как объект истории литературы // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 235–244. DOI 10.24411/2072-9316-2019-00046

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Наука: Флинта, 2003. 695 с.

Стычева О. А., Мынбаева А. П., Кудасбековна А. Б. Понятие о тексте. Классификация текстов // Новое слово в науке: моногр. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. С. 71–85.

Толстой Н. И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. Всесоюзной науч. конф. (г. Москва, 20–23 мая 1991 г.): в 2 ч. М.: Институт русского языка, 1991. Ч. 1. С. 5–17.

Тураева З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.

Урумашвили Е. В. Прагматические аспекты анализа художественного текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 40–44.

Фигуровский И. А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М.: Учпедгиз, 1961. 171 с.

Хализев В. Е. Теория литературы: учеб. для студентов вузов. 3-е изд. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

Чернявская В. Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстuality? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. С. 77–83.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 050300 «Филологическое образование». М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 245 с.

Чернявская В. Е. Текст статичен или текст процессуален? // Когниция, коммуникация, дискурс. 2010. № 1. С. 123–131.

Шабес В. Я. Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.

Шатин Ю. В., Ким И. Е., Силянтьев И. В. Универсалии текста как теоретическое понятие // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 37–48. DOI 10.17223/18137083/77/3

Щирова И. А. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 540300 (050300) Филол. образование. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 156 с.

Beaugrande R., Dressler W. U. Introduction to Text Linguistics. Longman, 1981, 270 p.

Halliday M. A. K. Language: Structure and Language Function. In: New Horizons in Linguistics. Harmondsworth, Penguin, 1970, pp. 140–165.

McKenzie D. F. Bibliography and the Sociology of Texts. London, Brit. libr., 1999, 70 p. (The Panizzi lectures)

REFERENCES

Alekseev A. B. K voprosu razgranicheniya ponyatii «Tekst» i «Diskurs» [On the Issue of Distinguishing Between the Concepts of “Text” and “Discourse”]. In: Terminy v kommunikativnom prostranstve: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Sovremennye problemy ehkologii yazyka» (g. Astrakhan, 10 fevralya 2017 g.) [Terms in the Communicative Space: Proceedings of the Scientific and Practical Conference with International Participation “Modern Problems of Language Ecology” (Astrakhan, February 10, 2017)]. Astrakhan, Izd-vo Astrakhanskogo GMU, 2017, pp. 73–78. (In Russ.).

Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Art]. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo, 1986, 445 p. (In Russ.).

Beaugrande R., Dressler W. U. Introduction to Text Linguistics. Longman, 1981, 270 p.

Belich A. I. K voprosu o raspredelenii grammaticheskogo materiala po glavnym grammaticheskim distsiplinam [On the Issue of Distributing Grammatical Material Across Main Grammatical Disciplines]. Vestnik MGU [Moscow University Bulletin], 1947, no. 7, p. 22. (In Russ.).

Belyanin V. P. Psikholingvistika: uchebnik [Psycholinguistics: A Textbook]. Moscow, Flinta, 2003, 232 p. (In Russ.).

Borkovskaya I. F. Tekst kak instrument yazykovoi kommunikatsii [Text as the Media for Language Communication]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Research Journal], 2014, no. 6 (25), pt. 2, pp. 30–32. (In Russ.).

Chernyavskaya V. E. Kognitivnaya lingvistika i tekst: neobkhodimo li novoe opredelenie tekstual'nosti? [Cognitive Linguistics and Text: Do We Need a New Concept of Textuality]. Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics], 2005, no. 2, pp. 77–83. (In Russ.).

Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta. Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost': uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu 050300 «Filologicheskoe obrazovanie» [Text Linguistics. Polycode, Intertextuality, Interdiscursivity:

A Textbook for Students Majoring in 050300 “Philological Education”]. Moscow, LIBROKOM, 2009, 245 p. (In Russ.).

Chernyavskaya V. E. Tekst statichen ili tekst protsessualen? [Is Text Static or Is It Procedural?] *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs* [Cognition, Communication, Discourse], 2010, no. 1, pp. 123–131. (In Russ.).

Figurovskii I. A. Sintaksis tselogo teksta i uchenicheskie pis'mennye raboty [Syntax of the Whole Text and Student Written Works]. Moscow, Uchpedgiz, 1961, 171 p. (In Russ.).

Galperin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an Object of Linguistic Study]. 5th ed. Moscow, KomKniga, 2007, 144 p. (Lingvisticheskoe nasledie XX veka [Linguistic Heritage of the 20th Century]) (In Russ.).

Gauzenblas K. O kharakteristike i klassifikatsii rechevykh proizvedenii [On the Characteristics and Classification of Speech Works]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New Developments in Foreign Linguistics], 1978, no. 8, pp. 57–78. (In Russ.).

Halliday M. A. K. Language: Structure and Language Function. In: *New Horizons in Linguistics*. Harmondsworth, Penguin, 1970, pp. 140–165.

Karamova A. A. Tekst i diskurs: sootnoshenie ponyatii [Text and Discourse: Notions Correlation]. *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [South Ural State University Bulletin. Series “Linguistics”], 2013, vol. 10, no. 2, pp. 19–23. (In Russ.).

Khalizev V. E. Teoriya literatury: ucheb. dlya studentov vuzov [Literary Theory: A Textbook for University Students]. 3rd ed. Moscow, Vysshaya shkola, 2002, 437 p. (In Russ.).

Leont'ev A. A. Osnovy psikholingvistiki: ucheb. dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spets. «Psikhologiya» [Fundamentals of Psycholinguistics: A Textbook for University Students Majoring in “Psychology”]. Moscow, Smysl, 1999, 287 p.

Likhachev D. S. Tekstologiya (na materiale russkoi literatury X–XVII vv.) [Textology (Based on Russian Literature of the 10th–17th Centuries)] / with A. A. Alekseev and A. G. Bobrov. St. Petersburg, Aleteiya, 2001, 759 p. (Bibliotheca slavica) (In Russ.).

Lotman Yu. M. Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha: posobie dlya studentov [Analysis of Poetic Text. Structure of Verse: A Guide for Students]. Leningrad, Prosveshchenie, 1972, 272 p. (In Russ.).

Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The Structure of the Artistic Text]. Moscow, Iskusstvo, 1970, 384 p. (In Russ.).

Lotman Yu. M. Tekst v tekste [Text in Text]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i. V 3 t.* [Selected Articles. In 3 vol.]. Tallin, Aleksandra, 1992, vol. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Articles on the Semiotics and Typology of Culture], pp. 148–160. (In Russ.).

Maslova Zh. N. Poeticheskii tekst kak ob'ekt issledovaniya v ramkakh kognitivnogo podkhoda [Poetic Text as Object of Research in Cognitive Approach]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social-Economic Phenomena and Processes], 2010, no. 5, pp. 174–182. (In Russ.).

Matveeva G. G. Aktualizatsiya pragmaticheskogo aspekta nauchnogo teksta [Actualization of the Pragmatic Aspect of Scientific Text]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. gos. un-ta, 1984, 131 p. (In Russ.).

McKenzie D. F. Bibliography and the Sociology of Texts. London, Brit. libr., 1999, 70 p. (The Panizzi lectures).

Moskal'skaya O. I. Grammatika teksta: posobie po grammatike nemetskogo yazyka dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov [Text Grammar: A German Grammar Guide for Institutes and Faculties of Foreign Languages]. Moscow, Vysshaya shkola, 1981, 183 p. (In Russ.).

Murzin L. N., Shtern A. S. Tekst i ego vospriyatie [Text and its Perception]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 1991, 172 p. (In Russ.).

Novikov A. I. Semantika teksta i ee formalizatsiya [Text Semantics and its Formalization]. Moscow, Nauka, 1983, 215 p. (In Russ.).

Novikov A. I. Tekst i ego smyslovye dominanty [Text and its Semantic Dominants]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, 2007, 223 p. (In Russ.).

Novikov L. A. Khudozhestvennyy tekst i ego analiz [Artistic Text and its Analysis]. 3rd ed. Moscow, URSS, 2007, 301 p. (In Russ.).

Odintsov V. V. Stilistika teksta [Text Stylistics]. Moscow, Nauka, 2004, 263 p. (In Russ.).

Pilyugina E. V. Tekst kak sotsial'naya real'nost' i sotsial'naya real'nost' kak tekst [Text as Social Reality and Social Reality as Text]. In: Chelovek v postindustrial'nom obshchestve: sb. nauch. st. po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Varna – g. Saratov, 30 oktyabrya 2013 g.) [Man in Post-Industrial Society: Collection of Scientific Articles based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference (Varna – Saratov, October 30, 2013)]. Saratov, Press-litsei, 2013, pp. 93–98. (In Russ.).

Pospelov N. S. Problema slozhnogo sintaksicheskogo tselogo v sovremennom russkom yazyke [The Problem of the Complex Syntactic Whole in the Modern Russian Language]. In: [Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes of Moscow State University]. 1948, iss. 137: Trudy kafedry russkogo yazyka i literatury [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature], vol. 2, pp. 31–41. (In Russ.).

Povetkina Yu. V. Tekst kak ob'ekt izucheniya lingvistiki teksta [Text as an Object of Study in Text Linguistics]. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole [Foreign Languages in Tertiary Education]*, 2005, no. 3, pp. 109–112. (In Russ.).

Rakhimova S. R. Obzor podkhodov k opredeleniyu ponyatii «tekst», «reklamnyy tekst» [Review of Approaches to Defining the Concepts of "Text", "Advertising Text"]. *Voprosy ustoichivogo razvitiya obshchestva [Issues of Sustainable Development of Society]*, 2021, no. 12, pp. 334–338. (In Russ.).

Referovskaya E. A. Kommunikativnaya struktura teksta v leksiko-grammaticheskom aspekte [The Communicative Structure of Text in the Lexico-Grammatical Aspect]. Leningrad, Nauka, 1989, 167 p. (In Russ.).

Sadchenko V. T. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskoi semiotiki [Text as an Object of Linguistic Semiotics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 2009, no. 5, pp. 104–111. (In Russ.).

Senchenko T. A. Struktury teksta i ikh vospriyatie: eksperimental'noe issledovanie (na materiale tekstov raznykh tipov) [Text Structures and their Perception: Experimental Study (Based on Texts of Different Types)]. Abstract Diss. Cand. Philol. Sci. Biysk, 2009, 20 p. (In Russ.).

Shabes V. Ya. Sobytie i tekst [Event and Text]. Moscow, Vysshaya shkola, 1989, 175 p. (In Russ.).

Shatin Yu. V., Kim I. E., Silant'ev I. V. Universalii teksta kak teoreticheskoe ponyatie [Text Universals as a Theoretical Concept]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2021, no. 4, pp. 37–48. DOI 10.17223/18137083/77/3 (In Russ.).

Shchirova I. A. Tekst i interpretatsiya: vzglyady, kontseptsii, shkoly: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu 540300 (050300) Filol. obrazovanie [Text and Interpretation: Views, Concepts, Schools: A Textbook for Students Majoring in 540300 (050300) Philological Education]. St. Petersburg, Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2005, 156 p. (In Russ.).

Sorokin Yu. A. Tekst i ego izuchenie s pomoshch'yu lingvisticheskikh i psikholingvisticheskikh metodik (retrospektivnyy obzor) [Text and its Study Using Linguistic and Psycholinguistic Methods (A Retrospective Review)]. Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2008, no. 8, pp. 29–40. (In Russ.).

Staf' I. K. Knigoizdatel'skie praktiki kak ob'ekt istorii literatury [Book-printing Practices as an Object of Literary History]. Novyyi filologicheskii vestnik [The New Philological Bulletin], 2019, no. 2 (49), pp. 235–244. DOI 10.24411/2072-9316-2019-00046 (In Russ.).

Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language] / ed. Kozhina M. N. Moscow, Nauka, Flinta, 2003, 695 p. (In Russ.).

Stycheva O. A., Mynbaeva A. P., Kudasbekovana A. B. Ponyatie o tekste. Klassifikatsiya tekstov [The Concept of Text. Classification of Texts]. In: Novoe slovo v nauke: monogr. [A New Word in Science: A Monograph]. Penza, 2020, pp. 71–85. (In Russ.).

Tolstoi N. I. Yazyk i kul'tura (Nekotorye problemy slavyanskoi etnolingvistiki) [Language and Culture (Some Problems of Slavic Ethnolinguistics)]. In: Russkii yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki: dokl. Vsesoyuz. nauch. konf. (g. Moscow, 20–23 maya 1991 g.): v 2 ch. [Russian Language and Modernity. Problems and Prospects for the Development of Russian Studies: Proceedings of the All-Union Scientific Conference (Moscow, May 20–23, 1991): in 2 pts]. Moscow, Institut russkogo yazyka, 1991, pt. 1, pp. 5–17. (In Russ.).

Turaeva Z. Ya. Lingvistika teksta: (Tekst: strukturja i semantika) [Text Linguistics: (Text: Structure and Semantics)]. Moscow, Prosveshchenie, 1986, 127 p. (In Russ.).

Urumashvili E. V. Pragmaticheskie aspekty analiza khudozhestvennogo teksta [Pragmatic Aspects of Narrative Text Analysis]. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2010, no. 2, pp. 40–44. (In Russ.).

Valgina N. S. Teoriya teksta: uchebnoe posobie [Text Theory: A Study Guide]. Moscow, Logos, 2003, 173 p. (In Russ.).

Zakharchuk O. E. O ponyatiino-terminologicheskoi sushchnosti teksta kak ob'ekta stilistiki [On the Conceptual and Terminological Essence of Text as an Object of Stylistics]. Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific Thought of the Caucasus], 2007, no. 4 (52), pp. 61–71. (In Russ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КЛАДОВА АЛИНА ЭДУАРДОВНА, независимый исследователь, г. Новосибирск, Россия, a.stepenok@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2600-1592>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALINA E. KLADOVA, independent researcher, Novosibirsk, Russia,
a.stepenok@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2600-1592>.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025;
одобрена после рецензирования 13.10.2025;
принята к публикации 15.10.2025.

The article was submitted on 01.09.2025;
approved after reviewing on 13.10.2025;
accepted for publication on 15.10.2025.

UNIVERSUM HUMANITARIUM

